

ФЕЛИКС КАНДЕЛ

ЕВРЕИ РОССИИ
ВРЕМЕНА
И СОБЫТИЯ

Феликс Соломонович Кандель
Евреи России. Времена и события.
История евреев Российской империи

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=10402053

Евреи России. Времена и события. История евреев российской империи. / Научный редактор М.

Кипнис.: «Гешарим – Мосты культуры»; Иерусалим – Москва; 2014

ISBN 978-593273-384-4

Аннотация

За последние двадцать лет появилось немало книг и статей о евреях Российской империи, основанных на архивных документах. Эта книга – научно-популярное изложение истории российских евреев от их первых появлений на различных территориях, которые впоследствии вошли в состав Российской империи. Книга подобного рода впервые выходит на русском языке: в ней использованы новейшие исследования историков и архивные источники.

Содержание

Часть первая	6
Очерк первый	6
Очерк второй	12
Очерк третий	21
Очерк четвертый	27
Очерк пятый	36
Очерк шестой	41
Очерк седьмой	50
Очерк восьмой	57
Очерк девятый	67
Очерк десятый	78
Очерк одиннадцатый	89
Очерк двенадцатый	100
Очерк тринадцатый	109
Очерк четырнадцатый	118
Очерк пятнадцатый	131
Часть вторая	144
Очерк шестнадцатый	144
Очерк семнадцатый	154
Конец ознакомительного фрагмента.	155

Феликс Соломонович Кандель

Евреи России. Времена и события.

История евреев российской империи

За прошедшие четверть века – после распада Советского Союза – появилось немало книг и статей о евреях Российской империи, основанных на архивных документах, ранее недоступных.

Эта книга базируется на предыдущей работе того же автора. В ней использованы многочисленные материалы последних лет, которые не изменили – да и не могли изменить – общую картину истории еврейского народа. Однако сотни дополнительных данных, основанных на новейших исследованиях, помогут читателю, по мнению автора, полнее ощутить социальную, религиозную и культурную жизнь евреев Восточной Европы – среди народов, их окружавших.

Еврейские судьбы разных веков на фоне исторических событий – неперенная составляющая этой книги, и для начала обратимся к воспоминаниям.

В 1833 году в белорусском городе Бобруйске родилась Полина (Паулина) Эпштейн, в замужестве Венгерова. Ей досталась долгая жизнь судьбоносного, быть может, периода в жизни российских евреев; она жила со своей семьей в Бресте, Конотопе, Ковно, Вильно, Петербурге, Минске и на исходе дней написала «Воспоминания бабушки».

«Хочу изобразить прошлое достоверно и безыскусно – так, как оно живет в душе моей и памяти; картины невозвратных лет снова проходят предо мной. Не думаю о том, что из этого должна получиться книга. Просто усаживаюсь поудобнее в старом кресле и рассказываю...»

В этих рассказах Полина Венгерова упомянула среди прочего слова своей матери: «Про две вещи я в точности могу сказать: мы и наше поколение проживем свой век и умрем евреями; наши внуки наверное не умрут евреями, но что станет с нашими детьми – это для меня загадка».

И в тех же воспоминаниях бабушка Полина пишет уже о своем времени, о своих детях и внуках:

«Другие народы и нации берут из современных идей лишь то, что соответствует их характеру, сохраняя при этом свою самобытность. Над еврейским же народом тяготеет какое-то проклятие, он почти всегда усваивает чуждое и новое ценой отречения от старого, самого своего извечного и священного...

Мужчины больше не чтит святость субботы и не прерывали ради нее неотложных дел... Их дух не возносился в небесные сферы, а плоть уже не восстанавливала потерянных за неделю сил в строгом спокойствии субботы... Правда, женщины, всем сердцем привязанные к старым порядкам, еще творили молитвы, зажигая свечи в канун субботы, но просвещенный супруг прикуривал от них сигару, и лицо жены искажалось болезненной усмешкой.

С тем же радушием, с каким хозяин дома приветствовал некогда субботнего ангела, он встречал теперь своих приятелей, явившихся сыграть в преферанс. Пусть на столе еще стоял кубок благословения, наполненный вином, никто не пригублял его. Он стал символом. Вот наперченная рыба – другое дело, отступничество еще не зашло так далеко, чтобы отказаться от субботнего ужина... Место субботних песнопений заняли забавные истории, неисчерпаемые еврейские анекдоты; игра в карты могла затянуться до глубокой ночи, ибо рано утром господу уже не являлись в синагогу к молитве...

Крещение моих детей стало для меня самым тяжелым ударом в жизни... Постепенно это страдание перестало быть личной драмой, оно всё больше приобретало характер наци-

онального бедствия. Не только как мать, но и как еврейка я испытывала боль за весь еврейский народ, который терял столько благородных сил...

И вот пришло третье поколение, которое не боялось ни Бога, ни черта. Самые высшие почести оно оказывало собственной воле и возвысило ее до божества. Этому божеству оно курило ладан. Оно воздвигало ему алтари. Без страха и трепета оно приносило ему самые священные жертвы. Трагедией и роком этого юношества было то, что оно выросло без традиций...

Возможно, некоторые из молодых читателей подумают, что я вижу ситуацию в чересчур мрачном свете. Что мои воспоминания пеленой застилают мое зрение. О нет... Третье поколение! Покажите мне ваше счастье, покажите мне благородство вашей морали – и я с готовностью склонюсь перед вами».

* * *

Это был запев, а теперь перейдем к последовательному изложению исторических событий и судеб евреев, что в течение многих веков жили на разных территориях, которые к началу двадцатого века входили в состав Российской империи.

Гигантские расстояния отделяли их друг от друга – евреев Бухары, к примеру, от евреев Польши, были у них разные традиции, говорили они в быту на разных языках, но один это народ, и одна вера, один общий язык – иврит, на котором они молились, и один Бог, которому они служили в радости и в горе.

В этой книге приведены многие подробности при описании бесчисленных погромов, подробности устрашающие, и читатель вправе спросить: зачем выплескивать на страницы так много крови? Не достаточно ли ограничиться двумя-тремя примерами?.. Нет ответа на этот вопрос. Было и есть лишь постоянное беспокойство-напоминание – изнутри, толчками крови: если ты не расскажешь о них, убитых и замученных, если ты не поведаешь, не упомянешь, – то кто же?..

За долгие годы работы над книгой – изучая материалы, просматривая газеты, собирая по крохам из разных источников, автор неоднократно повторял сказанное в давние времена: «Когда камень падает на кувшин, горе кувшину. Когда кувшин падает на камень, горе кувшину. Всегда, всегда – горе кувшину...»

Памяти евреев разных времен, что жили, работали и нашли последнее упокоевание в той земле, памяти родителей и брата – посвящает автор эту книгу.

Иерусалим, 2014 год.

Часть первая (До второй половины восемнадцатого века)

Очерк первый Кто мы. Как называем сами себя. Как называют нас другие. Когда пришли на эти земли

*Еще что же то за богатырь ехал?
Из этой земли из Жидовския
Проехал Жидовин – могуч богатырь...*

1

Прежде всего – как мы называем сами себя и как называют нас те народы, среди которых нам приходилось и приходится жить.

Евреи – называемся мы по-русски, «еврей» – записано было в советских паспортах, и это название восходит через византийское «эврэос» к древнегреческому «эбрайос», а отсюда уже недалеко и до коренного еврейского самоназвания – «иври».

«Иври» – слово на языке иврит – встречается в Торе не один раз. Вот, например, когда враги захватили в плен Лота, племянника Авраама, сказано: «И пришел один из уцелевших, и известил Аврама...» – написано «Аврам га-иври», что означает по-русски – Авраам-еврей. И Йосефа, сына Якова, называет Тора – «иври», еврей Йосеф. И Моисей заступился в Египте за одного несчастного, которого избивал египтянин, и назывался этот несчастный – «иври», еврей.

Сказано в Торе: если есть у тебя раб-еврей – «иври», то шесть лет он может быть рабом твоим, а на седьмой год его следует непременно отпустить на свободу. Потому что он, как и ты, «иври» – еврей. И в книге пророка Ионы, когда корабельщики спросили его во время бури: кто ты? из какого народа? – ответил им Иона: «Иври анохи» – «я еврей».

«Иври» – в буквальном переводе это означает «пришелец с той стороны», и еврейская традиция трактует это как «пришелец из-за реки Евфрат». «Аврам га-иври» – Авраам-еврей – пришел в Ханаан с севера, из-за Евфрата, он первым назван в Торе этим именем. Авраам был также потомком Эвера: «Эвер», «иври» – очень близкие созвучия, не отсюда ли глубинный смысл этого слова? Эвер верил в единого Творца Вселенной, поэтому, возможно, и потомок Эвера, последователь веры Эвера в единого Бога называется «иври» – еврей.

Есть у нас и другое название по-русски – иудей. Так было записано когда-то в паспортах евреев Российской империи в графе «вероисповедание» – «иудей». Слово «иудей» восходит к еврейскому самоназванию – «иегуди». У Якова, праотца нашего народа, было двенадцать сыновей, родоначальников двенадцати колен Израиля. Одного из сыновей Якова звали Иегуда, и его потомки назывались «иегудим». Потом так стали называть жителей Иудейского царства в отличие от жителей Израильского царства. После падения Израильского царства названием «иегуди» стали обозначать национально-религиозную принадлежность вне всякой связи с какими-либо территориальными границами. «Иегуди» – иудей.

Существуют и иные самоназвания: «бней Исраэль» – сыновья Израиля, «Исраэль» – Израиль, «бейт Яаков» – дом Яакова, праотца нашего народа, но в русском языке были употребительны два названия: еврей и иудей. И изредка еще, в прежние времена, называли нас в России – «израэлиты». Все эти русские названия произошли от соответствующих древнееврейских самоназваний: «иври», «иегуди», «исраэль».

Эти же самоназвания вошли и в языки народов мира – с некоторыми звуковыми изменениями, характерными для каждого языка. К названиям «иври», «иегуди», «Исраэль» восходят английские Hebrew, Jew, Israelite, немецкие Hebraer, Jude, французские Hebreu, Juif, Israelite, итальянские ebreo, giudeo, испанские hebreo, judío, португальское judeo, польское żyd.

Эти же коренные слова – «иври», «иегуди», «Исраэль» – присутствуют и в языках евреев, что жили прежде и живут сегодня на территории бывшей Российской империи. Восточноевропейские евреи называют себя на идиш – «идн», бухарские евреи называют себя на еврейско-таджикском диалекте – «яхуди», «исроэл», горские евреи на татском языке – «джухур», грузинские евреи на грузинском языке – «эбраэли», «исраэли»; крымские евреи, крымчаки называют себя на крымчакском диалекте крымско-татарского языка – «срэл балалары» или «бане исраэл»; лахлухи – есть и такие евреи, выходцы из Иранского Азербайджана и Курдистана – называют себя на новоарамейских диалектах «сраэль», «удэ».

И всё отсюда, от этих самоназваний – «иври», «иегуди», «Исраэль».

2

Есть еще одно название, которым нас иногда называют по-русски: жид. Вместе со словом «иудей» оно восходит к греческому – «иудайос», а отсюда уже к знакомому нам слову на иврите – «иегуди». Жид – это древнее общеславянское название еврея, которое существовало в русских летописях и в русском законодательстве до конца восемнадцатого века и не носило прежде обидного смысла.

Несколько примеров из русских источников.

Одиннадцатый век, из устава времен князя Ярослава: «Аще кто с бусурманкою или с жидовкою блуд сотворит... от церкви да отлучится и от христиан, а митрополиту двенадцать гривен».

Пятнадцатый век, из поучений митрополита Зосимы: новгородские еретики «хвалят жидовскую веру, поносят и хулят Иисуса Христа, сына Божия, и Богоматерь, и называют иконы идолами».

Восемнадцатый век, из частного дневника: «Через Красный Кабачок проехал почтой из Ревеля в Петербург голицынский придворный жид Липман».

Кроме названия «жид» существовало понятие «жидовин»: чаще всего в былинах, в народных песнях, сказаниях и поговорках.

Еще что же то за богатырь ехал?
Из этой земли из Жидовския
Проехал Жидовин – могуч богатырь...
Сыра мать земля всколебалася,
Из озер вода выливалася,
Под Добрыней конь на колена пал...

Далее в былине сказано, что Добрыня не стал воевать с Жидовином, а выехал навстречу ему сам Илья Муромец. Долго они дерутся – палицами, саблями, копьями, врукопашную, поначалу Жидовин вроде одолевает Илью: «Сел нахвальщина на белы

груди, вынимал чинжалище булатное, хочет вспороть груди белые...», – но, в конце концов, Илья Муромец побеждает Жидовина и говорит своим товарищам: «Ездил в поле тридцать лет, этакого чуда не наезживал!..»

Этот Жидовин присутствует также в сербских и болгарских былинах. В славянском предании сказано, что жиды – это первые люди на земле, которые вылезли из земли, как грибы. Высокие и дородные, они ходили спотыкаясь, падали и не могли больше встать. Они не боялись ни грома, ни молнии, когда начиналась гроза, клали себе на голову камень, приговаривая: «Каменная у меня голова! Что ты со мной поделаешь?» Легенда говорит: когда Всевышний увидел, что они такие никудышные, падают, не могут снова подняться, Он их извел – и этих жидов не стало.

За прошедшие века накопилось немало русских пословиц, поговорок и примет о евреях. Достаточно пролистать Толковый словарь и Собрание пословиц и поговорок В. Даля, чтобы понять, как выглядели мы, евреи, в глазах того населения, среди которого нам довелось жить.

Господь и жидов манной кормил.

Цыган да жид обманом сыт.

Жиды как шмели: все за одного стоят.

У мужика грудь никогда не зябнет, у жида – пятки, у ляха – уши.

Православного обманет цыган, цыгана жид, жида грек, грека – черт.

Из двух котлов жидов черти одного армянина выварили.

Девка с полными ведрами, волк, медведь и жид – добрая примета.

3

В 1989 году в Советском Союзе прошла последняя всеобщая перепись населения. Каждому гражданину страны выдавался опросный лист, который он должен был заполнить, и в графе «национальность» 1 миллион 450 тысяч человек записали – еврей. 1 миллион 450 тысяч человек определили себя как евреи, хоть и жили они в тот момент в разных частях Советского Союза – с разными обычаями и разными разговорными языками.

Ашкеназы составляли по той переписи 95 процентов от общего количества евреев бывшего СССР: в основном, евреи России, Украины, Белоруссии, Молдавии и Прибалтики. Ашкеназы – это потомки евреев, что жили в Средние века на территории теперешней Германии, в особенности по берегам Рейна. Затем они стали селиться в Польше и Литве, потом попали в Российскую империю, но название «ашкеназы» сохранилось по сей день. Когда-то евреи называли Германию «эрец Ашкеназ», а отсюда и ашкенази – это немецкий еврей или потомок немецкого еврея.

Обозначению «ашкеназы» противопоставлено обозначение «сефарды», которое определяет еврейский культурный комплекс, сложившийся в Испании и Португалии в Средние века. На территории бывшего Советского Союза почти нет сефардов, но живут восточные евреи, которых неверно называют сефардами. По переписи 1989 года они составляли около 5 процентов от общего количества евреев Советского Союза, и среди них – бухарские евреи, горские евреи, грузинские евреи, крымчаки и лахлухи (об этих группах еврейского населения будет рассказано отдельно).

Вот такие мы разные, российские евреи, и Россия не сразу и не вдруг познакомилась с нами. Это был долгий период, растянувшийся на многие века, пока сотни тысяч евреев не оказались на территории Российской империи. Бывали периоды, когда евреи уходили от преследований и селились на тех землях, которые затем подпадали под власть русских

царей. Бывали периоды, когда Россия расширяла свои границы и обнаруживала на занятых территориях вместе с коренными народами, их населявшими, еще и евреев.

Во второй половине девятнадцатого века Россия захватила территории Средней Азии, и часть среднеазиатских евреев стали подданными русского царя. В первой половине девятнадцатого века Россия распространила свою власть на Кавказ и Закавказье, и ее подданными стали горские и грузинские евреи. В 1812 году, после присоединения Бессарабии, очутились в России бессарабские евреи. Крым – 1783 год – вошел в состав Российской империи, и крымские евреи тоже. 1772–1795 годы, три раздела Польши – огромные количества евреев Белоруссии, Литвы, Польши, Украины и Курляндии оказались на русской территории.

Но и до этого, еще раньше, еврей-купцы приезжали торговать в Россию, если их, конечно, туда впускали. Еврей-одиночки приезжали в Россию работать – врачи, аптекари, мастера разных ремесел, и одни из них приживались и оставались навсегда, а других изгоняли или убивали. Известны и такие исторические периоды, совсем уж в давние времена, когда не было еще Российской империи, не было Московского княжества, не было Киевской Руси, а евреи уже приходили на эти земли и поселялись там. В Средней Азии, к примеру. В Крыму. И на Кавказе.

4

Говорили мудрецы Израиля: «Знай, откуда ты пришел», добавляли к этому: «Кто не знает, откуда он пришел, не будет знать, куда ему идти», а потому повторим рассказ о нашей родословной, кому-то уже знакомый.

Известно из библейской истории: Авраам родил Ицхака, Ицхак родил Якова, у Якова было 12 сыновей, родоначальников 12 колен Израиля. После исхода из Египта эти колена расселились на Земле Израиля, управлялись сначала судьями, потом царями: первым был царь Шауль (Саул), за ним Давид, за Давидом – Шломо (Соломон). После смерти царя Шломо еврейское государство разделилось на два – Иудею на юге и Израиль на севере. Два колена входили в состав Иудеи, колена Иегуды и Биньямина, остальные десять колен составляли население Израиля.

В 722 году до новой эры могущественная тогда Ассирия завоевала Израильское царство, захватила его столицу Самарию и угнала в полон многих жителей – в Ассирию, в Мидию. Это было первое в нашей истории массовое переселение евреев со своей земли, первое изгнание. В 586 году до новой эры вавилонский правитель Навуходоносор завоевал Иудейское царство, взял после осады Иерусалим, разрушил Храм и увел в Вавилонию большинство жителей. Разные еврейские общины мира ведут отсчет от этих событий, считая себя потомками тех изгнанников: евреи Аравии, Йемена, Персии, Бухары, Кавказа, Испании, Франции, Германии, Китая.

Были затем на земле Израиля греко-сирийские завоеватели, и они тоже угоняли пленников. Было Великое еврейское восстание против Рима, разрушение римлянами Второго Храма в 70 году новой эры и новый угон пленников. Было восстание Бар-Кохбы, выселение евреев после подавления восстания в 135 году, – так начиналось и так продолжалось расселение евреев по землям и странам, от одного правителя к другому, затихая во времена благополучные и возобновляясь в периоды гонений.

Начнем с северного Причерноморья.

Евреи приходили туда вместе с греческими, римскими, а затем и византийскими поселенцами и оседали в узловых транзитных пунктах на главных торговых путях Южной Руси, в том числе, очевидно, и на пути «из варяг в греки», и передвигались по этим путям, основывая свои общины. Это был долгий исторический процесс, в большинстве слу-

чаев не зафиксированный в хрониках, – на северных берегах Черного моря, на открытой дороге между Европой и Азией, в сложных условиях перемещений и столкновений гигантских людских масс, когда один народ вытеснял народ другой или подчинял себе его остатки.

Греческий историк Геродот – со ссылкой на поэта древних времен Аристея – сообщал, что на северных берегах Черного моря жили киммерийцы, севернее их – скифы, еще дальше – исседоны, потом аримаспы – одноглазые люди, за аримаспами грифы стерегли золото, и совсем уж на севере располагались блаженные гипербореи.

Что правда в этих рассказах, а что вымысел – решайте сами, но вот названия исторических народов, которые действительно прошли через южнорусские степи, завоеывая и в свою очередь завоеванные. Скифы, массагеты, исседоны, киммерийцы, агатирсы, невры, будины с гелонами, сарматы, бастарны, гунны, аланы, авары, хазары, угры-мадьяры, черные болгары, утугуры с кутугурами, касоги с ясами, печенеги с половцами, – и где-то там, среди них, в безумном водовороте войн, пленений и перемещений народов жили и евреи, такие от всех отличные – посреди язычников: со своим единым Богом и со своими традициями.

В старинных летописях, оспариваемых современными историками, сказано, что царский грузинский род Багратиони и царский армянский род Багратуни основаны евреями.

В «Истории Армении» Мовсеса Хоренаци – Моисея Хоренского, которая составлена в пятом веке новой эры, сказано: «Об армянском царе по имени Храчаей, современнике вавилонского царя Навуходоносора, рассказывают, что он выпросил у Навуходоносора одного из главных еврейских пленников по имени Шамбат, привел его в Армению, поселил там и осыпал почестями. От Шамбата (или Смбата) происходит, по преданию, род Багратуни, чему подтверждением служит то, что Багратуни часто давали своим сыновьям имя Смбат».

В грузинском летописном своде «Картлис цховреба» («Житие Грузии») написано так: «Семеро братьев бежали из плена филистимлян и наконец пришли в Эклеци, где находился дворец армянской царицы Ракаэл. Здесь они вскоре приняли христианство, и трое из братьев остались в Армении. Их внуки и правнуки и сейчас княжат в той стране. Четверо же других решили идти еще дальше на север. Так они оказались в Картли. Один из братьев, по имени Гуарам, возвысился, стал эриставом. Он и является родоначальником грузинских Багратионов».

В «Картлис цховреба» генеалогия Багратионов возводится к библейскому Ишаю (Иессею), к его сыну – еврейскому царю Давиду и к сыну Давида – Шломо (Соломону), а потому грузинские цари из рода Багратиони титуловали себя «Иессиан – Давидиан – Соломонианами». В их гербе изображена праща царя Давида, с помощью которой он убил Голиафа, арфа Давида, а над гербом надпись по-грузински: «Божией милостью потомок Иессея, Давида и Соломона царь всея Грузии». И стих из псалма: «Клялся Господь Давиду: истина – Он не отступит от нее: «От плода чрева твоего (из сыновей твоих) посажу на престоле твоем»».

До конца восемнадцатого века название «жид» означало в России лишь принадлежность к определенной национальности и употреблялось в том же смысле, что «поляк», «турок» или «татарин». Сохранились документы и письма, в которых уважаемых евреев называли «жидами», добавляя при этом лестные и почетные титулы. Но к концу восемнадцатого века из официальных российских документов, выпускавшихся от имени Екатерины II, исчезло прежнее наименование – «жиды», а взамен появилось новое – «еврей».

В 1790 г. еврей-купцы из Белоруссии пожаловались начальству, что в Москве их называют «жидами» «в поругание», в то время как власти именуют их «евреями». Постепенно название «жид» стало приобретать в русском языке презрительное и оскорбительное звучание, однако в литературе, в частных письмах и во многих документах девятнадцатого века широко употреблялось это наименование – «жиды».

Во всех дореволюционных изданиях Толкового словаря В. Даля объяснение слова «еврей» отсутствует, но зато присутствует толкование понятия «жид, жидовин, жидюк, жидюга, жидовье». И вот оно: «Старинное народное название еврея. Презрительное название еврея». В Толковом словаре Д. Ушакова сказано (1935 год): «Жид – в устах антисемитов – еврей (презрит)». В Толковом словаре С. Ожегова (1975 год) объяснение этого слова отсутствует.

Депутат П. Милюков говорил с трибуны Государственной Думы (начало двадцатого века): «К сожалению, отдельные депутаты при упоминании одной из наций допускают употребление унижительного наименования, имеющего оскорбительный характер (смех справа). Слово «жид», «жидовское племя», «лица жидовского происхождения» – словом, ту специфическую терминологию, которая является общеупотребительной среди подонков общества и малокультурных слоев населения (аплодисменты слева)».

Очерк второй

Хазары. Хазарский каганат. Принятие иудаизма. Расцвет и гибель Хазарии

Хазарскому правителю Булану явился во сне ангел и сказал: «О, Булан! Твои намерения угодны Творцу, но действия твои Ему не угодны». Ангел пообещал Булану власть и славу, если он примет еврейскую религию; после этого Булан отправился походом на Кавказ и выиграл несколько сражений...

1

В середине четвертого века новой эры на Восточную Европу обрушились гунны, видом своим поразившие европейцев. Историк того времени описывал их: коренастые, безбородые, «безобразные, похожие на скопцов», «приросшие к коням», они постоянно «кочуют по разным местам, будто вечные беглецы», и «сокрушают всё, что попадается на пути».

Гунны заняли прикаспийские и донские степи, опустошили Причерноморье, ворвались в Центральную Европу. Их повелителем стал Атила; это была огромная гуннская империя, которая распалась после его смерти, в 454 году. Племена и народы восточноевропейских степей освободились из-под власти гуннов, стали развиваться самостоятельно, а их имена появились в исторических хрониках тех времен: акациры, барсилы, сарагуры, уроги, савиры, авары, болгары, утугуры с кутугурами.

С шестого века появляются в сирийских, армянских, византийских, латинских и китайских рукописях первые сведения о неизвестном до того народе, который поселился на территории Нижнего Поволжья и восточной части Северного Кавказа. А в последующие века имеется немало упоминаний о них в арабских и персидских источниках. Арабы в своих летописях называли их «ал-хазар», армяне называли их «хазирк», в «Начальной русской летописи» они названы «козаре», в еврейской средневековой письменности они появились под именем «кузар», «кузарим». В современном русском языке этот народ называется хазары.

Византийские писатели тех времен причисляли хазар к тюркским народам. Так же полагали и арабские писатели, хотя были среди них и такие, что относили хазар к грузинам или к армянам; в армянском источнике их связывали с китайцами, в грузинской летописи – со скифами; арабский географ десятого века Абу-Абдалла ал-Мукаддаси писал: «В наружном виде... в хазарах есть сходство со славянами». На самом деле название «хазары» охватывало племена различного происхождения, многочисленные кочевые и полукочевые народы, остатки прошедших через южнорусские степи гуннов, и тюркские элементы там преобладали.

Колыбелью хазар были прикаспийские степи Северного Предкавказья, то есть территория современного Дагестана. Хазары были воинственным народом, еще в шестом веке – в составе других тюркских племен – они ходили походами в Закавказье, и персидский шах для защиты от них построил гигантскую стену со многими оборонительными башнями. Армянский историк седьмого века Мовсес Каланкатвацци описывает их как «безобразную, гнусную, широколицую, безресничную толпу», которая «в образе женщин с распущенными волосами» устремилась в Закавказье.

Хазарский каганат образовался в середине седьмого века, его столицей был сначала город Семендер на территории теперешнего Дагестана, а затем Итиль в устье Волги. В седьмом веке хазары оттеснили на запад болгар и захватили приазовские степи, Северное Причерноморье, часть степного Крыма. «Хазары, великий народ... – писал византиец Феофан Исповедник. – Овладели всей землей вплоть до Понтийского моря».

Так возникла федерация разных племен, которые занимались кочевым скотоводством, земледелием, охотой и рыболовством. Федерация возглавлялась хазарским (тюркским) родом, а все племена и народы, что входили в нее, могли самостоятельно ходить в походы, заключать договоры и принимать ту религию, которую они желали. Хазарский каганат существовал около трехсот лет, и в период наивысшего расцвета его территория простиралась от Дуная до Аральского моря на востоке, от Среднего Поволжья до Кавказа и Крыма на юге.

В Хазарском каганате было два верховных правителя. Один из них – главный царь, каган, который принадлежал к фамилии знатного происхождения; обычай его избрания описал арабский географ Истахри: «Когда они желают поставить кого-нибудь каганом, то приводят его и начинают душить шелковым шнурком. Когда он уже близок к тому, чтобы испустить дух, говорят ему: «Как долго желаешь царствовать?» Он отвечает: «Столько-то и столько-то лет»...»

Этот обычай был связан с верой в божественную силу кагана: он сам определял в полузабытьи срок пребывания в его теле этой силы. Каган жил уединенно со своими женами, к нему допускались лишь несколько чиновников после прохождения очистительных обрядов. Если на страну обрушивалось несчастье – засуха, разорение, поражение в войне, то этого кагана убивали, потому что в нем иссякла божественная сила, и взамен выбирали нового кагана, которому начинали поклоняться. Но фактическая власть в стране принадлежала другому царю – каган-бегу: он стоял во главе войска и вершил государственные дела.

К восьмому веку Хазарское государство стало могущественной политической и военной силой Восточной Европы. Хазары вели долгие войны с Арабским халифатом, и – как отмечают теперешние историки – Хазария сыграла важную роль в истории восточноевропейских народов, заслонив их от арабов и выдержав атаки неодолимых прежде арабских армий. Хазария помогла Византии, оттягивая на себя арабские силы, которые в противном случае угрожали бы Византийской империи, и ограждала славян в Приднестровье от нападений кочевников.

Русский ученый-тюрколог В. Григорьев писал в девятнадцатом веке: «Необыкновенным явлением в средние века был народ хазарский. Окруженный племенами дикими и кочующими, он имел все преимущества стран образованных: устроенное правление, обширную цветущую торговлю и постоянное войско. Когда величайшее безначалие, фанатизм и глубокое невежество оспаривали друг у друга владычество над Западной Европой, держава Хазарская славилась правосудием и веротерпимостью, и гонимые за веру стекались в нее отовсюду. Как светлый метеор, ярко блистала она на мрачном горизонте Европы...»

Подобное отмечал в двадцатом веке и русский академик Ю. Готье: «Историческая роль хазар не столько завоевательная, сколько объединяющая и умиротворяющая. Это обстоятельство выдвигает их из множества народов азиатского происхождения, последовательно сменявших друг друга на пространстве между Волгой, Доном и Кавказом».

2

Хазары были язычниками, одним из многих языческих народов Восточной Европы, приносили жертвы огню и воде, поклонялись луне, деревьям, божеству Тенгри-хану, – и мы бы не упомянули о хазарах в этом повествовании, если бы не одно обстоя-

тельство. В первой половине восьмого века часть хазар Северного Предкавказья во главе со своим правителем Буланом приняли иудаизм. В тех местах жили тогда евреи, ушедшие из Сасанидского Ирана во времена насильственного насаждения чужой веры, – от них, скорее всего, пришла к хазарам еврейская религия.

Легенда рассказывает, что хазарскому правителю Булану явился во сне ангел и сказал: «О, Булан! Твои намерения угодны Творцу, но действия твои Ему не угодны». Ангел пообещал Булану власть и славу, если он примет еврейскую религию; после этого Булан отправился походом на Кавказ и выиграл несколько сражений. Из разных источников известно, что в первой половине восьмого века хазары одержали крупные победы в Кавказской Албании (нынешний Азербайджан), – принятие Буланом иудаизма приурочивается примерно к 740 году.

Но прежде чем он это совершил, император Византии и правитель мусульман прислали ему богатые подарки и отправили ученых мужей – склонить его к своим религиям. Булан устроил диспут, в котором участвовали христианин, мусульманин и еврей, но не принял никакого решения. И тогда он спросил христианского священника: «Как ты думаешь, какая религия лучше – израильтян или исмаильтян?» На это священник ответил: «Вера израильтян лучше веры исмаильтян». Затем Булан спросил мусульманского кадия: «А ты как думаешь, какая вера лучше – христианская или израильская?» Кадий ответил: «Израильская лучше». После этого Булан сказал: «Если так, то вы сами признали, что религия израильтян самая лучшая, и потому я выбираю веру Израиля, которая была верой Авраама. Да поможет мне всемогущий Бог!»

История про Булана стала известна из письма хазарского кагана Йосефа еврею по имени Хасдай Абу Юсуф бен Ицхак бен Эзра бен Шапрут – или Хасдай ибн Шапрут. Он жил в десятом веке в испанском городе Кордова; это был покровитель наук, знал прекрасно еврейский, арабский, греческий и латинский языки, изучал медицину и открыл «всеисцеляющее» средство – корень «фарук», который славился у арабов.

Хасдай ибн Шапрут – личный врач и советник халифа Кордовы Абд ал-Рахмана – вел дипломатические переговоры халифата с другими странами и добивался успехов в переговорах «очаровательной речью, сильным умом, большой ловкостью и тысячами хитростей». Он посылал богатые подарки в еврейские иешивы Вавилонии, собирал вокруг себя и поддерживал еврейских ученых, скупал на Востоке еврейские книги; как говорили тогда, «Хасдай бен Ицхак был среди выдающихся знатоков-законоведов. Он открыл андалузским евреям врата к познанию законов».

В те времена испанские евреи чрезвычайно гордились своим положением и многочисленными успехами в торговле, политике и культуре. Но вместе с тем они зависели от чужих правителей, были представителями рассеянного по миру и угнетенного народа, у которого нигде не было политической самостоятельности, – да и католическое духовенство постоянно подчеркивало, что евреи – презируемый Богом народ, а все их былые преимущества давно уже перешли к христианам. Поэтому испанские евреи с большим волнением воспринимали любые слухи о существовании в неведомых краях независимых еврейских государств.

В конце девятого века объявился в Испании некий человек по имени Эльдад, который утверждал, что происходит из колена Дана, одного из десяти пропавших колен Израиля. Он сообщил, что четыре колена – Дан, Нафтали, Гад и Ашер – живут богато и счастливо под скипетром еврейского царя в стране Куш (Абиссиния), за легендарной рекой Самбатсион. Эльдад рассказал также, что «колono Шимона и половина колена Менаше обитают в стране кузарим, на расстоянии шести месяцев пути от Иерусалима; они неисчислимы и собирают дань с двадцати пяти царств».

Это известие привело испанских евреев в неопишное возбуждение. Каждому было известно, что десять пропавших колен составляли население Израильского царства; когда

оно было разрушено ассирийцами в 722 году до новой эры, всех угнали в плен – в Ассирию и Мидию, и с этого момента десять колен Израиля как бы исчезли с лица земли. Их искали, о них создавали легенды, время от времени появлялись полуавантюристы, полуфантазеры, которые уверяли всех, что приехали из тех мест, где эти пропавшие колена живут самостоятельно под властью справедливого еврейского царя, – и им верили, этим людям, потому что очень хотели поверить, что не все сыны народа живут под чужой властью-прихотью.

Хасдай ибн Шапрут знал о рассказах Эльдада из колена Дана и – как все испанские евреи – ожидал этому подтверждения. В середине десятого века он узнал от заезжих персидских купцов, что на востоке, в далеких степях, существует могущественное иудейское государство. Поначалу он не поверил купцам, но вскоре посланцы из Византии подтвердили сообщение: есть такое государство в пятнадцати днях пути от Византии, имя ему – ал-Хазар, и правит там царь Йосеф. «Корабли приходят к нам из их страны, – сообщили посланцы, – и привозят рыбу, и кожу, и всякого рода товары... Они с нами в дружбе и у нас почитаются... Между нами и ими постоянный обмен посольствами и дарами. Они располагают военной силой, могуществом и войсками, которые выступают на войну по временам».

Евреи с восторгом приняли известие о существовании на востоке царства, которое живет по законам Моисея. Сразу же решили, что хазары – это потомки Иегуды и таким образом осуществилось библейское пророчество: «Не отойдет скипетр от Иегуды». Даже когда впоследствии выяснилось, что хазары – перешедшие в иудаизм идолопоклонники, это не поколебало симпатий к неизвестному народу. Рассказами о хазарах евреи зачитывались в последующие века, существовала разнообразная еврейская литература на эту тему, и переписка Хасдая ибн Шапрута с царем Йосефом занимает в ней почетное место.

3

Хасдай ибн Шапрут написал письмо хазарскому царю: «От меня, Хасдая, сына Ицхака, сына Эзры, из потомков иерусалимской диаспоры в Сфараде (Испании), раба моего господина, царя... чтобы он долго жил и царствовал в Израиле...»

Это письмо он направил сначала с особым посланцем через Византию, но тамошний император полгода продержал у себя посланца и затем отправил его назад, ссылаясь на невероятные опасности, которые подстерегают на пути в Хазарию. Скорее всего, в христианской Византии не желали способствовать сближению европейских евреев с Хазарским каганатом. Настойчивый Хасдай ибн Шапрут решил переправить письмо через Иерусалим, Армению и Кавказ, но в этот момент подвернулась оказия, два еврея из Загреба, которые отвезли письмо в Хорватию, оттуда его переслали в Венгрию, а затем через Русь – к хазарам.

Хасдай ибн Шапрут писал в своем письме, что если сведения о еврейском государстве верны, то он бы и сам «пренебрег своим почетом и отказался от своего сана, оставил бы свою семью и пустился странствовать по горам и холмам, по морю и суше, пока не пришел бы к месту, где находится господин мой, царь, чтобы увидеть его величие, его славу и высокое положение, чтобы повидать, как живут его рабы и как служат его служители, и покой уцелевшего остатка Израиля... Как я могу успокоиться и не думать о разрушении нашего великолепного Храма... когда нам говорят каждый день: «У каждого народа есть свое царство, а о вас не вспоминают на земле»...»

В своем письме Хасдай ибн Шапрут задавал царю много вопросов: о размерах государства и его природных условиях, о городах, о его войске, но самые главные вопросы – «из какого он колена», этот царь, «сколько царей царствовало до него и каковы их имена, сколько лет царствовал каждый из них и на каком языке вы говорите». Хазарский каган Йосеф получил послание из Кордовы, и до наших дней дошли два ответа: краткая и пространная вер-

сии его письма, по поводу достоверности которых исследователи ведут полемику. Письмо было написано на иврите, и, возможно, написал его не сам каган, а один из его приближенных-евреев.

Йосеф сообщал, что его народ происходит из рода Тогармы. Тогарма был сыном Яфета и внуком Ноя, а одного из его сыновей звали Хазар. От него-то и пошли хазары. Сначала, сообщал Йосеф, хазары были малочисленны, «они вели войну с народами, которые были многочисленнее и сильнее их, но с помощью Всевышнего прогнали их и заняли всю страну... После того прошли поколения, пока не явился у них один царь, имя которого Булан. Он был человек мудрый и богобоязненный, уповавший всем сердцем на Бога. Он устранил из страны гадателей и идолопоклонников, искал защиты и покровительства у Всевышнего».

Еще сказано в том письме: Булан «совершил над собой, своими рабами и служителями и всем своим народом обрезание... и доставил (к себе) из всех мест мудрецов израильских...» После Булана, принявшего иудаизм, царь Йосеф перечислил хазарских каганов-иудеев, у каждого из них было еврейское имя: Овадия, Хизкиягу, Менаше, Ханука, Ицхак, Звунун, снова Менаше, Нисим, Аарон, Менахем, Биньямин, снова Аарон и, наконец, автор письма – Йосеф.

Он писал, что в его стране «никто не слышит голоса притеснителя, нет противника и нет дурных случайностей... Страна плодородна и тучна, состоит из полей, виноградников и садов. Все они орошаются из рек. У нас есть очень много всяких фруктовых деревьев. С помощью Всемогущего я живу спокойно». Йосеф был последним правителем могущественного Хазарского каганата, и когда он отправлял письмо в далекую Испанию – не позже 961 года, не знал еще, что дни его царства уже сочтены.

4

Обращение в иудаизм – это был длительный процесс, завершившийся к началу девятого века, когда хазарский каган Овадия сделал иудаизм государственной религией. Такое не могло произойти случайно, на пустом месте: по-видимому, уже тогда в Хазарии было достаточное количество евреев, которые повлияли на принятие такого решения. С этого момента каган, его приближенные (возможно, и часть городского населения) стали исповедовать еврейскую религию.

Еще при Булане евреи пришли в Восточное Предкавказье, спасаясь от преследований мусульман. При Овадии, как отмечал арабский историк Масуди, «много евреев переселилось к хазарам из всех городов мусульманских и из Рума (Византии), потому что царь Рума преследовал евреев в своей империи, чтобы совратить их в христианство». Евреи заселили целые кварталы хазарских городов, особенно в Крыму. Многие из них осели и в столице Хазарии – Итиле. Каган Йосеф писал про те времена: Овадия «поправил царство и укрепил веру согласно закону и правилу. Он выстроил дома собрания и дома учения, собрал мудрецов израильских, дал им серебро и золото, и они объяснили ему двадцать четыре книги (Священного Писания), Мишну, Талмуд и весь порядок молитв».

Хазарская аристократия в дальних провинциях восстала против центральной власти. На ее стороне были христиане и мусульмане; восставшие призвали на помощь мажар из-за Волги, а Овадия нанял кочевников-гузов. Византийский император и историк Константин Порфирородный писал об этом: «Когда у них произошло отделение от их власти и разгорелась междоусобная война, центральная власть одержала верх, и одни из восставших были перебиты, а другие бежали». Иудаизм продолжал оставаться государственной религией, евреи жили в спокойствии на территории Хазарского каганата.

Историки тех времен отмечали веротерпимость правителей-иудеев Хазарии; под их властью мирно жили последователи разных религий. Арабский географ ал-Истахри, из «Книги стран»: «Хазары – магометане, христиане, евреи и язычники; евреи составляют меньшинство, магометане и христиане – большинство, однако царь и его придворные – евреи. Простой народ состоит главным образом из язычников, почитающих идолов... Нельзя выбрать каганом лицо, не принадлежащее к еврейской религии».

Арабский историк ал-Масуди отметил в книге «Промывальни золота»: в столице Хазарского царства «семь судей, двое из них для мусульман, двое для хазар, которые судят по закону Торы, двое для тамошних христиан, которые судят по закону Евангелия, один же из них для славян, русов и других язычников, он судит по закону языческому, то есть по разуму». А в «Книге климатов» арабского ученого ал-Мукаддаси сказано совсем просто: «Страна хазар лежит по ту сторону Каспийского моря, очень обширна, но суха и неплодородна. Много в ней овец, меда и евреев».

Были попытки сделать христианство государственной религией Хазарии; в 860 году туда отправился знаменитый Кирилл – создатель славянской письменности. Он принял участие в диспуте с мусульманином и иудеем; хотя в его «Житии» написано, что он победил в споре, каган не переменял религию, и Кирилл вернулся ни с чем. «Наши глаза устремлены к Господу, Богу нашему, и к мудрецам израильским, к академии, которая находится в Иерусалиме, и к академии, которая в Вавилонии», – писал каган Йосеф в своем письме. Узнав о том, что мусульмане в своих землях разрушили синагогу, хазарский каган приказал разрушить минарет главной мечети в Итиле и казнить муэдзина. При этом он сказал: «Если бы я, право же, не боялся, что в странах ислама не останется ни одной не разрушенной синагоги, то разрушил бы и мечеть».

После принятия иудаизма у Хазарии сложились самые неприязненные отношения с Византией. Сначала Византия натравила на хазар аланов, затем печенегов, а потом на них пошел киевский князь Святослав, который и победил хазар. Историки объясняют по-разному причины падения Хазарского каганата. Одни считают, что это государство ослабело в результате постоянных войн с окружающими его врагами. Другие уверяют, что принятие хазарами иудаизма – миролюбивой религии – способствовало снижению боевого духа кочевых воинственных племен. Есть и такие историки, которые объясняют это тем, что евреи со своей религией превратили хазар из «нации воинов» в «нацию торгашей».

Русская летопись пишет об этом, не вдаваясь в причины: «В год 6473 (965). Пошел Святослав на хазар. Услышав же это, хазары вышли навстречу во главе со своим князем Каганом и сошлись биться, и в битве одолел Святослав хазар и город их и Белую Вежу взял...» Другими словами, Святослав взял хазарский город Саркел на Дону – он же Белая Вежа, захватил, должно быть, столицу хазар Итиль и Семендер на Каспийском море, затем вернулся в Киев. «Русы разрушили и разграбили всё, что принадлежало людям хазарским», – отметил арабский историк, а после этого несколько лет подряд племена гузов беспрепятственно грабили беззащитную землю.

Хазары восстановили разрушенную столицу, но, как сообщали арабские историки, там жили уже не иудеи, а мусульмане. В конце десятого века сын Святослава Владимир опять пошел на хазар, овладел страной, наложил на них дань, и снова города Хазарии были уничтожены, столица превращена в развалины. В начале двенадцатого века монах Нестор из Киево-Печерского монастыря записал в летописном своде «Повесть временных лет»: «володеють бо Козары Руськийи князи и до днешнего дне» (другими словами, русские князья владели тогда землей хазар).

Уцелели лишь хазарские владения в Крыму и на берегах Азовского моря. В 1016 году греки и славяне разрушили в Крыму последние хазарские укрепления, взяли в плен кагана Георгия Чолу, который, вероятно, был уже христианином. В 1079 году русская летопись в

последний раз упоминает хазар – жителей восточной части Крыма, а в описаниях еврейских путешественников Крымский полуостров долго еще называли Хазарией.

5

Бывали случаи и до этого, когда значительная часть населения той или иной страны склонялась к иудаизму.

Особенно это проявилось в первом веке новой эры: в Риме, в районе Черного моря и в Малой Азии. Женщины окрестных народов, которые жили бок о бок с евреями, чаще принимали иудаизм, нежели мужчины, потому что их привлекало почетное положение женщины в еврейском обществе под защитой законов и обычаев. Мужчин останавливала порой боязнь обрезания, но, тем не менее, сотни тысяч неевреев, так называемых «себоменой» – «почитателей», соблюдали субботу, отвергали языческих богов, признавали единого Бога и основы еврейской веры, но не соблюдали всех религиозных предписаний.

В первой половине первого века новой эры иудаизм стал государственной религией в царстве Адиабена в Месопотамии, в верхнем течении реки Тигр. Перед восшествием на престол царь Изат принял иудаизм: к этому его склонил некий еврей Анания; сделала это Елена, мать Изата, а затем, по утверждению еврейского историка Иосифа Флавия, и население Адиабены. Царь Изат соблюдал законы иудаизма и отправил в Иерусалим своих сыновей, чтобы изучили еврейский язык и иудейское вероучение. В голодные годы Изат посылал в Иерусалим деньги, царица Елена закупала для голодающих зерно и финики, а царь Монобаз II израсходовал на это сокровища, собранные его предками. В ответ на упреки: «Твои родители накапливали, а ты раздаешь», он отвечал: «Мои родители копили на земле, а я на небе; они собирали деньги, а я спасаю душу».

Елена построила в Иерусалиме и Лоде великолепные здания, подарила Иерусалимскому Храму золотой светильник, который повесили над воротами Храма. Лучи восходящего солнца отражались на блестящей поверхности светильника, по всему Иерусалиму был виден его блеск: это служило сигналом к началу утренней молитвы. Во время Иудейской войны против римлян царская семья из Адиабены помогала восставшим; Иосиф Флавий сообщает, что в «рядах евреев наиболее отличившимися и доблестными были Монобаз и Кенедай, родственники Монобазы, царя Адиабены». Царь Изат и его мать Елена похоронены в Иерусалиме, в «царских гробницах», высеченных в скале и сохранившихся по сей день. (Одна из улиц Иерусалима называется «Гелени га-малка» – царица Елена.)

Иудейское царство существовало также в Южной Аравии, в Химьяре, на территории нынешнего Йемена: в начале шестого века царский дом и его подданные перешли в иудаизм, ревностно соблюдали заповеди. Это было царство, распространившее свою власть на обширные территории Аравии; его царь Зу Нувас не пропускал через свои земли в Индию византийских купцов, потому что в их стране «угнетают евреев».

Этот царь поддерживал связи с еврейскими законоучителями из Тверии, они были его посредниками в переговорах с христианами, – а христиане в отместку грозили сжечь синагоги в Тверии, если евреи не перестанут «посылать грамоты и знатных людей к царю Химьяра». Византийский император натравил эфиопов на царство Химьяр; Зу Нувас погиб в бою в 525 году, с его смертью пришел конец иудейскому царству в Южной Аравии. (В центре Иерусалима располагается небольшая улица имени Йосефа Зу Нуваса, царя Химьяра.)

Известно еще, что берберские племена Северной Африки принимали иудаизм в доисламский период, и у них существовали еврейские княжества. Могущественное племя джарауа, исповедовавшее иудаизм, властвовало почти над всеми берберами Атласских гор; в конце седьмого века во главе этого племени стояла еврейская правительница Дагия ал-Кагина. Во время нашествия арабов она разбила их армию и принудила к отступлению.

Через пять лет арабы снова напали на берберов, и Дагия ал-Кагина распорядилась разрушить все берберские города, чтобы неприятель погиб в опустошенной стране. Она пала в бою с арабами возле источника воды, который в память о ней стали называть «Бир ал-Кагина».

В 1976 году в Нью-Йорке вышла в свет книга «Тринадцатое колено» английского писателя Артура Кестлера. Автор утверждал, что теперешние ашкеназы не имеют никакого отношения к «сынам Авраама», а являются потомками хазар, которые рассеялись по Европе после крушения каганата в десятом веке. По Кестлеру, ашкеназы «вышли не с Иордана, а с Волги, не из Ханаана, а с Кавказа, а это значит, что они намного ближе к таким народам, как гунны, уйгуры или венгры, чем к семени Авраама, Ицхака и Яакова».

Если ашкеназы – не семиты, заявлял писатель, то «само слово антисемитизм оказывается лишенным смысла и представляет собой прискорбный плод недоразумения, равно разделяемого и палачами и жертвами... Эпопея Хазарского каганата, встающая сейчас перед нами из глубины веков, выявляет, пожалуй, самую жестокую шутку, какую история когда-либо сыграла с человеком».

Эту теорию изобрел не А. Кестлер. В конце девятнадцатого века подобное предположение высказал в России Максимилиан Гумплович в очерках «Начало еврейской веры в Польше». Затем то же самое пытался доказать профессор Тель-Авивского университета А. Полак в научном труде «Хазария» (1951 год). Однако современные ученые – на основании многочисленных данных – убедительно доказывают, что евреи расселялись по Западной Европе еще до распространения иудаизма в Хазарии; во времена позднего Средневековья ашкеназские евреи начали переселяться из Центральной Европы в Польшу, Литву, Украину и Белоруссию, где образовали еврейские общины. А некоторое количество хазар, перешедших в иудаизм, стало, возможно, частью крымского, северокавказского и южнорусского еврейства и было поглощено ими.

Теорию о хазарском происхождении евреев-ашкеназов использовали арабские лидеры в 1947 году, сопротивляясь разделу Палестины на арабское и еврейское государства. Эту теорию распространяют и антисиионистские организации для доказательства того, что у еврейского народа нет исторического права на Эрец Исраэль.

В девятнадцатом веке в Тамани обнаружили еврейские надгробные памятники, на лицевой стороне которых были выбиты традиционные еврейские символы – семисвечник, шофар, жезл Аарона, а на обратной стороне – символы нееврейские. Они напоминают племенные знаки тюрок-степняков, выжигаемые на телах их лошадей, знаки собственности – тавро. Многие памятники на кладбище возле Тамани имели на оборотной стороне нееврейские символы, и можно предположить, что в тех могилах были похоронены хазары-иудеи.

В конце двадцатого века на шведском острове Готланд археологи обнаружили клады давних времен, когда жители острова вели обширную торговлю со странами Европы. Эти клады содержали среди прочего множество арабских монет, которые вошли в обращение с восьмого века, а впоследствии их чеканили в монетных дворах разных странах. Среди них оказались, как полагают исследователи, монеты хазарской чеканки середины девятого века; на них можно прочесть надписи на арабском языке «ард ал-Хазар» – «Страна хазар», а также «Муса расул Алла», что означает «Моисей – посланник Бога» (взамен «Мухаммад расул Алла» – «Магомет – посланник Бога» на монетах арабского изготовления).

Очерк третий

Хазары и славяне. Евреи и Киевская Русь. Нашествие монголов

Игумен Печерского монастыря Феодосий «имел следующее обыкновение: многократно ночью вставал и тайно от всех ходил к жидам и спорил с ними о Христе; укорял и досаждал им, называя их отступниками и беззаконниками, желал быть убитым ими за исповедание Христа».

1

Отношения Хазарии и древней Руси вызывают по сей день споры исследователей. Одни полагают, что Хазарский каганат стал защитительной оградой, за которой могла возникнуть и развиваться Киевская Русь, не опасаясь разрушительных набегов кочевников. Другие утверждают, что хазары оказали негативное влияние на славян, особенно после того, как их правители приняли иудаизм. Споры принимают порой ожесточенный характер, вплоть до антисемитских высказываний, что вряд ли допустимо в исторических исследованиях.

Контакты между хазарами и славянами происходили с давних времен, потому что это были народы-соседи. Славянские купцы спускались по Волге к хазарской столице, проникали на восточные берега Каспийского моря, привозили на верблюдах свои товары в Багдад. Русский историк В. Ключевский писал: «Хазарское иго было для днепровских славян не особенно тяжело и нестрашно. Напротив, лишив восточных славян внешней независимости, оно доставило им большие экономические выгоды. С тех пор для днепровцев, послушных данников хазар, были открыты степные речные дороги, которые вели к черноморским и каспийским рынкам. Под покровительством хазар и пошла бойкая торговля из Приднепровья».

В восьмом веке хазары стали брать дань с восточных славян. Сказано в русской летописи: «Хазары брали дань с полян и с северян, и с вятичей, брали по серебряной монете и по белке с дыма», то есть с каждого дома – по шкурке белки и по серебряной монете. Затем поляне освободились от этой подати, о чем упоминает летопись: «Поляне были притесняемы древлянами и иными окрестными людьми. И нашли их хазары... и сказали: «Платите нам дань». Поляне, посовещавшись, дали от дыма по мечу. И отнесли их хазары к своему князю... Сказали старцы хазарские: «Не добрая дань эта, княже: мы доискались ее оружием, острым только с одной стороны, то есть саблями, а у этих оружие обоюдоострое, то есть мечи: станут они когда-нибудь собирать дань с нас и с иных земель»...».

Хазары отступились от полян и взамен обложили данью радимичей, другое славянское племя. В русской летописи есть упоминание о том, что в 885 году «послал Олег к радимичам, спрашивая: «Кому даете дань?» Они ответили: «Хазарам». И сказал им Олег: «Не давайте хазарам, но платите мне». И дали Олегу по щелягу, как раньше хазарам давали».

В каирской синагоге, в ее хранилище, было найдено письмо на пергаменте, которое написали киевские евреи. Современные ученые определили, что письмо на иврите относится к первой половине десятого века; если их заключения верны, это означает, что самый ранний обнаруженный достоверный документ, относящийся к истории Киева, написан на иврите и исходит от еврейской общины города.

В своем письме евреи Киева оповещали евреев рассеяния, что некий Яков бар Ханука «стал жертвой жестокой судьбы: его брат пошел и взял ссуду у иноверцев, а Яков стал его поручителем. Брат отправился в дорогу, но пришли разбойники и убили его, и забрали его деньги. Тогда пришли кредиторы и взяли Якова, на шею его наложили железные оковы и сковали ноги его. И там пробыл он целый год. А потом мы взяли его на поруки, заплатили шестьдесят монет, а еще осталось долгу – сорок монет».

С этим сопроводительным письмом Яков бар Ханука отправился по еврейским общинам мира, чтобы собрать недостающие деньги, и, возможно, дошел до Каира. «Господа наши... – написано было в письме. – Последуйте доброму обычаю... И Всевышний благословит вас и восстановит Иерусалим в ваши дни, и принесет избавление вам, и нам вместе с вами». В нижнем углу письма имеется пометка тюркскими рунами, которую сделал, по всей видимости, хазарский чиновник: «Хокурум» – «Я прочитал». На основании этого письма можно предположить, что в первой половине десятого века в Киеве уже существовала община евреев; в сопроводительном письме указаны их имена, как традиционно еврейские: глава общины Авраам, Ицхак, Реувен, Иегуда, Йосеф, Моше, Шмуэль, так и имена хазарские: Кьябар, Манас, Манар и Кофин.

После разгрома Хазарского каганата евреи, его населявшие, рассеялись по разным странам. Был у них один путь – в Крым. Был другой путь – на Кавказ. Третий путь – возможно, в Среднюю Азию, в Хорезм. Некоторые беглецы оказались даже в Испании; об их потомках упоминал в середине двенадцатого века еврейский историк из Толедо Авраам ибн Дауд: «Мы видели в Толедо некоторых сыновей их сыновей – ученых...»

Был еще путь из Хазарии к Киеву, где жили тогда евреи. Русский историк восемнадцатого века В.Татищев сообщал, что победитель Хазарского каганата Святослав увел в полон в Киев большое количество хазар и расселил их по разным местам, – среди них, наверно, оказались и евреи.

2

Евреи приходили в Киев не только с востока или из Крыма, но и из европейских стран. С девятого века через славянские земли проходили купцы-евреи, которых арабские историки называли раданитами; они вели обширную торговлю Европы с Азией.

Арабский географ ибн Хордабех, из «Книги путей и государств»: «Путь купцов-евреев раданитов, которые говорят на персидском, греческом, арабском, французском, андалузском, славянском языках: они путешествуют с запада на восток и с востока на запад морем и сушей. Они возят евнухов, служанок, мальчиков, шелк, меха и мечи, садятся на корабли во Франции на Западном море, отправляются затем в Джидду, Индию и Китай. На обратном пути они берут мускус, алоэ, камфару, корицу и возвращаются в страну франков».

Раданиты везли товары разными путями, в том числе и через славянские земли, к хазарам в Итиль, а оттуда через Каспий – в Индию и Китай. Киев был узловой станцией на торговом пути, в еврейских источниках этих купцов называли «голхей русия» – идущие в Русь. Так встретились на территории Киевской Руси евреи из Европы и Хазарии. Они составляли группу свободных людей, которые занимались транзитной торговлей, что было чрезвычайно выгодно киевским князьям.

Евреи пользовались свободой передвижения, жили преимущественно в городах, в особых кварталах. В Киеве было два квартала, один из которых назывался Козаре, а другой – Жидове. Возле второго квартала находились Жидовские ворота, которые упоминаются в русской летописи за 1151 год: защищая Киев от половцев, «Изяслав Давыдович стал меж Золотых ворот и Жидовских, а Ростислав перед Жидовскими вороты».

В русской летописи говорится, что в 986 году евреи из Хазарии – «Жидове Козарстии» – приехали к великому князю Владимиру, чтобы склонить его к принятию иудаизма. «А где земля ваша?» – спросил их князь. «В Иерусалиме», – ответили евреи. «Вы разве там живете?» – «Нет, – сказали они, – ибо разгневался Бог на предков наших и рассеял нас по странам за грехи наши...» Тогда Владимир произнес такие слова: «Как же вы других учите, когда сами отвержены Богом и рассеяны? Если бы Бог любил вас, то вы не были бы разбросаны по чужим землям. Разве вы и нам думаете такое зло причинить?» И Владимир, как известно, выбрал христианство.

Церковь боролась с еврейским влиянием, и митрополит Илларион написал в 1050 году полемическое сочинение против иудейской религии «Слово о законе Моисеевом и о благодати Иисуса Христа». Игумен Печерского монастыря Феодосий поучал христиан жить в мире с друзьями и врагами, «но со своими врагами, а не с Божьими... Божьи суть враги: жидове, еретицы, держащие кривую веру». Этот же самый Феодосий «имел следующее обыкновение: многократно ночью вставал и тайно от всех ходил к жидам и спорил с ними о Христе; укорял и досаждал им, называя их отступниками и беззаконниками, желал быть убитым ими за исповедание Христа», чтобы обрести мученический венец. Евреи его не убили, но спорили с ним и защищали свою веру.

Киевский митрополит Иоанн II запрещал продажу евреям рабов-христиан – из боязни, что их обратят в иудейство: «Христианина нельзя продавать ни жидовину, ни еретику, а кто продаст жидам – беззаконник». Из Византии проникали на Русь постановления соборов, направленные против иноверцев, и в уставе князя Ярослава есть закон об отлучении от церкви за сожительство христианина с «бусурманкою или с жидовкою».

Но, тем не менее, положение евреев в Киеве было достаточно прочным. Князь Изяслав перевел рынок с Подола, нижней части города, в верхнюю его часть, где жили евреи, за что они уплатили ему большие деньги. В конце одиннадцатого века число евреев в Киеве увеличилось, несмотря на мор, голод, набеги половцев: по всей видимости, туда переселились евреи из Центральной Европы, спасаясь от преследований крестоносцев.

Великий князь Святополк II хорошо относился к евреям, но после его смерти толпа возмутилась против его жены и приверженцев; громили не только бояр, но разгромили и еврейский квартал – в 1113 году: «Кияни же разграбиша двор Путятин тысячского, идоша на Жиды и разграбиша». Историк В. Татищев отмечал, что во время смуты евреи заперлись в синагоге, выдержали осаду до прихода Владимира Мономаха.

В 1124 году был в Киеве большой пожар; летопись сообщает, что выгорел почти весь город «и Жидове погореша». У В. Татищева есть упоминание о том, будто Владимир Мономах велел «из всея Русския земли всех жидов со всем их имением выслать и впредь не впускать; а есть ли тайно войдут, вольно их грабить и убивать... С сего времени жидов в Руси нет, и когда который приедет, народ грабит и убивает...» Но этот факт оспаривают другие историки.

Евреи жили не только в Киеве, но и в Волынской, в Галицкой землях, появлялись они и в северо-восточной Руси. При дворе великого князя Андрея Боголюбского во Владимире в конце двенадцатого века жили Ефрем Моизич и Анбал Ясин с Кавказа, ключник великого князя – летопись причисляет их к евреям; они были участниками заговора, когда убили Андрея Боголюбского.

А потом на Киевскую Русь обрушились монголы. В 1240 году они разрушили Киев: евреи погибали вместе с другими жителями или бежали. С того года сохранился в Подолии надгробный памятник некоему Шмуэлю, на нем выбита такая надпись: «Гибель следует за гибелью. Велико наше горе. Этот памятник воздвигнут над могилой нашего учителя; мы остались, как стадо без пастыря, гнев Божий постиг нас...»

В середине тринадцатого века Киев был пуст и разорен, стояли в нем две сотни домов, и великие князья снова приглашали евреев селиться в Киеве. Сохранилось свидетельство об их присутствии на Руси в летописи за 1288 год. Рассказывая о смерти князя Владимира Васильковича, правившего во Владимире Волынском, летописец отметил: «И тако плакавшися над ним всемножество Володимерцев, мужи и жены и дети, Немцы, и Сурожьце, и Новгородци, и Жидове плахуся аки во взятие Иерусалиму, егда ведяхут во полон вавилонский...»

3

Евреи Киевской Руси не были оторваны от своих соплеменников на Западе и на Востоке. Они переписывались друг с другом, из страны в страну ездили купцы-евреи, даже детей своих они посылали учиться из Киева в Европу.

Сохранилось имя рабби Ицхака из Руси, который учился в городе Вормсе, в Германии, а Ашер бен Синай из Руси учился в испанском городе Толедо. Рабби Моше из Киева был либо учеником в иешиве рабби Яакова Тама, крупнейшего авторитета французского и германского еврейства, либо встречался с ним во время своих поездок по Европе; этот же рабби Моше переписывался с главой иешивы в Багдаде. Известно еще, что некий еврей из Руси, у которого родным языком был славянский, встретился в Салониках со своим родственником. Тот с восторгом описал ему свое путешествие в Эрец Исраэль, и под впечатлением этого рассказа еврей из Руси тоже решил отправиться туда.

В 1062 году побывал на Святой Земле монах Киево – Печерского монастыря Варлаам. В 1115 году игумен Даниил из Чернигова приехал в Иерусалим, которым владели крестоносцы. Он написал путевые заметки под названием «Странник или Хождения Даниила русския земли игумена», первое в русской литературе описание Святой Земли, где пробыл два года. Даниил встретил там паломников – «русских сынов», среди которых оказались новгородцы и киевляне; он восторгался видом Иерусалима с Масличной горы: «никто не может не прослезиться»; описал тяготы путешествия из Иерусалима в Назарет: «путь тот тяжек вельми, и непроходен, и тесен», потому что «погании срацины мнози сидят в горах тех... и из тех гор и сёл тех страшных выходят и избивают странных (странников)».

Паломники на Руси – «калики перехожие» – собирались в «дружины» и шли в Иерусалим через Константинополь: «ходу полтора годы». Воспоминание об их путешествиях сохранилось в русских былинах: Добрыня Никитич, к примеру, «игриво играл от Царяграда, другое играл от Иерусалима», или: «Заиграл Добрыня по-умильному да по-уныльному, заиграл он по-еврейски...»

В двенадцатом веке побывала в Иерусалиме полоцкая княгиня Евфросинья, а в семидесятых годах четырнадцатого века – архимандрит Аграфений из смоленского монастыря. Он оставил подробное описание страны и христианских святынь, а об Иерусалиме сообщил среди прочего: «Городок мал, но крепок, окопан малым рвом, ворота имеет единые с востока – железные».

В конце четырнадцатого века дьякон Игнатий написал сочинение под названием «Хождение в Иерусалим»; в том же веке на монаха Зосиму напали разбойники по пути к Мертвому морю, и он отметил в своих записках: «За Иерусалим никто пойти не может из-за злых арабов, потому что бьют без милости». Сохранилось описание путешествия новгородского монаха Варсонофия в пятнадцатом веке; существуют записи последующих веков смоленского купца Василия Познякова, московских купцов Трифона Коробейникова и Юрия Гракова, иеромонаха Ионы и «убогого Василия Казанца по прозвищу Гагара».

В 1710 году Петр Первый подписал «Проезжую грамоту» московскому священнику Иоанну Лукьянову, отпущенному «для моления... во святыи град Иерусалим», чтобы ему в

пути «досада и озлобление да не чинится». Путевые записи Лукьянова начинаются со слов: «Се аз недостойный и грешный старец Иоанн... понужден мыслию своею, и нетерпением восходить» в Иерусалим.

В двенадцатом-тринадцатом веках в Киевской Руси перевели с греческого на древнерусский язык «Историю иудейской войны» Иосифа Флавия, еврейского историка первого века новой эры, а частичные переводы из Флавия относятся к одиннадцатому веку. Специалисты отмечают то влияние, которое оказал перевод «Истории иудейской войны» на такие русские литературно-исторические памятники, как «Слово о полку Игореве», «Слово о погибели русской земли» и «Задонщина».

На древнерусский язык было переведено и другое еврейское историческое повествование десятого века – «Иосиппон». Его перевели с иврита в двенадцатом веке, а отрывки из него включены в русскую летопись «Повесть временных лет» под датой 1110 год. С иврита переводились и библейские тексты из книг Эстер, Даниила, Песни песней, а также сказания о Моисее и царе Соломоне. Влияние этих переводов с иврита прослеживается в тогдашнем языке. Например, в переводе «Иосиппона» употреблен глагол «взыти» – взойти, подняться – при обозначении движения к Иерусалиму. Это полностью соответствует глаголу на иврите «ала» – подниматься, идти наверх, потому что на иврите не говорили: «идти в Иерусалим», но – «подниматься в Иерусалим».

В 1282 году для новгородского епископа Климента был составлен еврейско-русский словарь; он назывался так: «Речь жидовского языка, переложена на русскую, неразумно на разум, и в Евангеле и в Апостолех, и в Псалтыри, и в прочих книгах».

Сюжет новгородской былины о Садко – торговом госте имеет свой прототип, библейский рассказ об Ионе, которого корабельщики сбросили в бурю с корабля. Еще дореволюционные русские ученые полагали, что основой для имени героя – Садко послужило еврейское имя Цадок в значении «справедливый, праведный».

Интерес к Святой Земле был постоянен в России, особенно он возрос в девятнадцатом веке, о чем свидетельствуют издания книг.

«Хождения старца Арсения Суханова в 7157 году во Иерусалим и в прочие святыя места...» (издано после 1652 года), «Путешествие в Святую Землю» (издание 1710 года), «Путевые записи во святой град Иерусалим» (1813 г.), «Иерусалим и Синай» (1835 г.), «Очерки Иерусалима» (1837 г.), «Путешествие русских людей по Святой Земле» (1839 г.), «История святого града Иерусалима» (1844 г.), «Путеводитель по Иерусалиму и его окрестностям» (1863 г.), «Пять дней на Святой Земле» (1866 г.), «Синай и Палестина» (1877), «Поездка в Иерусалим» (1887 г.), «Святая Земля и Библия» (1894 г.) и другие книги.

Кирилл, создатель глаголицы – славянского алфавита, знал иврит. Для большинства букв он использовал греческие прототипы, однако написание четырех букв – «ш», «щ», «ц» и «ч» – позаимствовал из иврита. Сравните написание букв «ш»/«щ» с буквой «шин» – ש, а букв «ц»/«ч» с буквой «цади» – צ, и вы убедитесь в этом.

Очерк четвертый

Евреи Центральной Европы. Крестовые походы. Ритуальные наветы. Погромы, убийства и изгнания. Начало переселения на восток

«О небо, чем же мы хуже других народов? Разве сила камня – наша сила, разве из меди плоть наша, чтобы перенести тяжесть наших бедствий?.. Спросите всех жителей земли: было ли что-либо подобное с другим народом?»

1

С тринадцатого по пятнадцатый век определилось направление еврейской эмиграции в Европе – с запада на восток. Евреи уходили из Центральной Европы, с берегов Рейна, на южные и восточные германские земли, а оттуда в Богемию, Моравию, Польшу и Литву. И о причинах этого следует рассказать.

Ничто, казалось, не предвещало столь поспешного бегства; еще в одиннадцатом веке положение евреев в Центральной Европе было относительно благополучным. Они занимались торговлей между городами и странами, ссужали деньгами под проценты, были ремесленниками, считались незаменимым элементом в процессе заселения и развития городов. Их приглашали, им давали привилегии, в них были заинтересованы правители земель и стран.

В 1084 году Рюдигер, епископ города Шпейера, пригласил несколько еврейских семей в один из пригородов, которые намеревался заселить. Он обещал евреям свободу торговли, право вести собственный суд, владеть полями и виноградниками, право носить оружие, защищая себя, – в выданной им привилегии было сказано: «Я тысячекратно увеличу славу города, если приведу и евреев в его пределы». А через несколько лет после этого германский император Генрих IV подтвердил привилегии, данные епископом, теперь уже для двух городов – Шпейера и Вормса.

В европейских странах евреи считались «королевскими рабами», «рабами королевской казны» (*servi camerae*). Они выплачивали огромные налоги, превышавшие налоги с других горожан, а если короли особо нуждались в деньгах, то облагали «рабов своей казны» добавочными поборами или конфисковывали их имущество. Но при этом короли защищали евреев и обеспечивали их неприкосновенность от посторонних посягательств, – то, что разрешалось королям, не дозволялось другим. Жизнь была как на качелях: то вверх – к относительному благополучию, то вниз – к преследованиям с притеснениями. Вопрос был в том, как долго удавалось продержаться наверху, как часто приходилось опускаться вниз.

В девятом веке епископ города Лиона Агобард писал, обращаясь к Людовику Благочестивому: «Недостойно для нашей веры, чтобы сыны света навлекали на себя тень общением с сынами тьмы. Непристойно, чтобы церковь Христова, которая должна вступить в объятия своего небесного супруга без пятен и морщин, была обезображена прикосновением грязной, ветхой, отверженной синагоги... Пусть же они (евреи) будут прокляты в городе и в поле, у входа и у выхода, пусть будет проклят плод их внутренностей».

Епископ Амолон, преемник Агобарда, «стремясь защитить христианский народ», требовал, «чтобы верные христиане держались от евреев подальше, чтобы ни один христианин не работал на них ни в городе, ни в деревне», запретил «прикасаться к их еде и питью... дабы вырвать это зло с корнем». Однако Людовик Благочестивый защищал евреев от нападков

духовенства и сохранил к ним расположение, даже когда Бодон, личный духовник короля, перешел в иудейскую веру, женился на еврейке, принял имя Эльзар и уехал в Испанию.

Придворного врача-еврея Цидкию обвинили в том, что он плохо лечил короля Карла Лысого, а через сто лет после этого еврейских врачей обвиняли в отравлении короля Гуго Капета. В двенадцатом веке король Филипп Август изгнал евреев, конфисковал их дома и земли, а синагоги превратил в церкви. Потом ему понадобились деньги, и он опять разрешил евреям вернуться во Францию, а Людовик Святой заставил их носить отличительный знак – кусок красного фетра в виде круга на спине и на груди, чтобы можно было отличить от христиан.

В тринадцатом веке папский легат Арнольд, предводитель фанатичной толпы, убивал во Франции сектантов-еретиков, а заодно и евреев. Его девизом было: «Бейте всех, а Бог на небе уж отберет своих!» В 1277 году в Тулузе был сожжен раввин Ицхак Маль за то, что похоронил на еврейском кладбище некоего крещеного еврея, раскаявшегося перед смертью. В 1288 году в городе Труа сожгли ученого еврея Ицхака Шателена, его беременную жену, двух сыновей и еще девять евреев, обвиненных в ритуальном убийстве. Среди них был и некий хирург Хаим, «возвращавший зрение слепым». Все они отказались креститься, чтобы получить помилование, и пошли на смерть, распевая псалмы.

Сохранилось поэтическое описание того трагического события:

С ними же был и святой Хаим,
Которого заживо жгли огнем.
От всей души призывал он Господа,
Кротко терпя мучения:
– Бог мести, отомсти за нас!
В ожидании Твоего возмездия
Дни кажутся такими бесконечными...

Король Филипп Красивый изгнал евреев из Франции в 1306 году, конфисковал их имущество и подарил своему кучеру парижскую синагогу. По королевскому приказу несколько тысяч человек покинули Францию, где их предки жили со времен Римской империи. Но их отсутствие тотчас же ощутили местные жители; даже в народных песнях отмечалось, что «евреи честнее вели свои дела, чем иные христиане», и страна обеднела без них. Людовик X призвал евреев обратно, возвратил им кладбища с синагогами – за это они ему хорошо заплатили.

При Филиппе Толстом евреев обвинили в отравлении колодцев, рек и источников: одних сожгли, других изгнали, имущество конфисковали. При Карле IV их снова выгнали из Франции, и с 1322 по 1359 год там не было евреев. Но затем срочно понадобились деньги – для выкупа короля Иоанна Доброго, плененного англичанами, и их впустили в страну на двадцатилетний срок; при въезде каждая семья уплатила в казну по четырнадцать золотых флоринов.

Карл VI созвал народное собрание, и на нем решили, чтобы «евреи и ростовщики были изгнаны из города». Этого оказалось достаточно, чтобы устроить погром в Париже: четыре дня подряд чернь грабила, жгла, убивала; детей вырывали из рук матерей и насильно крестили. И наконец в 1394 году Карл VI изгнал евреев из Франции. Всё, что они не могли унести с собой, было конфисковано в пользу казны.

2

Евреи Северной Франции появились в Англии в одиннадцатом веке, после завоевания ее норманнами; их положение определяла статья закона Генриха I: «Да будет известно, что все евреи должны находиться во всем государстве под защитой и покровительством короля. Никто из них не может без разрешения короля переходить к какому-нибудь богатому владельцу, ибо евреи со всем их имуществом принадлежат королю».

В соответствии с духом этого закона король Стефан велел сжечь дом одного еврея вместе с его владельцем, потому что тот отказался внести деньги на расходы короля. Но английские бароны оспаривали королевское право: каждому хотелось подкормиться за счет бесправных жителей. Бывало даже так, что бароны, обидевшись на короля, грабили еврейские кварталы, чтобы королю меньше оставалось.

В день коронации Ричарда Львиное Сердце прошли погромы в городах Англии. В Йорке евреи заперлись в крепости на краю города; монахи подстрекали нападавших, и осажденным оставалось лишь креститься или погибнуть от голода. Рабби Йом Тов убедил евреев убить друг друга и тем самым избавиться от мучений: «Если мы попадем в руки врагов, наша смерть будет не только ужасна, но и позорна. Они будут не только мучить нас, но и глумиться над нами. Мой совет поэтому таков: Творец дал нам жизнь, и мы должны возвратить ее Ему собственными руками».

Еврей Иосце первым заколол свою жену и двух детей, а затем рабби Йом Тов убил его. Почти все евреи погибли таким образом, и напоследок рабби Йом Тов покончил с собой, став единственным самоубийцей среди добровольно погибших. Толпа, осаждавшая крепость, сожгла все долговые обязательства, а это был урон для казны, потому что король – наследник еврея-кредитора – не знал, с кого взимать долг, и оставался в убытке. Ричард Львиное Сердце сделал из этого выводы и приказал устанавливать в больших городах специальные сейфы. Каждое долговое обязательство выдавалось еврею в двух экземплярах: один – ему на руки, другой – в сейф к королю. Теперь уже еврея могли убивать и грабить: король был застрахован от любых случайностей и получал все долги сполна.

Иоанн Безземельный потребовал у евреев огромную сумму, и когда один из них, Авраам из Бристоля, затруднился выплатить свою часть, король приказал выдергивать у него зубы, по одному в день. Несчастный продержался семь дней, потерял семь зубов, а затем уплатил сполна. При Генрихе III евреев заставили носить отличительный знак: шерстяную белую полосу на груди. Король конфисковал вновь отстроенную лондонскую синагогу, превратил ее в церковь и обозначил 25 городов, в которых евреям разрешалось жить.

Было тогда в Англии лишь 16 000 евреев, но доходы с них составляли тринадцатую часть всех доходов казны. Король даже продал их своему брату, уступив за 5000 фунтов все права над ними на один год. Как заметил летописец-христианин, король «содрал шкуру с евреев и предоставил графу (своему брату) выпотрошить их». Евреи хотели покинуть страну, но комендантам морских портов не велели выпускать их из Англии без разрешения короля. Британский правовед отметил в тринадцатом веке: «Еврей не может иметь никакой собственности; всё, что он приобретает, становится собственностью короля. Евреи живут не для себя – для других, поэтому они делают приобретения также не для себя, а для других».

Наконец Эдуард I приказал изгнать евреев из страны до первого ноября 1290 года, смертная казнь грозила тому, кто остался бы на английской земле после этой даты. Евреям разрешили взять с собой только то, что они могли унести. Имущество конфисковали. В пути их грабили капитаны судов. Многие погибли в море. Большая часть ушла во Францию, а оттуда через шестнадцать лет, в царствование Филиппа Красивого, им снова пришлось уходить в изгнание.

Рабейну Гершом бен Иегуда, оплакивая еврейскую судьбу, писал в одиннадцатом веке: «Рассеяние за рассеянием, вся Иудея в изгнании, больная, истощенная, всеми позабытая. Ты, Всесильный Избавитель, ради Себя освободи нас!.. Восстанови на наших глазах опустошенный Храм, верни из плена шатры Яакова, спаси нас ради Имени Твоего!»

3

Из века в век борьба церкви против евреев всё более усиливалась. Церковные авторитеты требовали унижать, угнетать и притеснять евреев всеми возможными способами, чтобы заставить их принять крещение. Угнетенное еврейство было, по их мнению, лучшим доказательством истинности христианства, к которому, как они утверждали, перешло прежнее величие Израиля.

Один из вдохновителей крестовых походов писал королю Франции: «Я не требую, чтобы этих людей, над которыми тяготеет проклятие, предавали смерти, ибо сказано в Писании: не убивай! Бог не хочет, чтобы их искоренили, а только чтобы они, подобно братоубийце Каину, продолжали существовать для великих мук и для великого позора, так, чтобы жизнь была им горше смерти. Они зависимы, жалки, придавлены, боязливы – и должны оставаться такими, пока не обратятся на путь спасения!»

В одиннадцатом веке объявились в Европе проповедники похода христиан против мусульман для освобождения Святой Земли и Иерусалима. Петр Пустынник из Амьена встал во главе многотысячной толпы верующих: это были рыцари, монахи, крестьяне, разбойники. Они бросали свои дома, пришивали на одежду кресты и шли воевать с «неверными», возглашая: «Такова воля Господа!». Эта неорганизованная масса, раздробленная на мелкие отряды, двинулась на Восток, грабя и разоряя всё на своем пути. Так начался Первый крестовый поход, и его жертвами сразу же стали евреи.

«Восстал народ дикий, отчаянный, ожесточенный, сброд французов и германцев... – писал еврейский летописец. – И собралось таких людей великое множество – мужчин, женщин и детей. Проходя через города, где жили евреи, они говорили: «Мы идем отомстить исмаилитам, а тут перед нами евреи, предки которых распяли нашего Спасителя, – отомстим прежде им! Пусть сотрется имя Израиля или же пусть они уподобятся нам и признают мессией Иисуса»...» Общины платили деньги епископам и начальникам городских гарнизонов, но посланные на помощь солдаты отказывались защищать евреев, оставляя их на произвол судьбы.

Весной 1096 года 23 еврея были убиты в французском городе Меце. Затем отряды крестоносцев двинулись по немецким землям, и начались массовые убийства. В мае того же года 11 евреев, отказавшихся креститься, были убиты в Шпейере. В Вормсе после вооруженного сопротивления погибли все евреи города, кроме насильно крещенных. Некий Шмарья, отказавшийся креститься, был заживо зарыт в землю вместе со своей семьей при радостных криках толпы. Юноша Симха Коэн в церкви, во время насильственного крещения, заколот кинжалом трех человек – толпа растерзала его. Укрывшимся у епископа предложили принять крещение, но они попросили время на размышление; когда срок прошел, обнаружили, что они убили себя.

Затем крестоносцы подошли к Майнцу; евреи пытались остановить их у ворот города, затем у ворот своего квартала. Вооруженные мечами, они сражались под предводительством главы общины Калонимоса, но не могли противостоять многочисленным и искусным в военном деле рыцарям, – те ворвались в еврейский квартал и перебили всех. Ицхак бен Давид, насильно крещенный вместе со своей семьей, зарезал дочерей, поджег синагогу и сгорел в огне, потому что христиане предполагали превратить синагогу в церковь.

Группа евреев пряталась у местного епископа, но когда он заявил, что не может их защищать, и предложил креститься – они умертвили друг друга. Современник событий писал: «Женщины набрались мужества и зарезали своих сыновей и дочерей, а потом самих себя. Мужья зарезали жен и детей. Девушки, невесты и женихи громко кричали из окон: «Смотри, Боже, что мы делаем ради Твоего святого Имени!..» И смешалась кровь родителей с кровью детей, кровь братьев и сестер, учителей и учеников, женихов и невест, грудных детей и кормилиц...» На этом прекратила существование еврейская община города Майнца. Забегая вперед, скажем, что через самое малое время в городе снова поселились евреи, но их преследовали и убивали во времена Второго и Третьего крестовых походов.

Крестоносцы свирепствовали с мая по июль 1096 года между Рейном и Дунаем, а затем пошли на юг. По примерным подсчетам, около 4000 евреев Германии были убиты и покончили жизнь самоубийством, по некоторым источникам – 12 000. Цифры эти окажутся особенно впечатляющими, если учесть, что во всей Германии жило тогда не более 30 000 евреев. Христианские хронисты посвятили немало строк тем трагическим событиям. «Бесчисленная толпа... шла на Иерусалим с оружием в руках и заставляла евреев принимать крещение, убивая во множестве тех, кто отказывался от этого...», – «Пока крестоносцы ожидали снарядов их ответа, евреи, искушаемые дьяволом, совершили самоубийство в резиденции епископа...», – «Вызывало жалость зрелище многочисленных нагромождений трупов, которые вывозили на телегах из города Майнца...» И краткая запись в летописи: «Была резня, евреев окрестили».

В июле 1099 года крестоносцы взяли Иерусалим. Они перебили в городе мусульман без различия пола и возраста, большинство еврейского населения сожгли в синагоге, а остальных продали в рабство. Так закончился Первый крестовый поход: вырезанные и уничтоженные еврейские общины Европы и горстки отчаявшихся, которых насильно обратили в христианство. (В Регенсбурге, к примеру, евреев загнали в реку, приложили к поверхности воды крест и силой окунули всех в воду.) Насильно крещенные вернулись к вере отцов, получив согласие императора Генриха IV, а на очереди был Второй крестовый поход – в 1147 году, за ним Третий крестовый поход – в 1189 году, Четвертый, Пятый, Шестой... и новые жертвы среди еврейского населения Англии, Франции, Германии, новый страх, который гнал с насиженного места.

Некий Моше бен Эльзар га-Коэн писал после этих событий: «О небо, чем же мы хуже других народов? Разве сила камня – наша сила, разве из меди плоть наша, чтобы перенести тяжесть наших бедствий?.. Терзали нас прежде лев и медведь, губил наших детей свирепый тигр, жалила нас змея шипящая, но напоследок грызет свинья, навалившаяся на нас... Спросите всех жителей земли: было ли что-либо подобное с другим народом?»

4

С середины двенадцатого века стали обвинять евреев в совершении ритуальных убийств. В 1144 году в английском городе Норвиче был объявлен святым мучеником христианский мальчик Вильям, которого якобы убили местные евреи. Королевский шериф не разрешил судить оклеветанных, но монахи распространяли слухи об убийстве и ссылались на некоего выкреста, который уверял, что евреи ежегодно похищают перед Пасхой христианского мальчика и употребляют его кровь для изготовления мацы. Слухи дали свои результаты, и в 1171 году 34 еврея города Блуа во Франции были обвинены в ритуальном убийстве и сожжены в деревянной башне, потому что отказались отступить от своей веры.

Стоит отметить, что подобное обвинение предъявляли римляне первым христианам, которых уличали в умерщвлении детей, чтобы причащаться кровью и телом языческого младенца. Были даже «свидетели», были обманщики или душевно больные люди, которые

утверждали, что видели это собственными глазами. «Стыдитесь! – взывал Иустин Мученик, один из отцов церкви во втором веке новой эры. – Стыдитесь приписывать такие преступления невинным людям, к которым они непричастны! Перестаньте! Образумьтесь!» – «Где же у вас доказательства? – вторил ему в третьем веке христианский теолог Тертуллиан. – Одна молва... Но свойства молвы известны всем... Она живет только ложью. Кто же верит молве?» Однако эта молва оказалась чрезвычайно живучей. Она продержалась много веков, но теперь уже поменяла адрес, и те самые христиане, что страдали некогда от нелепых нападок, стали обвинять евреев – в том же самом.

В 1235 году евреев немецкого города Фульды обвинили в убийстве христианских детей. Император Фридрих II созвал ученых из среды крещеных евреев Западной Европы, и они заявили, что еврейская религия категорически запрещает убийство человека, даже употребление крови животных противоречит еврейским законам. На основании этого заключения Фридрих II опубликовал особое послание, но оно не помогло. В 1247 году во французском городе Вальреас нашли тело двухлетней христианской девочки с ранами на лбу, руках и ногах. Евреев города арестовали и подвергли пыткам: мужчинам вырывали половые органы, женщинам отрезали груди, многих, в конце концов, сожгли на костре. После этого папа Иннокентий IV издал специальную буллу, осуждающую ложные обвинения и казни евреев, «так что их судьба оказывается еще хуже, чем жизнь их предков в Египте», – но буллы хранятся в архивах, а суеверия продолжают существовать из века в век.

В 1255 году в английском городе Линкольне пропал христианский мальчик Гуго. Труп обнаружили в колодце во дворе у еврея, и 18 человек повесили за совершение якобы ритуального убийства, а их имущество конфисковали. В 1267 году в немецком городе Пфортгейме нашли в пруду мертвую девочку. «Народ тотчас решил, что виновники убийства евреи, – писал один из обвинителей. – Когда приехал маркграф Баденский, труп поднялся, как бы умоляюще простер к нему руки, оставался в этом положении в продолжении получаса и потом опять лег. Тогда привели евреев. Едва они приблизились к трупу, как раны раскрылись, и кровь полилась заново. Когда евреи удалились, раны закрылись. Когда же их вновь притащили, покойная с покрасневшим лицом подняла вверх обе руки... Евреи были схвачены и после всевозможных пыток преданы смерти через колесование».

И снова римский папа обнародовал буллу, снова император издал особый указ, – несмотря ни на какие доводы, обвинения в употреблении христианской крови оставались излюбленным средством для грабежа, убийств и денежных вымогательств. Говорили, что евреям нужна христианская кровь, чтобы «уничтожить свой дурной запах», они эту кровь «сушат, превращают в порошок и рано утром сеют по траве, благодаря чему мрут люди и скот».

Эта тема была столь популярна в те времена, что стала сюжетом английских и французских баллад. В одной из них рассказано о христианском мальчике Гуго, который был распят евреями, брошен в поток, но труп выплыл у берега. Евреи закапывают его в землю – труп появляется на поверхности. Они кидают его в колодец, но оттуда идет такое благоухание, что сбегаются окрестные жители. Тело переносят в собор и торжественно хоронят, – евреи повешены... Другая баллада: мальчик Гуго играет в мяч. Дочка еврея заманивает его в дом, ведет через девять дверей, закалывает и бросает в колодец. Далее происходят чудеса: мать слышит голос сына из колодца, сами собой звонят колокола в городе, сами собой читаются книги без чтеца, – евреям снова плохо...

Естественно, что такая атмосфера способствовала новым погромам и убийствам. В 1241 году распространились слухи, будто вторгшиеся в Европу монголы находятся в родстве с евреями, призваны ими для того, чтобы избавиться от власти христианских народов, – по немецким городам прокатилась новая волна погромов. В Зинциге сожгли в синагоге 72 еврея. В Вайсенбурге колесовали 7 евреев по обвинению в убийстве христианского мальчика; среди

них погиб и монах, перешедший до этого в иудейство. В Майнце были убиты 10 человек, в Бахарахе – 26, в Мюнхене толпа сожгла синагогу вместе с молящимися. Еврейский сборник наставлений «Сейфер хасидим» («Книга благочестивых») предписывал: «Стены дома, забрызганные кровью мучеников, не следует белить, чтобы кровь могла вызывать к Небу».

В 1298 году немецкий дворянин Риндфлейш – «бычье мясо» – собрал толпы всякого сброда и громил еврейские общины. Во Франции в начале четырнадцатого века евреев обвинили в отравлении колодцев с помощью нанятых ими прокаженных; называли даже состав ядовитого порошка: смесь жабьих лап, змеиных голов и женских волос, смоченных черной зловонной жидкостью, – новая волна гонений прокатилась по стране. В Тулузе евреи заперлись в крепости и оборонялись, а затем, чтобы избежать насильственного крещения, убили друг друга. У них не хватило решимости убить собственных детей – победители забрали их и окрестили.

Гонения на евреев во времена крестовых походов и кровавых наветов явились поворотным моментом в их европейской истории. В глазах толпы, которая наблюдала бесчинства крестоносцев, сама участвовала в грабежах и убийствах, евреи были поставлены вне закона. Они утратили чувство безопасности даже в укрепленных городах; стало ясно, что ни император, ни церковные власти не в состоянии обеспечить им безопасность, несмотря на обещанные привилегии. В этот период исподволь, постепенно начался отток евреев в те места, которые не были еще затронуты изуверством и фанатизмом местного населения. Единичные переселения происходили в одиннадцатом веке, более значительные в тринадцатом, массовое переселение – в пятнадцатом веке.

Путь был с запада на восток, в Польшу и Литву. И всякий раз надо было приспособливаться на новом месте к незнакомым порядкам и обычаям. Во всякой стране проживания история евреев начинала зависеть от истории коренного народа, будучи связана с ней местом и временем. И всякий решающий момент в истории данного народа, радостный или трагический, накладывал свой отпечаток на историю евреев, там проживающих. Так было в Германии, в Англии, во Франции и Польше, а затем в России.

Но вместе с этим надо учитывать, что история евреев на новом месте, в любой стране проживания, являлась не началом, а дальнейшим продолжением многовековой истории народа, рассеянного по странам, с его опытом, вынесенным из долгого исторического пути. Как народ с твердой духовной основой, евреи никогда не доходили до такой степени обезличивания, чтобы без остатка раствориться в чьей-либо истории. Они акклиматизировались, но не растворялись, приспособливались, но не исчезали: со своей историей, со своей культурой и со своей религией.

5

В Новый год – Рош га-Шана и в Судный день – Йом Кипур читают евреи в синагогах молитву о небесном суде над людьми в эти дни. С этой молитвой связана легенда, которая появилась в период гонений времен крестовых походов. Рассказывали: в городе Майнце жил богатый и набожный еврей рабби Амнон, которого местный епископ упорно старался обратить в христианство. Однажды, когда епископ снова надоедал рабби Амнону своим предложением, тот неосторожно ответил, что через три дня даст окончательный ответ.

В назначенный день рабби Амнон не явился к епископу, и тот велел привести его силой, чтобы наконец-то сказал: да или нет. Рабби Амнон ответил на это: «За то, что своим словом я дал тебе повод подумать, будто отрекусь от своей веры, я заслуживаю того, чтобы отрезали мне язык». Но возмущенный епископ закричал: «Не язык тебе отрежут, а ноги, которые не пошли ко мне в обещанный день!» И несчастному отрубили обе ноги.

Когда наступил Рош га-Шана, рабби Амнон попросил, чтобы его отнесли в синагогу. Во время службы он прервал вдруг кантора и запел гимн о небесном суде над человеком в дни Рош га-Шана и Йом Кипур – «У-нтанэ токеф». Потрясенные евреи слушали его с волнением и страхом, а рабби Амнон закончил свой гимн и скончался с последним его словом. Но через три дня он явился во сне к литургическому поэту Калонимосу бен Мешулламу, который действительно жил в Майнце в одиннадцатом веке, повторил молитву и попросил разослать ее всем сынам Израиля.

Калонимос написал стихи – поэтический пересказ той молитвы. Они стали частью литургического гимна «У-нтанэ токеф» («Возвеличим святость этого дня...») – о суде Все-вышнего над Его творениями, когда «они проходят перед Ним, подобно стаду овец». С тех пор евреи читают эту молитву в Новый год – Рош га-Шана и в Судный день – Йом Кипур.

«В день Рош га-Шана намечается и в день Йом Кипур утверждается: скольким отойти и скольким явиться на свет, кому жить и кому умереть, кому в свое время и кому безвременно; кому смерть от воды и кому от огня, кому от меча и кому от лютого зверя, кому от голода и кому от жажды, кому от грозы и кому от заразы, кому от удушения и кому от побоев камнями; кому покой и кому скитание, кому беспечность и кому тревога, кому благополучие и кому терзание, кому бедность и кому богатство, кому унижение и кому возвышение.

Покаяние же, молитва и благие дела отменяют злое предначертание».

Законы Торы устанавливают суровое наказание за убийство любого человека на земле. «Кто прольет чью-либо кровь, того кровь будет пролита людьми, ибо по образу Божьему создал Он человека», – «кто ударит человека так, что тот умрет, да будет предан он смерти», – «кто лишит жизни какого-либо человека, он должен быть предан смерти». Законы Торы запрещают также вкушать какую-либо кровь. «Каждый из дома Израиля и из пришельцев, живущих между ними, кто будет есть какую-либо кровь... истреблю его из среды народа его», – «только крови не ешьте, на землю выливайте ее, как воду».

Д. Хвольсон, российский ученый-ориенталист девятнадцатого века, почетный член Петербургской академии наук: «По предписаниям раввинов, евреи обязаны при резке скота давать крови совершенно истекать... а сама говядина не может быть употреблена в пищу, пока долгим мочением, соленьем и неоднократным промыванием не будет освобождена от заключающейся в ней крови. Если еврей находит на куске хлеба след крови от десен, он не должен доедать его; также яйцо, в котором найдена капля крови, не может быть употреблено в пищу. Все эти постановления доныне соблюдаются евреями с величайшей строгостью».

Римские папы разных времен выступали против применения евреями христианской крови. В послании Григория XI сказано: «Впредь на евреев не должны быть возводимы обвинения, порождаемые слепым суеверием и предрассудками, а священники должны питать любовь ко всем людям, уважение и мир как к христианам, так и к евреям».

В 1447 году папа Николай V запретил «навсегда и самым строгим образом всем верующим во Христа» обвинять евреев в употреблении христианской крови, но в том же веке и по той же причине арестовали руководителей еврейской общины немецкого города Регенсбурга. Среди них оказался Авраам бар Яков; он пробыл в тюрьме пять лет и, несмотря на пытки, сочинял на иврите стихотворения, в которых описывал свои мытарства.

Навели враги ложь на меня,
В железных оковах ноги мои,
В яму брошен я и страдаю от холода...
Прошла еще зима, за зимой прошло лето...
Милосердный среди милосердных!
Протяни руку Свою и освободи страдальцев...

Очерк пятый

Первые появления евреев в Польше.

Привилегии Болеслава Благодетельного.

Преследования времен «черной смерти».

Переселение евреев в Польшу и Литву

В польском городе Вроцлаве нашли могильную плиту с надписью на иврите в память кантора Давида: «Рабби Давид сладкоголосый сын Сар Шалома умер 25 ава 4963». То есть – в 1203 году.»

1

Невозможно сказать с определенной достоверностью, когда евреи впервые появились на территории Польши. И там, где нет документов, нет исторических источников, в дело вступает легенда про еврея по имени Авраам Проховник.

В девятом веке умер в Польше князь Попель, с его смертью угас княжеский род. Именитые поляки собрались для выбора нового правителя, долго спорили, ссорились, никак не могли сойтись на одном кандидате и решили наконец, что польским князем станет тот человек, который на следующий день первым придет в город. Первым наутро явился Авраам Проховник, который принес на продажу мед. Стража у ворот приветствовала его как нового князя, но Авраам отклонил эту честь и лишь после настойчивых просьб отложил окончательное решение на один день.

Он заперся в доме, стал молиться, и когда назначенный срок прошел, поляки заволновались. Один из них, крестьянин по имени Пяст, заявил во всеуслышание, что заставит Авраама принять княжеский титул: взял топор и пошел во главе толпы. Пяст постучал в дверь и сказал, что время для обдумывания прошло; Авраам Проховник вышел из дома и заявил: он отказывается занять княжеский престол, так как это принесет несчастье и ему и полякам. «Вот перед вами Пяст. Сегодня он ваш вождь, значит, и впредь может быть вашим руководителем». Толпа с этим согласилась, Пяст был коронован, от него пошла династия польских князей – Пястов.

Вот другой рассказ. О том, как в конце девятого века группа немецких евреев просила у польского князя Лешко права на торговлю и поселение в его землях. Князь-язычник потребовал от них, чтобы рассказали о своем народе и о его вере: в те времена евреи были в диквинку в Польше. Князю понравилась их вера и их история, и он якобы дал им привилегию в 905 году. Хотя она была впоследствии утрачена, эта привилегия якобы легла в основу привилегии Болеслава Благодетельного в 1264 году. Слишком часто в этой истории приходится прибегать к слову «якобы», чтобы она стала достоверным историческим событием.

Из арабских источников известно, что еврейские купцы проезжали через Польшу в Россию и дальше в Азию. Через Вроцлав и Калиш в восьмом-девятом веках проходил «пушной путь» из Руси и Хазарии и «янтарный путь» – от Балтийского моря. Евреи держали в своих руках эту торговлю и могли, естественно, расселяться в узловых пунктах на ее пути. В 966 году польский князь Мечислав I принял христианство, стал вассалом германского императора; связи с Германией расширились, вместе с немцами приезжали в Польшу и евреи.

Первые документальные сведения о евреях Польши относятся к 1150 году; граф Петр Власт купил в том году у некоего еврея землю в деревне Малый Тынец. Сохранился акт

1202 года о том, что в деревне Сокольники возле Вроцлава владели землей два еврея – Йосеф и Хацкель. В двенадцатом веке евреи жили в Кракове, управляли монетным двором. Сохранились монеты того времени, на них надписи на иврите: «Мешко Мелех» – Мешко-король, «Мешко крул польск» – Мешко король польский, «Браха Мешко» – благословение Мешко, «Мазл тов» – пожелание счастья. Были монеты и с еврейскими именами: «Авраам Йосеф», «Йосеф Калиш», «Рабби Авраам бен Ицхак Нагид», – возможно, это имена мастеров или тех, кто брал на откуп монетные дворы. Существовала даже польская монета с такой надписью: «Веселись, Авраам, Ицхак, Яков».

А в городе Вроцлаве нашли могильную плиту с надписью на иврите в память кантора Давида: «Рабби Давид сладкоголосый сын Сар Шалома умер 25 ава 4963». То есть – в 1203 году.

2

В середине тринадцатого века Польша была разделена на несколько удельных княжеств. После нашествия монголов города лежали в развалинах, поля не обрабатывались. Чтобы оживить страну, князья стали приглашать к себе немцев, вместе с ними пришли и евреи – на новые земли, где им обещаны были привилегии. Из немецких и еврейских колонистов постепенно образовалось в Польше третье сословие наряду с прежними двумя – помещиками и крестьянами. Польские князья предоставили немцам полное самоуправление в городах; так сложился тип средневекового германского города на польской земле, где рядом с христианским мещанством появилась автономная еврейская община.

Привилегии евреям дал удельный князь Болеслав в городе Калише в 1264 году. Это был знаменитый Калишский статут, генеральная грамота, которая впоследствии легла в основу польского законодательства о евреях. Естественно, что Болеслав прежде всего соблюдал собственные интересы: доходы с евреев поступали в княжескую казну. У Болеслава было прозвище Благочестивый, он пользовался расположением церкви, но это не помешало ему – вопреки религиозным предрассудкам – гарантировать евреям права, поощрить их деятельность в интересах страны, опустошенной монгольским нашествием.

Статут Болеслава Благочестивого начинался так: «Деяния людей, не закрепленные голосом свидетелей или письменными показаниями, быстро проходят и исчезают из памяти, а потому мы, Болеслав, князь Великой Польши, оповещаем современников наших и потомков, до коих дойдет настоящее писание, что иудеи, водворившиеся на всем протяжении наших владений, получили от нас следующие уставы и привилегии...»

По этой генеральной грамоте евреи получали полную свободу передвижения и свободу торговли; запрещалось требовать с еврейских купцов повышенные пошлины за товары, разрушать еврейские кладбища и нападать на синагоги. Бросивший камень в еврейскую «школу» (синагогу) платил воеводе штраф – стоимость двух фунтов перца. Споры между евреями не были подсудны городским судам, но только лишь князю, его воеводе или особо назначенному судье. За нанесение раны еврею полагалось наказание и оплата расходов на лечение. За убийство еврея – «достойное наказание» и конфискация имущества в пользу князя. При ночном нападении на жилище еврея соседи-христиане обязаны были его защищать, если услышат крики о помощи, – иначе денежный штраф.

Строго наказывалось похищение еврейских детей для насильственного крещения. Запрещалось – «согласно постановлению папы» – обвинять евреев в убийстве христианских младенцев для употребления их крови, потому что «по своему закону иудеи вообще обязаны воздерживаться от всякой крови»; но если подобное обвинение возникало, его должны были подтвердить шесть свидетелей – трое христиан и трое евреев. Эти права и привилегии Болеслав Благочестивый утвердил на вечные времена, с согласия высших сановников –

воевод, графов и «многих вельмож земли нашей», которые вместе с ним подписали грамоту в Калише в 1264 году.

Грамота Болеслава распространялась лишь на его княжество. Евреи других областей Польши находились под властью иных князей; подобные привилегии они получили в следующем веке, в правление Казимира Великого. Но церковь сразу же забеспокоилась, и во Вроцлаве в 1267 году был созван собор польского духовенства. На нем постановили, чтобы в городах евреи жили особыми кварталами, отделенными «от общего местожительства христиан изгородью, стеною или рвом».

Во время следования церковных процессий евреев обязали запирались в своих домах; в каждом городе полагалось не более одной синагоги; в «отличие от христиан» евреи должны были носить особую шапку с роговидным верхом, «какую они носили некогда в этих местах, но по наглости своей перестали носить». Запрещалось христианам приглашать евреев на трапезы, есть и пить с ними, покупать у них мясо и прочие съестные припасы, чтобы продавцы «коварным способом не отравили их», а также купаться с евреями в одной бане. Собор особо отметил, что в Польше ощущается острая необходимость отделить христиан от евреев, так как поляки – «молодой росток на христианской почве».

Но эти постановления не имели еще серьезных последствий. Князья, а затем и короли, поощряли еврейскую колонизацию в интересах страны и в собственных интересах. Ведь почти до середины шестнадцатого века евреи являлись лишь королевскими подданными, «слугами королевского казначейства», которым следовало «своими деньгами удовлетворять нужды короля».

3

В марте 1348 года чума – «черная смерть» – объявилась в очередной раз в Европе; ее завезли в Геную моряки из Южной Руси. За один месяц эпидемия распространилась по Италии, Испании, Южной Франции, затем перекинулась на Англию. Число жертв было огромно, многие города и деревни превратились в кладбища; Д. Боккаччо, свидетель этого бедствия, описывал страдания несчастных (из книги «Декамерон»): «Сколько крепких мужчин, красивых женщин, прекрасных юношей... днем обедали с родными, товарищами и друзьями, а на следующий вечер ужинали со своими предками на том свете!.. На кладбищах... вырывали громадные ямы, куда сотнями укладывали трупы, нагромождая их рядами... и слегка засыпая землей...»

Умирали все, без различия национальностей, евреи в том числе, но сразу же возникли слухи – это евреи распространяют чуму, чтобы истребить христиан. Микроскоп тогда еще не изобрели, о существовании вирусов и микробов понятия не имели, заметить их было невозможно невооруженным глазом, а еврея видели поблизости – непохожего на других подозрительного чужака, «отравителя колодцев». «Люди ненавидят чаще всего то, чего не понимают», – подметили с давних пор, и прокатилась по Европе не только эпидемия чумы, но и психическая эпидемия юдофобии – «иудеобоязнь».

Первые слухи об отравлении колодцев появились в Испании. В июне 1348 года в Барселоне, в ночь с пятницы на субботу, толпа ринулась в гетто: еврейские дома разгромили, 20 человек убили. Папа Климент VI издал указ, в котором возведенное обвинение было объявлено ложным, – это почти не помогло. Вскоре в Савойе арестовали евреев из разных городов и подвергли мучительным пыткам. Хирург Балавиньи не выдержал истязаний и сообщил то, чего от него добивались: будто бы евреи во Франции составили заговор против христиан, приготовили ядовитую смесь и разослали своим соплеменникам, чтобы кидали ее в христианские колодцы, – отсюда и пошла эта страшная болезнь. Балавиньи даже сообщил

рецепт смеси: взять сердце христианина, высушить его, добавить сушеных пауков, лягушек и ящериц, составить порошок – и можно кидать в колодцы.

Гонцы были отправлены в разные города, чтобы предупредить население, и сразу начались убийства. В Цюрихе, Шафхаузене, Иберлингене и в других городах евреев жгли, вешали и колесовали. В Констанце сожгли евреев в специально построенном для этого доме: «часть из них встретила смерть пляскою, другая часть пением псалмов, а остальные заливались слезами». Некий еврей из Констанца, принявший крещение под страхом смерти, раскаялся, поджег дом и сгорел вместе со своим семейством, выкрикивая из пламени: «Смотрите, я умираю евреем!»

В сентябре того же года папа Климент VI снова обратился к христианам, напомнил, что мнимые виновники эпидемии сами умирают от нее, чума свирепствует и там, где вообще нет евреев, – ничто не помогало. В Германии люди были охвачены религиозным помешательством. По улицам городов двигались процессии иступленных «флагеллантов» – бичующихся, которые требовали самоистязания и всеобщего покаяния, чтобы укротить гнев Божий, заставляли бить себя кнутах по голому телу. Возбуждаемая ими толпа кидалась на еврейские кварталы, устраивала погромы с истязаниями и убийствами. У многих был и свой расчет: освободиться от кредитора-еврея, не платить долги, присвоить еврейское имущество.

В немецком городе Вюрцбурге евреи не захотели погибнуть от рук соседей: они заперлись в своих жилищах и подожгли их. Сгорели дома, сгорела синагога, сгорели все – на месте синагоги выстроили затем церковь Святой Марии. В Шпейере были убиты сотни евреев, тела заколотили в бочки и бросили в реку. Оставшееся имущество император Карл IV передал горожанам, а также подарил городу всех евреев, которые поселятся там в будущем.

В Майнце евреи энергично защищались, но силы были неравными, и они решили погибнуть в своих домах. 24 августа 1349 года евреи Майнца сгорели в огне. В тот же день погибла древняя еврейская община Кельна: целые сутки крики убиваемых смешивались с криками убийц и грабителей. В Кольмаре веками сохранялось место под названием «Еврейская яма», где сожгли евреев во время чумы. В Бенфельде одних сожгли, а других утопили в болоте; затем подошла очередь Кремса, Нюрнберга, Ганновера, Франкфурта-на-Майне, Брюсселя.

В Страсбурге евреев загнали на кладбище, в огромный деревянный сарай, сожгли сотни человек. Остальных изгнали из города, имущество разграбили, и городской совет постановил не допускать евреев в Страсбург в течение ста лет. Немецкий хронист писал: «Хотите знать, что погубило евреев? Это – жадность христиан», – имея в виду, что ради грабежа и был устроен в Страсбурге «юденбранд» – сожжение евреев. Во время погрома обнаружили шофар, бараний рог, в который трубят евреи во время религиозных церемоний. Тут же решили, что при помощи этого инструмента они хотели подать сигнал своим сообщникам вне города, чтобы совместно напасть на жителей, – городской совет постановил сохранить шофар в память освобождения от «еврейской измены».

По образцу шофара изготовили две медные трубы. На одной подавали сигнал ежедневно в восемь часов вечера, и все евреи, случайно оказавшиеся в городе, услышав этот звук, обязаны были покинуть Страсбург. На другой трубе сигнал подавали в полночь, чтобы напомнить горожанам о «предательском поступке» иноверцев. Вскоре несколько еврейских семей получили разрешение поселиться в Страсбурге, в том же веке их изгнали из города, но сигналы полночной трубы раздавались еще несколько столетий, напоминая миру о чудовищной вспышке юдофобии.

Эпидемия чумы продолжалась с марта 1348 до весны 1351 года. Практически не было ни одного германского города, где евреи не подвергались бы кровавым гонениям. Их резали, жгли, топили, над трупами мучеников делили награбленную добычу; сотни евреев

с пением псалмов шли на смерть, закутанные в талесы и в саваны мертвецов, кидались в огонь, чтобы не попасть в руки тех, с кем они и их предки жили рядом не одно столетие.

«С тех пор, как евреи живут на свете, они еще не переживали более жестокого столетия, чем четырнадцатый век, – отметил современник событий. – Можно удивляться, как после такой бойни остался в Германии хоть один еврей». «На нас возвели навет, чтобы напасть на нас, – сказано в синагогальных плачах – «кинот». – Нас обвиняют в том, что мы принесли яд в сосуде и бросили в воду. Но в действительности это нас напоили горькой водой... Обнажили меч злодеи и нашу кровь смешали с водой...»

После пережитых ужасов евреи Германии снова поднялись с насиженного места и пошли в Польшу. Там тоже случались погромы, но это происходило, скорее всего, в пограничных с Германией областях. В Польше правил тогда Казимир Великий, который благосклонно относился к евреям, и беженцы из Германии смогли найти спокойное убежище еще на несколько веков. Не случайно они считали, что название Полин (Польша) произошло от двух слов на иврите – «по лин». Когда они уходили на восток от преследований во времена «черной смерти», с неба упала записка с этими словами – «по лин», что означает «здесь живи». И евреи поселились в Польше.

Память о еврейском переселении с запада на восток сохранилась в фамилиях российских евреев. Многие из них образовались от названий тех городов или земель, в которых евреи жили до переселения в Польшу и Литву. Например, Берлин, Берлинер, Гамбург, Нюрнберг, Ганновер, Шпейер, Познер (Познань), Ауэрбах-Урбах-Авербух (Ауэрбах – город в Германии), Бахрах (Бахарак в Германии), Гальперин-Альперин-Альперн (Хайльбронн в Германии), Гинзбург-Гинцбург (Гюнцбург в Баварии), Каценеленбоген, Ландау, Оппенгейм, Эпштейн, Эттингер (по названиям немецких городов Каценельнбоген, Ландау, Оппенхайм, Эппштайн, Эттинген), Айзенштадт (в Австрии), Горовиц-Гурвиц-Гурвич (Горжовице – нем. Horowitz – в Чехии).

Фамилия Альтшулер образовалась от слова «Alt'Schul», что означает «старая синагога», которая и ныне существует в Праге; вероятно, первые Альтшулы или Альтшулеры были попечителями этой синагоги. В 1542 году, после изгнания евреев из Праги, многие Альтшулеры поселились в Польше, Литве, затем в России. Блок-Блох-Влох-Волах: евреи – выходцы из Италии. «Влох» по-польски означает «итальянец».

Очерк шестой

Привилегии Казимира Великого. Изгнание из Литвы. Антиеврейская агитация и первая антисемитская литература. Обвинения в осквернении святой гостии

И жила в городе женщина, набожная и добрая. Как роза распространяет аромат вокруг себя, так она отдавала свое богатство бедным; дом ее был убежищем для убогих, несчастных и угнетенных. Звали эту женщину – Золотая Роза.

1

Казимир III – Казимир Великий – стал польским королем в 1333 году. Польский летописец объясняет его благосклонность к евреям любовью к красавице Эстерке. Это была дочь еврея-портного из Опочно, умная женщина, которая жила в королевском дворце, и из всех фавориток Казимира III лишь она имела на него влияние. Эстерка родила королю двух дочерей, которые остались еврейками, и сыновей по имени Немир и Пелка, воспитанных в христианской вере и ставших родоначальниками знатных польских фамилий. При Людовике Венгерском, преемнике Казимира, Эстерку убили во времена гонений на евреев.

Вряд ли благосклонное отношение Казимира Великого к евреям определялось одной лишь любовью к красавице Эстерке. Король поощрял не только евреев, но и немцев, шотландцев, представителей других народов, которые развивали внешнюю торговлю Польши и расширяли польские города. Казимир заботился об интересах всех сословий, включая крестьян; не случайно его называли «королем холопов» и говорили, что «он застал Польшу деревянной, а оставил ее каменной», так как при нем города застраивались каменными домами.

В 1334 году Казимир Великий распространил привилегии Болеслава Благочестивого на евреев Великой Польши – области Познани, Калиша и Гнезно. В 1364 году король «склонился на просьбу евреев, живущих во всех городах Польского государства», и желая «увеличить выгоды своей казны», выдал грамоту в пользу евреев остальной Польши. Эту грамоту одобрили дворяне, составлявшие королевский совет; среди прочего она указывала: «каждый еврей может свободно и безопасно переходить и переезжать – без всякого препятствия и остановки – из города в город, из провинции в провинцию нашего королевства, и с совершенной безопасностью может везти и нести с собой свое имущество или товары, продавать, покупать и менять... а пошлину платить не больше, чем христиане».

В 1367 году эти привилегии – в расширенном виде – получили и евреи Малой Польши, в состав которой входили завоеванные Казимиром Червонная Русь со Львовом и часть Волыни. Не случайно в еврейских преданиях этот король постоянно фигурировал в роли покровителя и благодетеля: привилегии Казимира Великого были в то время единственным в Европе примером веротерпимости по отношению к евреям.

В четырнадцатом веке шляхта и духовенство не набрали еще силы; евреи Польши считались «рабами казны» и находились под защитой короля, который заботился о своих интересах, но и евреям предоставлял многие привилегии. Они пользовались свободой вероисповедания, вели торговлю по всей стране, снабжали кредитом короля, высших сановников, духовенство и мещан. Крупные банкиры-евреи брали на откуп разные отрасли государственных доходов, к примеру, соляные копи, эксплуатацию которых правительство

предпочитало отдавать в чьи-либо руки и получать за это гарантированный доход, а не вести дело на свой риск.

В Кракове, столице королевства, богатые евреи занимались денежными операциями, покупали и продавали земельные участки и дома; один из них, некий Левко, стал банкиром короля, заведовал соляными копиями и монетным двором. Краковские мещане завидовали его влиянию и богатству и считали, что у Левко есть волшебное кольцо, которым он приворожил к себе короля. В стране преобладали мелкие торговцы-евреи и кредиторы, которые оперировали малыми суммами, и, тем не менее, можно сказать, что во времена Казимира Великого, да и в последующие два века польское еврейство находилось в достаточно благоприятных условиях. Примерно то же самое происходило и в Литве.

Нет точной даты первого появления евреев на литовской земле. В четырнадцатом веке Великое княжество Литовское занимало территорию от Балтийского до Черного моря, евреи снова поселились в Киеве и в других городах, которые Литва отвоевала у татар. Появились они и в Гродно, в Бресте, в Троках и Луцке – предприимчивые, страстные, впечатлительные с умением торговать и любовью к детям. В 1388 году великий князь Витовт издал грамоту с привилегиями для литовских евреев, похожую на статуты Болеслава Благочестивого и Казимира Великого. «Деяния людей, не закрепленные голосом свидетелей или письменными показаниями, стираются с лица земли, исчезают и предаются забвению, а потому мы, великий князь Витаутас, объявляем нынешним и грядущим поколениям...»

Евреи Литвы непосредственно подчинялись великому князю; у них было автономное управление внутренними делами общины, свой суд, свобода торговли наравне с христианами, одинаковые пошлины и право беспрепятственных кредитных операций; запрещалось даже обвинять евреев в ритуальном использовании крови человека. Синагоги появились на земле Литовской, хедеры, иешивы и кладбища, чтобы жить среди своих и упокоиться возле своих. Лавки открывали, портняжные мастерские, кузницы с красильнями, и непременно бани, которые дозволялось топить во всякое время, когда надумают мыться.

В Гродно, к примеру, евреи имели свои дома и «пляцы» – земельные участки, «божницу» – синагогу и «копище» – кладбище; в своих домах они «шинковали», то есть продавали спиртные напитки, имели право владеть «грунтами» – пахотной и луговой землей. В те времена Литва была крайним пунктом еврейского передвижения с запада на восток. Восточнее располагалась Московская Русь, закрытая для евреев.

2

В пятнадцатом веке изгнание евреев из городов и земель Центральной Европы стало обычным явлением. Брюн, Ольмюц, Майнц, Бамберг, Глогау, Кельн, Шпейер, Фрейбург, Аугсбург, Магдебург, Нюрнберг, Регенсбург, Бавария, Силезия, Штирия, Каринтия, – к концу пятнадцатого века в этих городах и землях не осталось ни одного еврея, или же им запретили там постоянное проживание. Изгнания сопровождалась конфискацией недвижимости; дома, синагоги и кладбища становились собственностью городов; в Нюрнберге через кладбище проложили улицу, мощенную надгробными плитами; евреев Майнца изгоняли в пятнадцатом веке четыре раза, а затем вновь призывали обратно; городская управа Фрайбурга пожелала освободиться от евреев, «потому что они жаждут христианской крови, которая позволяет им продлевать свою жизнь».

К этому добавились преследования в Чехии и Венгрии, поголовное изгнание из Испании в 1492 году, изгнание из Португалии в 1497 году, – многие уходили в Турцию и Польшу, правителям которых было выгодно принять изгнанников. Испанские евреи обучили турок многим искусствам и ремеслам, научили их изготавливать порох и лить пушки, ознакомили с разными военными приемами. Не случайно турецкий султан Баязет II

сказал по поводу изгнания евреев из Испании: «Как можно назвать испанского короля Фердинанда умным правителем, его, который разорил свою страну и обогатил нашу».

«Время наше, время бедствий», – повторяли евреи в годы изгнаний. Вторил этому писатель Эразм Роттердамский: «Если ненависть к евреям является признаком доброго христианина, то все мы добрые христиане». Даже Мартин Лютер – один из основателей протестантской церкви, в будущем яростный гонитель евреев – призывал проявлять «истинно христианскую» терпимость к евреям. Из его сочинения «О том, что Иисус Христос родился евреем» (1523 год): «Епископы и монахи, грубые ослы, обращаются с евреями так, что всякий христианин предпочел бы стать иудеем. Если бы я был евреем и видел подобных глупцов, управляющих церковью, я бы охотнее сделался свиньей, а не христианином. Ибо они поступают с евреями таким образом, будто те псы, а не люди».

Ненависть к иноверцам сохранялась и в тех краях, где евреев уже не было, а местное население не сталкивалось с ними в повседневной жизни. Легенды, баллады, сатиры, всякого рода литературные произведения были переполнены образами жестоких, жадных, вероломных евреев. На сценах передвижных театров ставили «Мистерии страстей Господних», где евреи совместно с чертями мучили и распинали Иисуса Христа, – такого рода спектакли были чрезвычайно популярны, на них сходились жители городов и деревень, что усиливало ненависть к презренным иноверцам.

В 1495 году великий князь Александр неожиданно изгнал из Литвы всех евреев. Возможно, он решил взять пример с испанского короля или не мог расплатиться с кредиторами-евреями, – про этого князя говорили, что он заложил всё, что не успел еще раздать. Он опубликовал указ – «жидову с земли вон выбити» и выселил всех евреев из Бреста, Гродно, Трока, Луцка, Владимира-Волынского и Киева. Их недвижимость перешла в княжеское владение, все христиане, которые брали у евреев деньги, обязаны были вернуть долг в великокняжескую казну.

Часть литовских евреев ушла после изгнания в Крым и Стамбул, другие – в соседнюю Польшу, а вместо них пригласили в Литву новых поселенцев, немцев со шведами. Вскоре Александр стал польским королем, и духовенство предложило ему изгнать евреев из Польши – по литовскому образцу. «Если хочешь стать апостолом правды, – говорили ему, – вынь меч из ножен, чтобы они, хотя бы и по принуждению, приняли христианство». Но польский король желал пополнить казну перед возможной войной с Россией, был заинтересован в развитии городов и через восемь лет разрешил евреям вернуться в Литву, позволив жить «по замкам и другим местам, где перед тем были». Их дома, синагоги, земли и кладбища возвращались прежним хозяевам, им разрешили взыскивать старые долги, они могли выкупать прежнюю свою собственность, которую князь уже успел продать христианам, – и евреи снова поселились в Литве.

Пятнадцатый век стал поворотным в истории еврейского рассеяния. Ненависть к евреям и повсеместные изгнания привели к тому, что центр их культурной, экономической и общественной деятельности начал перемещаться на восток – в Польшу и Литву. 45 новых еврейских общин было основано в Польше в пятнадцатом веке, а всего в Польше и Литве жили тогда более 20 000 евреев. В шестнадцатом веке переселение значительно увеличилось; оно шло теперь из Чехии, Нижней Австрии, Брауншвейга, Бранденбурга и Италии. Но малая часть изгнанников с Пиренейского полуострова, попав в Польшу, ненадолго там задержалась. Испанские евреи отличались от своих провинциальных польских единоверцев манерами и светским образованием; они столкнулись с конкуренцией местных евреев, которые, как они уверяли, «хотели съесть их живьем», и многие из них ушли на юг – в Италию и Турцию.

Приток продолжался, и к концу шестнадцатого века в Великой Польше было уже 52 еврейские общины в городах и местечках. Общины Кракова, Познани, Львова и Люблина

считались тогда крупнейшими в Европе после общин Стамбула и Венеции. В Познани было 2500 евреев. В Кракове – 4500. В Люблине – 2000. Чем дальше на восток – Луцк, Владимир-Волынский, Галич, Киев, тем чаще можно было встретить евреев, а киевская община даже славилась своей ученостью: «Из Киева, – говорили, – распространяется Тора». Церковь не поощряла притока «нехристей», и Петроковский синод постановил в 1542 году: «Так как церковь терпит евреев лишь для того, чтобы они напоминали нам о муках Спасителя, то численность их отнюдь не должна возрастать».

Очень приблизительно – на основании еврейского поголовного налога – можно предположить, что к концу шестнадцатого века было в Польше и Литве примерно 100 000 евреев. Но поляки считали, что их значительно больше и брать с них следует соответственно больше. «Столько их в Корону из других стран напозло, – писал ненавистник евреев, – столько их наплодилось, что они могли бы давать чуть не в шесть раз больше, чем дают на самом деле». «Они женятся в двенадцать лет, – писал другой, – на войнах не гибнут, от воздуха не мрут, вот и расплодились».

3

В пятнадцатом и шестнадцатом веках медленно, но неуклонно возрастало влияние польской шляхты. Каждый новый закон должен был проходить теперь через шляхетские сеймы, и короли не могли уже постановить самостоятельно «ничего нового». Сеймовые указы о евреях получили одинаковую законную силу со старыми королевскими привилегиями и часто парализовали их действие. Даже доброжелательно настроенным королям приходилось считаться с требованиями шляхты и духовенства, но особенно опасными для евреев бывали периоды междуцарствия, которые предшествовали избранию на престол очередного короля. В этот период шляхта и духовенство – в обмен на поддержку – могли диктовать условия любому кандидату на королевский престол.

В 1539 году король Сигизмунд I объявил, что евреи, живущие в шляхетских городах, могут поступать под опеку владельцев-панов, платить им налоги, но в этом случае король лишает их своего покровительства. «Мы обыкновенно не даем защиты тем, кто не приносит нам никакой пользы, – заявил король. – Пусть защищает евреев тот, кто извлекает ее из них». С этого момента евреи Польши стали делиться на королевских и шляхетских.

В частных городах, местечках и имениях они были деятельным, предприимчивым элементом, и уже не король, а паны получали с них доходы. Шляхта основывала на своих землях «частные города» и приглашала туда евреев, освобождая поначалу от уплаты налогов. Многие евреи переселялись в «частные города», где не было конкуренции; там они успешно занимались импортом и экспортом товаров, вывозили в Западную Европу лес и сельскохозяйственные продукты. Они доставляли панам доход от молочного хозяйства, мельниц, винокурения, содержания шинков, других предприятий и ремесел, а те могли беспечно проводить время.

Так было в Польше, так было и в Литве. Доходило до того, что депутаты от шляхты грозили сорвать очередной сейм, если их евреи будут обложены дополнительными налогами в государственную казну, а во времена междуцарствий шляхта брала евреев под свою защиту и заявляла, что «причинившие им вред» будут наказаны. Когда на одном из сеймов магистр философии С. Мичиньский стал агитировать за изгнание евреев из Польши, а его сторонники провозгласили магистра «апостолом правды», депутаты называли его «смутьяном» и нарушителем общественного спокойствия.

Мещанство Польши было настроено враждебно к своим конкурентам-евреям, но в то время оно не располагало политической силой. Это были преимущественно выходцы из Германии; переселившись в Польшу, они перенесли туда свои традиции и предрассудки.

Многие из них, возможно, были очевидцами, а то и участниками погромов в немецких и австрийских городах. Они постоянно сталкивались с евреями в сфере торговли, ремесел, банковских операций, и это обостряло отношения. У евреев было экономическое превосходство в стране: не благодаря привилегиям, которые они получали от королей, – привилегии получали и немцы, – но благодаря притоку свежих сил из Германии, Чехии, Италии и других стран.

У еврейских поселенцев сохранились связи со своими единоверцами в самых отдаленных странах, и это давало возможность торговать в широких масштабах. Шляхта оценила опыт евреев, их возможности и невольно стала их союзником против городского мещанства – в тех случаях, когда это не противоречило ее интересам. «Неверные евреи лишили нас и наших сограждан, занимающихся купечеством, почти всех источников пропитания, – жаловались мещане города Львова. – Они овладели всей торговлей, проникли в местечки и села, не оставили христианам ничего».

Записи в таможенных книгах позволяют определить виды товаров, которые еврейские купцы развозили по Польше. Это – мыло, воск, краски, белила, бумага, зеркала, подсвечники; бархат, шелк, сукно, рукавицы, пояса, шапки, седла; орехи, сливы, рис, сахар, фиги, изюм, соленая рыба, цыбульное семя, вино, гвоздика, шафран, перец и миндаль, имбирь и тмин; сталь, железо, олово, ножи, иглы, шпильки, косы, котлы, тазы и замки, а также мех выдры, лисицы, хорька, горностая, кролика, куницы.

Но жизнь у евреев не была в то время беззаботной и устойчивой; даже в периоды благополучия им постоянно грозили в городах нападения семинаристов и воспитанников иезуитских школ. Евреи платили особый налог этим школам, который распределяли между учениками, чтобы они не бесчинствовали на улицах и не избивали прохожих-евреев. Польское общество было неоднородным, не только короли и крупная шляхта выражали его настроение, но также духовенство, а временами и мещане – жители городов. Бывало так, что один сейм подтверждал еврейские права, а другой, следом за ним, эти права ограничивал: всё зависело от того, кто побеждал на сейме, те ли, чьи интересы совпадали в данный момент с интересами евреев, или же те, чьи интересы были противоположны.

В Польше и Литве было много еврейской бедноты – мелких торговцев и ремесленников; они вели ежедневную борьбу за существование, сталкивались с такими же бедняками-христианами, что приводило к конфликтам. Местное мещанство постепенно набирало силу, урезало права евреев-конкурентов, а порой изгоняло из городов. Нужен был только повод. В Кракове, к примеру, случился большой пожар, евреев обвинили в поджоге; был погром, толпа грабила, калечила и убивала – и король Ян Альбрехт выселил евреев в предместье. С тех пор им запрещалось жить в Кракове; евреи основали возле него городок Казимеж, который именовали в своих документах – «еврейский город Казимеж на Висле».

4

Польское духовенство постоянно вело антиеврейскую агитацию и внимательно следило за действиями королей. В 1447 году в Познани сгорел при пожаре старинный подлинник грамоты Казимира Великого, а потому Казимир IV Ягеллон подтвердил прежние еврейские привилегии с таким демонстративным заявлением: «Мы желаем, чтобы евреи, которых мы особенно охраняем ради интересов наших и государственной казны, почувствовали себя утешенными в наше благополучное царствование».

Немедленно вслед за этим краковский архиепископ написал королю: «Не думай, что в делах религии христианской ты волен постановлять всё, что тебе вздумается. Никто не велик и не силен настолько, чтобы ему нельзя было воспротивиться, когда дело касается веры. А потому прошу и умоляю твое королевское величество отменить упомянутые привилегии и

вольности. Покажи, что ты – государь католический, и удали всякий повод к бесславию для твоего имени». Королю грозили муками ада за покровительство евреям, а когда поляки были разбиты Тевтонским орденом, и духовенство объявило это Божьим наказанием за королевскую вину, Казимир IV отменил привилегии евреям, «противные Божьему праву и земским уставам». К концу пятнадцатого века им запретили владеть землей вне городов, ограничивали в торговле, в занятиях ремеслами, и с этого времени их благосостояние стало ухудшаться.

В шестнадцатом веке появилась в Польше антисемитская литература. В 1541 году увидела свет книга некоего священника под названием «Об изумительных заблуждениях евреев»; ее автор рекомендовал разрушить новые синагоги и ограничить в городах численность евреев. Затем вышло сочинение «О святых, убиенных иудеями», где требовали изгнать их поголовно с польской земли. Один автор проповедовал в своих сочинениях поход против евреев «для того, чтобы не быть ими истребленными»; другой изображал их в самом отталкивающем виде; третий расписывал «еврейские жестокости, убийства и суеверия»; четвертый – врач по профессии, чтобы отвадить больных от еврейских врачей, сообщал о том, что они отравляют пациентов-христиан.

Эти книги многократно переиздавались, и название одной из них говорит само за себя: «Раскрытие еврейских предательств, злостных обрядов, тайных советов и страшных замыслов, а также разоблачение некоторых еврейских пособников и здравый совет, как избегнуть предательства». Магистр философии Краковской академии Себастиан Мичиньский составил перечень еврейских «злодеяний»: обвинения в предательстве, отравлении и убийствах с ритуальной целью, обвинения в колдовстве, святотатстве и всевозможных кознях против христиан. Он сокрушался: «О, если бы удалось посадить на скамью пыток еврейских старшин! Как много бы мы тогда узнали, какую бы песню они тогда затянули!» И антиеврейская пропаганда выливалась обычно в погромы с убийствами.

Поводом для погромов часто служили слухи о том, что евреи якобы оскверняли святую гостию – мучную облатку для причастия, символизирующую тело Христа, которая употребляется в католических церковных обрядах. Еще в начале тринадцатого века возникло такое обвинение под Берлином – обвиняемых сожгли на костре. Потом это случилось в Париже, Барселоне и Брюсселе, в других городах Европы.

В 1478 году в немецком городе Нассау «установили» под пыткой, что «купив за один гульден восемь гостий, они (евреи) принялись колоть их ножами, – вдруг из гостий полилась кровь и появилось лицо младенца... Когда же они бросили две гостии в раскаленную печь, то поднялась страшная буря, а из печи вылетели два ангела и два голубя». Виновных осудили и казнили. В герцогстве Мекленбург за подобное обвинение 27 евреев сожгли на костре в 1492 году. «Спокойно шли они на смерть... – писал католический летописец. – С твердым духом, без сопротивления и слез. Они испустили дух, распевая древние псалмы».

В 1520 году в Берлине за совершенное якобы осквернение гостии 38 человек приковали к столбам, обложили паклей со смолой и подожгли. Раввин произносил предсмертную исповедь – «видуй», мученики распевали псалмы, а через много лет местный священник сознался перед смертью, что казненных оговорили. Известен даже случай, когда некий поляк умер под пыткой, но не признал, что он продал евреям святую гостию, – однако обвинение против них не сняли. «Ведь и у дьявола тоже есть свои мученики», – писал по этому поводу польский писатель.

В Польше это впервые случилось в 1399 году. Евреев Познани обвинили в том, что они купили у христианки три гостии, прокололи их и бросили в яму. Эти гостии явились затем местному пастуху в образе трех бабочек, а когда их вынули из ямы, они стали совершать чудеса. Тут же разразился погром, мещане громили лавки и дома конкурентов-евреев, уничтожали долговые расписки. После жестоких пыток раввина Познани и старейшин общины

привязали к столбам и сожгли на медленном огне. Вместе с ними сожгли христианку, а на том месте, где нашли гостии, построили монастырь, в который стекались паломники с приношениями.

В 1558 году сюжет в Польше повторился: будто бы некая христианка из Сохачева продала евреям святую гостию, они ее искололи, из гостии потекла кровь, – «виновные» были арестованы, король Сигизмунд Август велел их освободить, но приказ запоздал или духовенство поспешило: евреев сожгли на костре. Перед смертью осужденные заявили: «Мы никогда не прокалывали гостии, потому что не верим, что в гостии – тело Бога. Мы знаем, что у Бога нет тела и крови. Мы верим, как и наши предки, что Мессия – не Бог, а его посланник. Мы знаем также по опыту, что в муке не может быть крови. Мы продолжаем утверждать до последнего часа, что нам не нужна кровь». Священники были возмущены этим заявлением и приказали палачу заткнуть мученикам рты горящими факелами.

«Я содрогаюсь при мысли об этом злодействе, – сказал Сигизмунд Август, – да и не желаю прослыть дураком, который верит, что из проколотой гостии может течь кровь».

5

В конце шестнадцатого века проходил долгий судебный процесс, который затеяли иезуиты против еврейской общины города Львова; они решили забрать здание синагоги, и суд постановил передать синагогу иезуитам. «Евреи были в отчаянии, – писал очевидец, – еврейки рвали на себе волосы; их квартал имел такой вид, как накануне Страшного суда».

Старшина общины Мордехай Нахманович встретил монахов, ввел их в синагогу и потребовал занести в протокол, что он всё передал иезуитам. «Между тем народ со всех сторон стал прибывать в синагогу, поздравляя иезуитов с успехом, наполняя воздух криками радости, – писал летописец иезуитского ордена. – Народ зажег восковые свечи и вошел с процессией в синагогу. Толпа подошла к месту, где находился святой ковчег, и пением церковных гимнов освятила это место... Среди евреев же была тревога, скорбь, слышались вздохи и вопли, и горе их усилилось, когда они увидели над крышей синагоги крест, символ христианства».

Но иезуиты радовались преждевременно. На другой день монахи пришли к новому костелу, однако ворота оказались запертыми. Пройти внутрь можно было лишь через прихожую дома Нахмановичей, но Мордехай Нахманович никого не пропускал через свои владения. Спор ордена иезуитов с львовскими евреями разгорелся с новой силой, и дело закончилось тем, что синагогу возвратили евреям. При новом ее торжественном освящении был прочитан гимн – «Песнь освобождения». (Львовские евреи молились в этой синагоге три с половиной века, пока ее не разрушили во время Второй мировой войны.)

С судебным процессом между львовскими евреями и иезуитским орденом связана легенда о Розе, жене Нахмана Нахмановича, брата старшины общины Мордехая Нахмановича. Это была женщина необыкновенной красоты, одаренная высокими душевными качествами, которая пользовалась огромной популярностью во Львове. Надгробный камень на ее могиле сохранялся до конца девятнадцатого века, и на нем – надпись: «Она была настоящим светильником Божиим, королевой всех дочерей Сиона, которая по красоте и уму не имела равной себе. Короли и князья склоняли перед ней свои колени».

К могиле Золотой Розы приходили несчастные жены и матери, искали утешения в молитвах, писали записки с просьбами и оставляли их под плитой. Впоследствии Золотую Розу называли мученицей за веру, и сохранилась легенда, связанная с ее именем, которая вряд ли имеет отношение к реальной Розе, но к событиям того времени она имеет отношение самое несомненное. Вот она, эта легенда.

Это случилось во времена польских королей. Старая синагога была уничтожена пожаром. Собирали деньги, чтобы построить новую, каменную. Золото текло рекой со всех стран мира, потому что Львов вел торговлю с чужими краями и славился богатством и благочестием. Синагогу собирались выстроить высокой, красивой, видной со всех сторон, чтобы свидетельствовать далеко за стенами города, как велик Бог Израиля. Но тут наступило несчастье. Христиане не могли стерпеть, чтобы вблизи от их святыни стояла святыня Израиля, и решили присвоить ее себе. Нашли где-то старый документ, затеяли процесс и закрыли синагогу. Плач овладел Израилем. Святыня Всевышнего должна перейти в чужие руки. Община впала в отчаяние, Израиль проливал горькие, горькие слезы...

И жила в городе женщина, набожная и добрая. Как роза распространяет аромат вокруг себя, так она отдавала свое богатство бедным; дом ее был убежищем для убогих, несчастных и угнетенных. Звали эту женщину – Золотая Роза. Она пожертвовала всё свое имущество для выкупа святыни. Она употребляла свое влияние повсюду, но ничто не помогло. «Пусть сама явится с деньгами», – таково было последнее слово епископа.

Роза вздрогнула. Она была красива. Она боялась мужчин, особенно неженатых. Долго колебалась. Народ плакал. Пошла. «Останься у меня, – сказал епископ, – и я верну твоим братьям святыню». – «Сначала верни, и я останусь». – «Я тебе не верю», – сказал епископ. «Если ты мне не веришь, – ответила она, – ты ничего не теряешь, а я теряю честь, веру, народ». Епископ согласился, подписал документ на открытие синагоги, и она отослала бумагу старшинам. В общине радость, веселье, из окон синагоги льется свет! Роза – из окна епископского дворца – видит его. Задача ее выполнена. Жизнь погублена. На другой день епископ нашел ее мертвой.

Еврейские женщины долго еще оплакивали эту мученицу...

В двадцатых годах шестнадцатого века началось реформационное движение в Польше, и всякое отпадение христианина от католической церкви объясняли влиянием евреев, а переход к евангелической вере отождествляли с обращением в иудейство. Жертвой обвинения стала восьмидесятилетняя католичка Катажина Вайгель, вдова члена Краковского магистрата, которую сожгли на городском рынке в 1539 году за склонность к иудаизму.

Ее спросили на допросе, верит ли она в «сына Божия Иисуса Христа, который был зачат от Духа Святого», и Вайгель ответила на это: «Не имел Бог ни жены, ни сына, да Ему и не нужно этого, потому что сыновья нужны только тем, которые умирают, а Бог вечен, и как Он не родился, так и умереть не может». Свидетель казни писал: «На смерть она пошла без всякого страха», а польский летописец отметил: «Она шла на смерть, как на свадьбу».

В тот же период в Плоцке проходил процесс против Брозия и Мачея, двух врачей-поляков, обвиненных в переходе в иудаизм.

В сороковых годах шестнадцатого века в Польше появились слухи, будто «люди веры христианской к закону жидовскому приступили и обрезание приняли», а затем бежали в Литву, где нашли убежище

у тамошних евреев. Под давлением церкви были посланы в Литву два королевских комиссара с самыми широкими полномочиями; они присупили к розыску обращенных, и для евреев Литвы начался период «тяжкостей неслыханных». По любому доносу или подозрению комиссары врываются в еврейские дома, обыскивали и арестовывали; задержанные платили выкуп за свое освобождение.

Евреи перестали ездить на ярмарки, опасались оставлять семьи без защиты, боялись попасть в пути под арест. Поначалу местные власти охотно помогали комиссарам, но вскоре захирела торговля, опустели рыночные площади, евреи не в состоянии были платить налоги. Еврейская делегация отправилась к королю с мольбой, чтобы «правый не терпел за виноватого»; просили за евреев и литовские паны, которые начали терпеть убытки, и комиссарам приказали проводить розыск в рамках законности и без излишних притеснений.

Обвинили и евреев Кракова, будто они покупают христианских детей, совершают над ними обряд обрезания, а затем переправляют в Турцию. Обвинение не подтвердилось, однако польским евреям запретили выезд в Турцию без разрешения короля.

Из литовского статута 1566 года: «Да не смеют евреи ходить в дорогих платьях с золотыми цепями, а жены их в золоте и серебре. Да не осмелятся евреи украшать серебром сабли и палаши. Одежда их, однако, пусть будет заметна для всякого, чтобы каждый мог отличить христианина от еврея».

Церковные иерархи Польши запрещали католикам работать у иудеев и православных, а также посещать их синагоги и церкви. В 1588 году епископ Ежи Радзивилл запретил «христианам, особенно девицам и кормилицам, служить в еврейских домах... из опасения, что их души будут осквернены и что эти простые люди будут погублены иудейством».

Очерк седьмой

Новгородская «ересь жидовствующих».

Жидовствующие при дворе Ивана III. Их учение.

Казни главных еретиков. Иван Грозный и евреи

*27 декабря 1504 года в Москве в деревянных клетках
были всенародно сожжены жидовствующие — дьяк Иван Волк
Курицын, Дмитрий Коноплев и Иван Максимов за отпадение от
христианской веры.*

1

Пятнадцатый век стал временем пробуждения религиозной мысли в Европе. Верующие задумывались над сущностью религии, и в разных странах возникали всевозможные секты, которые отрицали церковные обряды, некоторые догматы и иерархию христианства, видели единственный выход из этого — возвращение к Библии. Знаменитый Афонский монастырь в Греции был в те времена центром движения христиан, которые отрицательно относились ко всякой обрядности, и монахи этого монастыря разносили свое учение по православному Востоку.

Еще до этого, в четырнадцатом веке, в Болгарии распространилась ересь секты жидовствующих. Ее сторонники искали поддержку у жены царя Федоры, которая была крещеной еврейкой из Тырнова по имени Сарра. Жидовствующие отвергали церковную власть, причастие, иконы и священников. По приговору церковного собора ересь была уничтожена, а евреев Болгарии лишили права владеть недвижимостью.

В конце четырнадцатого века объявился в Ростове некий Маркиан, «зело хитр в словах и в писании книжном коварен». Он восставал против поклонения иконам, считая их идолами, и своими доводами поколебал бояр и местного князя. Из рук в руки ходили по России разные сочинения, в которых утверждалось преимущество содержания над обрядностью, обличалась бесплодность неосмысленного обряда. Верующие — в основном, монахи — отпадали в разные ереси, с которыми церковь беспощадно боролась.

Одна из таких ересей возникла в Пскове во второй половине четырнадцатого века — «ересь стригольников». Стригольники считали, что русское священство «во зле лежит», потому что берет пошлыны и подарки при посвящении в священники, и отказывались от общения с таким духовенством. Они объединялись в особые группы, во главе которых стояли наставники — «простецы». В 1375 году в Новгороде руководителей этой секты сбросили с моста в реку, но ересь не исчезла. Еретиков ловили в Пскове и Новгороде, убивали, сажали в темницы, а они убегали от преследований, разносили по разным краям свое учение.

На русском Севере были в обычае религиозные споры; в Новгороде мужчины и женщины, люди разных сословий, сходились не только в домах, но и на площадях, обсуждали духовные проблемы, критиковали порой церковь, ее обряды и постановления. В этом хаосе споров и мнений, быть может, и объявился некий человек, разъяснявший свое учение, которое легло на подготовленную почву.

В 1470 году вольный Новгород, опасаясь притязаний Москвы, попросил великого князя Литовского прислать из Киева на княжение православного князя Михаила Олельковича. В его свите были купцы-евреи, вместе с ними приехал из Киева ученый иудей

Схария, о котором сказано в русских источниках: «сей диаволов сосуд» обучен астрологии, чародейству и чернокнижию. Неизвестно, что Схария делал в Новгороде, сколько времени там оставался; известно только, что с этого момента появилась в Новгороде, а затем в Москве «ересь жидовствующих». В русской летописи за 1471 год сказано так: «Отселе почала быти в Новегороде от жидовина Схария ересь».

Ученый иудей Схария, возможно, повлиял на местных священников, которые и до него склонялись к ереси. Могли быть их контакты с приезжим иудеем на почве тогдашнего увлечения «тайным знанием» – астрологией и алхимией; не исключено, что доводы Схарии подтолкнули в определенном направлении тех священников, которые и до этого задумывались над основами своей веры. В русских источниках сказано: приехав в Новгород, Схария «прельстил в жидовство» влиятельных священников, Алексея и Дионисия, людей мыслящих и начитанных по тем временам. В этом ему помогли якобы евреи из Литвы – Йосеф Шмойло Скарявей и Моисей Хануш.

К новой вере обратились затем некий Иванька Максимов с отцом, Гридя Клоч, поп Григорий с сыном, Мишук Собака, Васюк Сухой зять Денисов, дьяк Гридя, поп Федор, поп Василий, поп Яков, поп Иван, дьякон Макар, поп Наум и даже протопоп Софийского собора Гавриил. Новообращенные хотели обречься, – их было уже не один десяток, – но их учителя велели держать иудейство в тайне. В тайне сохранялись и новые имена: так, например, священник Алексей получил имя Авраам, а жена его – имя Сарра. Вскоре евреи уехали из города, и ересь распространялась уже без них.

2

В 1479 году великий князь московский Иван III побывал в Новгороде – после присоединения его к Московскому государству. Слухи о благочестивой жизни и мудрости двух главных тайных еретиков Алексея и Дионисия дошли до него, сами они произвели на великого князя хорошее впечатление, и Иван III взял их с собой в Москву. Алексей стал протопопом Успенского собора в Кремле, а Дионисий – священником Архангельского собора. Так ересь попала из Новгорода в Москву.

Дионисий и Алексей пользовались большим уважением в столице и распространили свое учение между людьми известными и влиятельными. В числе принявших учение были: всесильный при княжеском дворе думный дьяк Федор Курицын, его брат Иван Волк, дьяки Истома, Сверчок и другие, а Ивашка Черный и Игнашка Зубов «даже обречались и бежали в Литву». Вдова Елена, невестка великого князя и мать наследника престола, приняла это учение; Иван III подпадал временами под влияние еретиков и «склонял слух» к ереси. Великий князь конфисковывал тогда монастырские земли, и критика церковных «стяжателей», возможно, соответствовала его политике.

Сторонники «ереси жидовствующих» держали в тайне свою веру; с тех пор сохранились лишь два сочинения: одно из них написал дьяк Федор Курицын, другое осталось анонимным. Некий монах Самсонка под пыткой показал, что еретики изрекали хулу на Христа и на всех святых, расщепляли иконы, показывали иконам кукиш, спали на них, мылись на них, плевали на них, поливали «скверной водой», кидали иконы в лохань, – даже в те времена не все верили показаниям, полученным под пыткой.

В 1487 году новгородскому архиепископу Геннадию донесли, что несколько священников в пьяном виде надругались над иконами, хулили православную веру. Геннадий начал розыск в Новгороде, ему помогал раскаявшийся поп Наум, передавший Геннадию тетрадки с молитвами жидовствующих. На допросах еретики называли себя православными, но выяснилось, что втайне они держались ереси, распространяли ее в городах и селах, где у них были приверженцы среди попов.

Заподозренные в ереси – поп Григорий с сыном Самсонкой, поп Ереса и дьяк Гридя – сбежали в Москву к своим покровителям, но Геннадий отправил туда собранные при розыске материалы. Беглецы были схвачены, осуждены на соборе, их били кнутом и вернули назад, в Новгород, – но оттуда они снова сбежали в Москву и даже пожаловались великому князю, что архиепископ их «имал, и ковал, и мучил, да грабил животы». При великом князе Иване III еретики жили в Москве вольготно, «в ослабе».

В 1489 году новым митрополитом Руси стал архимандрит Зосима. Архиепископ Геннадий из Новгорода потребовал от него, чтобы он вместе с церковным собором предал еретиков проклятию, и привел в пример испанскую инквизицию, при помощи которой «шпанский король землю свою очистил». Геннадий опасался диспута с жидовствующими и остерегал епископов: «Люди у нас простые, не умеют по обычным книгам говорить: таки вы о вере никаких речей с ними не плодите; токмо для того учините собор, чтобы казнить их и вешати».

Зосима созвал собор в 1490 году, и из приговора над еретиками следует, что жидовствующие отрицали основные догматы христианской веры: не признавали Иисуса Христа сыном Божиим, отвергали Святую Троицу, «хулы изрекали на Иисуса и Марию», отрицали почитание креста, икон, святых и чудотворцев, отвергали монашество и считали, что Мессия еще не явился. Они почитали «субботу паче воскресения Христова», признавали лишь единого Бога – «Творца неба и земли» и праздновали еврейскую Пасху.

Еретики упорно отрицали свою вину, но собор лишил их духовного сана, предал проклятию и осудил на заточение. Некоторых из них отправили к Геннадию в Новгород; архиепископ велел встретить их за сорок верст от города, надеть на них вывороченную одежду, шлемы из бересты с мочальными кистями и соломенные венцы с надписью «се есть сатанино воинство». Еретиков посадили на лошадей лицом к хвосту, а народу велено было плевать на них и кричать: «Вот враги Божии, хулители Христа!» Затем на их головах зажгли шлемы из бересты, некоторые из осужденных лишились после этого рассудка и умерли.

3

Но ересь продолжала распространяться при дворе великого князя, и этому способствовало одно обстоятельство.

В 1492 году окончились 7000 лет от сотворения мира – по православному исчислению. Уже давно считали на православном Востоке, что мир будет существовать 7000 лет, а затем наступит «конец Вселенной», «день Страшного суда». Но срок прошел, а конец мира не наступил; это обстоятельство вызывало еретические мысли, сомнения в вере, всевозможные толкования Библии, – оно подтолкнуло и «ересь жидовствующих». «Если Христос был Мессия, – говорили еретики православным, – то почему же он не является в славе, по вашим ожиданиям?» По еврейскому летосчислению шел тогда 5252 год, и это был серьезный аргумент в пользу учения жидовствующих.

Иосиф Волоцкий, основатель монастыря со строгим уставом, стал главным борцом с ересью. Из его посланий можно понять, в каком состоянии было тогда всеобщее брожение умов. Он писал: «С того времени, как солнце православия воссияло в земле нашей, у нас никогда не бывало такой ереси: в домах, на дорогах, на рынке все, иноки и миряне, с сомнением рассуждают о вере, основываясь не на учении пророков, апостолов и святых отцов, а на словах еретиков, отступников Христа; с ними дружат, пьют и едят и учатся у них жидовству. А от митрополита – сосуда сатаны и дьявола – еретики не выходят из дома и спят у него».

Иосиф Волоцкий требовал, чтобы священники отказались от всякого общения с митрополитом Зосимой, не приходили к нему и не принимали у него благословения, потому что

Зосима – «скверный, злобесный волк в пастырской одежде» – защищал еретиков. Говорили, что в нетрезвом виде Зосима высказывал порой еретические суждения о том, что Христос сам себя назвал Богом, церковные уставы – это вздор, а иконы и кресты – просто «болваны». «Что такое царство небесное, что такое второе пришествие, что такое воскресение мертвых? – говорил он. – Ничего этого нет: кто умер, тот умер, и только; дотоле и был, пока жил на свете». В 1494 году Зосима, заподозренный в ереси, отрекся от митрополии «по немощи своей», но в летописях об этом сказано иначе: Зосима был удален за страсть к вину и нерадение о церкви.

Удаление Зосимы не помешало еретикам в Москве. Более того, они добились назначения архимандритом в новгородский Юрьев монастырь монаха Кассиана, который тоже держался ереси. Это было сделано стараниями всеильного дьяка Федора Курицына. Кассиан собрал вокруг себя новгородских еретиков, и в кельях его монастыря они сходились на тайные свои собрания. Но архиепископ Новгорода Геннадий нашел их и там; некоторые из них бежали в Литву и к немцам, где окончательно перешли в иудаизм.

Невестка великого князя Елена была на стороне еретиков, ее поддерживали могущественные сановники, а Иван III торжественно провозгласил Дмитрия, сына Елены, наследником великокняжеского престола. Кто знает, что могло бы случиться в русском государстве, если бы Дмитрий стал великим князем, а вокруг него сгруппировались люди, придерживавшиеся «ереси жидовствующих»? Об этом немало писали и говорили в России. Это напугало в свое время и церковь, и правителей. Существует даже предположение, что резко отрицательное отношение к иудаизму и к евреям в Московской Руси началось именно тогда, в период борьбы с жидовствующими.

Но всё обошлось в Московском государстве. Торжество Елены и ее приверженцев было непродолжительным. Влиятельного дьяка Федора Курицына не было уже в живых. Иван III из-за семейных неурядиц охладил к невестке Елене, заключил ее с сыном в темницу и назначил в 1502 году наследником своего сына Василия. Вместе с этим пришел конец влиянию жидовствующих при дворе великого князя.

4

Нового наследника Василия поддерживал Иосиф Волоцкий, который требовал от Ивана III крутых мер против еретиков. Тот признавался, что «ведал новгородскую ересь, которую держал Алексей протопоп и которую держал Федор Курицын»; знал великий князь, что его невестку совратили в жидовство, но долго колебался, не грешно ли еретиков предавать казни. Историк Н. Карамзин отметил: «Великий князь говорил, что надобно истреблять разврат, но без казни, противной духу Христианства; иногда, выводимый из терпения, приказывал Иосифу умолкнуть, иногда обещал ему подумать и не мог решиться на жестокие средства...»

Наконец Иван III покался, попросил Иосифа Волоцкого простить его прегрешения, на что тот ответил: «Государь, подвинься только на нынешних еретиков, а за прежних тебе Бог простит». В конце 1504 года был созван церковный собор, на котором Иосиф Волоцкий был обвинителем; собор постановил предать смерти главных еретиков. Некоторые из них объявили, что раскаиваются, но их раскаяние не было принято: Иосиф Волоцкий отклонил его под тем предлогом, что раскаяние, вынуждаемое страхом казни, не может быть искренним.

27 декабря 1504 года в Москве в деревянных клетках всенародно были сожжены дьяк Иван Волк Курицын, Дмитрий Коноплев и Иван Максимов. В Новгороде сожгли архимандрита Кассиана, Некраса Рукавого и других. Многих отправили в заточение по тюрьмам и монастырям; всех еретиков предали церковному проклятию, и даже через два столетия

после этого ежегодно предавались анафеме Кассиан, Курицын, Рукавый, Коноплев и Максимов «со всеми их поборниками и соумышленниками».

Результатом борьбы с жидовствующими стала более жесткая политика по отношению к евреям. На еврея смотрели как на антихриста, его считали колдуном, чернокнижником и совратителем, перед ним испытывали суеверный страх. Изредка купцы-евреи еще приезжали из Литвы и Польши; они «ходили с товарами» через Смоленск и Новгород, путь был небезопасен, порой жители грабили проезжих, да и в Москве к ним относились враждебно и могли отобрать товары.

Затем царем стал Иван IV – Иван Грозный, который не впускал евреев в Москву даже на время. Польский король Сигизмунд Август II писал ему: «Ты не впускаешь наших купцов-евреев с товарами в твое государство, а некоторых велел задержать и товары их забрать... А между тем в наших мирных грамотах написано, что наши купцы могут ездить с товарами в твою Московскую землю, а твои в наши земли, – что мы с нашей стороны твердо соблюдаем».

На это Иван Грозный ответил в 1550 году: «Мы тебе неоднократно писали о том раньше, извещая тебя о лихих делах от жидов, как они наших людей от христианства отводили, отравные зелья в наше государство привозили и многие пакости людям нашим делали... Мы никак не можем велеть жидам ездить в наше государство, ибо не хотим здесь видеть никакого лиха, а хотим, чтобы Бог дал моим людям в моем государстве жить в тишине без всякого смущения. А тебе, брат наш, не следует впредь писать нам о жидях».

Иностранец, побывавший в России, сообщал об Иване Грозном: «Как ни был он жесток и неистов, однако же не преследовал и не ненавидел за веру никого, кроме жидов, которые не хотели креститься и исповедовать Христа: их он либо сжигал живьем, либо вешал и бросал в воду». В 1563 году Иван Грозный завоевал Полоцк. Евреям этого города было предложено креститься, а отказавшихся – вместе с детьми и женами – утопили зимой в реке: прорубили лед и бросили всех в воду – около трехсот человек. Записано в хрониках: «Всех жидов, которые не захотели принять святое крещение, велел (царь Московский) утопить в славной реке Двине». Подобная судьба постигла и евреев других завоеванных городов и крепостей; спаслись лишь немногие, согласившиеся креститься по православному обряду.

Через восемь лет после этого смоленский купец Василий Позняков участвовал в московском посольстве на Ближний Восток и вел путевые записи. Александрийский патриарх спросил его: «Есть ли в вашей земле... жидове, и бусормане, еретицы... и протчая их проклятая вера – ересь?» Позняков ответил: «Никако, владыко. У нашего государя в царстве жилища им нет. Жидам государь и торговать не велит, и впускать в свою землю».

«Ересь жидовствующих» не проявлялась открыто в России до середины восемнадцатого века, когда неожиданно была обнаружена властями. До сих пор в русском народе существуют различные секты иудействующих, сторонники которых уверяют, что веру свою «исповедуют издревле», якобы с пятнадцатого века, – но доказать это теперь невозможно.

5

В 1490 году, в самый разгар «ереси жидовствующих», приехал в Москву на постоянное жительство еврей из Венеции. Звали его Леон, или – Мистро Леон, Жидовин; это был первый врач, приехавший в Россию из Европы, который стал лейб-медиком великого князя Ивана III. Когда заболел старший сын великого князя Иоанн (муж Елены и отец Дмитрия), Леон вызвался его лечить, жизнью своей ручаясь за успех.

«И князь великий велел ему лечить сына своего князя Ивана, – записано в русской летописи за 1490 год. – Лекарь же дал ему зелие пить и жечь начал скляницами по телу, вливая горячую воду. И от того стало ему тяжче и умер. И того лекаря Мистра Леона велел

великий князь поймать и казнить его смертною казнью, голову ссечи; они же отсекли ему голову на Болвановке апреля двадцать второго».

Из этой записи следует, что лекарь Леон Жидовин практиковал в России несколько месяцев, затем ему отрубили голову в Москве. Как отметил исследователь, «тогда верили в непогрешимость медицины и в плохих результатах лечения усматривали вину одного только врача».

Сохранилось еврейское сказание о событиях в Полоцке в 1563 году:

«Была лютая зима. Московский царь Иван Грозный завоевал Полоцк и повелел всех евреев с их женами и детьми – всех до единого! – согнать к берегу реки Двины, неподалеку от княжеского замка. Собрали всех евреев, их жен и детей, числом три тысячи, и поставили у реки Двины, как приказал царь. И лишь двое детей – мальчик, сын одного коэна, и девочка, дочь коэна, – во время суматохи были позабыты и не приведены к реке.

И приказал Иван Грозный поставить всех евреев на лед реки и затем разрубить лед. И были все потоплены, числом три тысячи. Спаслись только те двое детей, которых Иван Грозный затем пощадил; их приютили добрые люди. Выросли они и поженились, получив прозвище Бар-Коэн – Баркан. От них пошла новая община и фамилия Баркан». Еще в начале двадцатого века в память того трагического события члены погребального братства в Полоцке постились ежегодно в определенный день и устраивали богослужение на старом кладбище, в нескольких километрах от города, где, по преданию, были похоронены всплывшие тела мучеников 1563 года.

Распространение «ереси жидовствующих» сопровождалось появлением книг еврейских философов по логике, астрономии и другим наукам. Эти книги переводили с иврита на древнерусский язык, в основном для того, чтобы доказать правильность еврейского летосчисления и исторической традиции в сравнении с византийской.

Были переведены «Слова логики» Маймонида, «Тайная тайных» – указания для управления государством, книга по астрономии «Шестокрыл» Иммануэля бен Якова Бонфиса, астрологическая книга «Лопаточник», а также «Логика Авиасафа» мусульманского философа одиннадцатого века ал-Газали, тоже переведенная жидовствующими с иврита. Переводились на древнерусский язык Книга Даниила и апокрифическая Книга Хануха, Песнь песней и другие книги Библии. Имелся у жидовствующих даже сборник еврейских праздничных молитв, так называемый «Псалтырь Федора Жидовина», который перевел крещеный еврей Федор из Литвы.

У православного духовенства не было этих книг, и им было трудно спорить с еретиками. Не случайно новгородский архиепископ Геннадий просил прислать ему много книг по списку, которые «имеются у еретиков». Он же поручил переводчику посольского приказа Дмитрию Герасимову – «Мите Малому, толмачу латынскому» – перевести Библию, чтобы обличать со знанием «ересь жидовствующих». И в 1499 году – благодаря архиепископу Геннадию – появилась первая в мире полная Библия на славянском языке, названная Геннадиевской.

В 1517 году объявился некий «жидовин, волхв, чародей и прелестник» Исаак, который совращал православных, – снова был созван церковный собор, и опять казнили еретиков. (Возможно, Исаак не был евреем; словом «жидовин» называли иногда и отступников от веры. К примеру, одного русского монаха именовали «Аврамко-жидовин, чернец лживый».)

В шестнадцатом веке выдвинулся при дворе Ивана Грозного Матвей Башкин, выходец из мелкопоместных «детей боярских». Башкин собрал кружок вольнодумцев, под влиянием протестантизма и «ереси жидовствующих» отвергал Святую Троицу, считал Христа только человеком, отрицал почитание икон и церковное покаяние. По решению собора Башкина заточили в Волоколамский монастырь, дальнейшая его судьба неизвестна.

С 1551 года монах Феодосий Косой начал проповедовать учение, отрицавшее божественное происхождение Христа и основные догматы христианства. Был арестован, бежал из Москвы в Литву, принял иудаизм и женился на еврейке. Православная церковь предала анафеме Феодосия Косого и его учеников.

Очерк восьмой

Еврейское самоуправление в Польше и Литве. Кагал. Ваад. Суды. Религиозные авторитеты польских евреев

В еврейских общинах сурово карали за слухи, оскорбительные для женской чести. Запрещали есть хлеб клеветника, пить его вино, хоронили его без религиозных обрядов – «как осла». Если кто-либо составлял песню оскорбительного содержания, его обязывали произнести в синагоге такую фразу: «Составленная мною песня равноценна собачьему лаю».

1

В польских и литовских городах еврейское население селилось в изолированных кварталах, и были на то особые причины. Во-первых, евреи считались сначала лишь королевскими подданными и могли размещаться только на королевской территории. Во-вторых, существовало церковное законодательство, которое требовало, чтобы они жили обособленно. Да и сами евреи стремились жить отдельно, избегая излишних конфликтов с христианским населением, соблюдая без помех свои законы и обычаи.

Жизнью общины руководила автономная организация – кагал (в переводе с иврита – «общество, община»). Кагал был в каждом городе, где существовала еврейская община, отвечал перед правительством и перед христианским населением за всех ее обитателей. Кагал платил налоги, вершил суд в тяжбах еврея против еврея, регулировал внутреннюю жизнь общины.

Поистине не было таких дел, которыми бы не занимался кагал: надзор за синагогами, снабжение религиозными книгами, уход за больными, содержание кладбищ, забота о чистоте, надзор за ценами, наблюдение за нравственностью, наем фельдшеров, повитух и аптекарей, сторожей и ночных караульчиков, – любая проблема, любой частный случай, требовавший вмешательства, рассматривался в кагальных учреждениях для принятия решения. В Опатове, к примеру, некий домовладелец сделал пристройку в нижнем этаже, загородив часть улицы, а кагал оштрафовал его «за вред, нанесенный обществу», и обязал снести эту пристройку.

Во главе каждой еврейской общины стояли старшины, от трех до пяти человек; после избрания они присягали на верность королю и государству. Это старшины чередовались между собой, каждый месяц один из них становился главой общины; его называли «парнас» или «парнас га-ходеш» – то есть «парнас на месяц». (От того же корня происходит слово «парнаса» – заработок; глагол от того же корня означает – заботиться о чем-нибудь, давать пропитание, кормить, снабжать.)

Очередной кагальный старшина во время своего правления был «господином и владыкой общины»: он составлял бюджет, уплачивал кагальные долги, утверждал список семейств, которым разрешалось проживать в данном месте, подписывал общественные счета. При вступлении в должность он приносил торжественную клятву, что будет строго соблюдать кагальный устав и не позволит себе никаких отступлений. Эта должность бывала порой и опасной, во времена войн и нашествий, когда вступавшие в город войска требовали у старшин денег, провианта, одежды и проводников, а те не могли удовлетворить их требования.

Все конкретные дела в общине находились в ведении различных комиссий. Контрольная комиссия проверяла кагалные счета. Судебная коллегия разбирала тяжбы между евреями. Школьный отдел инспектировал школы и контролировал учителей. Благотворительная комиссия заботилась о бедняках, контролировала погребальное братство, приют для бездомных и больницу, следила за чистотой миквы – бассейна для ритуального омовения, выдавала замуж бедных невест, доставляла свечи в иешиву и многое другое. Торговый и санитарный отделы следили за правильностью мер и весов, за чистотой улиц и колодцев в еврейском квартале, за ночной стражей и за привратниками, наблюдали, чтобы масло, сыр и вино изготавливали в соответствии с еврейскими законами о кашруте, вели надзор за убоем скота и продажей мяса, требовали, чтобы никто не выливал помой на улицу и чтобы «музыканты не играли громко по ночам».

Особый отдел занимался выкупом пленников: в те времена, в основном, выкупали у татар. Сборщики пожертвований на Святую Землю собирали деньги для евреев в Эрец Израэль. Были еще комиссии по борьбе с роскошью, для наблюдения за нравственностью, для выдачи приданого бедным невестам и многие другие – в зависимости от размеров и нужд данной общины. Все должности в этих комиссиях были почетными, никому не платили за это жалованья, но каждый стремился попасть в одну из комиссий. Выборы проходили ежегодно, и в документах города Кракова указано, что должны быть избираемы «люди разумные и добропорядочные, достойные, зажиточные и зрелого возраста».

Духовным главой общины был раввин. Он назначался обычно на шестилетний срок, а в случае продления договора – еще на четыре года. Раввин подписывал решения кагала, руководил выборами, председательствовал на еврейском суде, совершал свадебные обряды, налагал отлучения от общины, следил за школьным обучением. Раввин получал жалованье, бесплатную квартиру, особое вознаграждение за проповеди в дни праздников, за совершение брачного обряда и за развод. Раввины часто меняли общины, даже прославленные ученые того времени переезжали с места на место по истечении срока службы.

В крупных городах вместе с раввином назначался глава иешивы. Помощник раввина – общественный проповедник (даршан) – читал и объяснял по субботам Священное Писание. При синагоге был общественный кантор. «Шойхет» – резник. «Моэль», совершавший обрезание новорожденным мальчикам. Был писарь еврейского суда, а также мелкие кагалные чиновники, которые обслуживали школу, синагогу, кладбище, вызывали стороны в суд, вручали повестки, объявляли об очередном деле. Все эти люди получали жалованье; на жалованье были и врачи, аптекари, общинные акушерки, цирюльники, лица, присматривающие за нищими в приюте для бездомных, и другие.

Были в общинах и особые уполномоченные – «штадланы», которые хорошо знали польский язык и служили посредниками между еврейской общиной и христианами. По кагалному уставу штадлан «призван к тому, чтобы являться в чертоги владык; он должен геройски выполнять возложенные на него поручения, совершать всё быстро, ходить туда, куда пошлет его кагал, например к иезуитам, в кафедральный собор... и устранять перед детьми Израиля каждый камень преткновения».

Кроме жалованья общинным служащим кагал выплачивал всевозможные налоги, количество которых постоянно увеличивалось. В середине шестнадцатого века был введен ежегодный налог «с головы еврея, как с мужчин, так и с женщин, детей и слуг». Был еще коронационный налог. Налог на содержание королевского двора. Налог с еврейской территории. Налог за право пользоваться синагогами и кладбищами и за право занимать какой-либо кагалный пост. Налог на слуг, находившихся в услужении у евреев. Сборы с еврейских лавок, ремесел и товаров. Налог натурой в королевскую казну – перцем, шафраном, дичью, задними частями туш и прочим. Налог с напитков. Дорожный налог, ярмарочный, за переезд через мосты, с убоя скота, с волов и баранов, отправляемых на продажу.

Был даже налог «козубалец» – в пользу школяров-иезуитов – со всякого еврея, который проезжал мимо костела или церковной школы. А также городские налоги: с домов и площадей на территории города, на содержание стражи и полиции, за право торговли и прочее. И были чрезвычайные налоги на военные нужды.

Кроме обязательных налогов существовали всевозможные поборы, которые невозможно было заранее планировать: расходы на подарки воеводам, владельцам городов, их служащим, духовным лицам, писарям, депутатам сеймов и сеймиков, музыкантам воеводы, палачу и даже «гицелю» – истребителю собак. Платили вымогателям, чтобы они не возбуждали ложные обвинения, например, обвинение в употреблении христианской крови: проще было откупиться от такого человека, но не доводить дело до суда, результаты которого могли привести к трагедиям. В Опатове платили «кантору костела, чтобы он не расхаживал по еврейской улице», не подстрекал толпу к нападению на евреев. Платили некоему пану Лисовскому из Кракова, у которого были полномочия «чинить все возможные на свете притеснения и задерживать мужчин, женщин и детей». Краковский воевода прислал приказ, чтобы евреи сделали ему «большое подношение», а староста в Виннице наложил на кагал крупную дань, объясняя это тем, что «евреи распяли Христа».

До середины семнадцатого века кагалы Польши и Литвы более или менее справлялись с выплатой всех этих налогов и поборов. В каждой общине была специальная комиссия, которая определяла, кому сколько платить. Старшины и члены кагалных комиссий обязаны были первыми уплачивать налоги, а за неуплату подвергали различным наказаниям вплоть до отлучения от общины.

2

В Польше и Литве существовала ступенчатая система еврейского самоуправления. Община с ее кагалом. Округи с окружными сеймиками. И общий еврейский сейм – Ваад (в переводе с иврита – «комитет»), на котором решали межобщинные проблемы. Сначала депутаты Польши и Литвы съезжались на общий Ваад, но в 1623 году произошло разделение. Литовские евреи организовали самостоятельный центральный Ваад Литвы, куда входили представители кагалов Вильно, Бреста, Гродно, Слуцка и Пинска. Общины Великой Польши, Малой Польши, Червонной Руси и Волыни образовали «Ваад четырех земель», или «Ваад евреев Короны».

Ваад польских евреев собирался два раза в году во время больших ярмарок в Люблине и Ярославле, и на него съезжались делегаты из округов. Каждый округ составлял наказ для своих депутатов – не допускать повышения старых налогов и введения новых для своего округа. Община того города, в котором происходило очередное заседание Ваада, должна была позаботиться о безопасности депутатов, чтобы можно было «заседать там в спокойствии, мире и безопасности».

Депутаты Ваада избирали исполнительный орган, который выполнял свои обязанности круглый год. В него входили «парнас» Ваада, казначей и несколько секретарей. «Парнас» Ваада – это был высший административный пост, которого мог достигнуть еврей в Польше, на него выбирали влиятельных людей, чаще всего «парнаса» одного из округов или главу крупной общины. Ваад был ответствен перед польским правительством за выплату налога со всех евреев, проживавших на территории Польши и Литвы. Правительство ежегодно назначало определенную сумму, и Ваад обязан был внести ее в государственную казну. Эта сумма временами увеличивалась, временами уменьшалась – в зависимости от нужд королевства; были общины, которые не могли уплатить свою долю из-за неблагоприятных условий, но правительство это не интересовало. В любом случае Ваад обязан был заплатить всё сполна.

Для этой цели рассылали по стране особых уполномоченных, «людей благонравных, богобоязненных, правдивых и бескорыстных, людей мудрых и известных, одного от каждой главной общины – с тем, чтобы они объехали всю страну вдоль и поперек», исследовали экономическое состояние еврейского населения и установили для каждого округа сумму налогового обложения, чтобы никто не мог уклониться от своей доли в выплате общего налога. Ваад запрещал уполномоченным принимать какие-либо подарки, напутствуя их такими словами: «Итак, да предшествует им правда, чтобы творили они суд справедливый и чтобы поступали благоразумно повсюду, куда ни пойдут».

Практически не было ни одной серьезной еврейской проблемы тех времен, которой бы не занимался Ваад. На одном из съездов депутаты пожаловались на плохой шрифт учебников и Талмуда, от которого у молодежи портятся глаза, и Ваад тут же постановил «выровнять дорогу, очистить путь от камней, укрепить древо жизни» (то есть печатать хорошо и исправно). Постановления Ваада подробно регламентировали одежду, увеселения евреев и правила скромности, чтобы не вызывать зависти у окрестного населения. С постепенным всеобщим обнищанием постановления против роскоши становились всё суровее, чтобы сохранить платежеспособность общин. Многие предметы обихода совершенно исключали из пользования – золотые украшения, жемчуг на шляпах, шелковые и бархатные платья, шубы из куницы. Не пользовалась снисхождением «ни одна еврейская душа – ни мужчина, ни женщина, ни богатый, ни бедный, ни юноша, ни девица».

Особенно следили за нравственностью и запрещали еврейским женщинам – разносчицам товаров ходить в одиночку и даже группами по помещичьим усадьбам и монастырским дворам. Разносчицу должны были сопровождать два еврея, один из которых, ее муж, обязан был находиться при ней неотлучно. Запрещали отдавать нееврею в качестве залога жену, сына или дочь. Сохранилась запись в документах Ваада о некоем Якове из Клецка: «Ворон жалеет детей, а этот человек не пожалел. Как только он передал свою дочь за долг пану, мы его тотчас же отлучили при звуках труб и тушении свечей и постановили, чтобы то же самое сделали во всех синагогах области и чтобы преследовали его до последней крайности».

Евреи были пришельцами из других стран, они жили в окружении, чаще всего к ним не расположенном, и Ваад следил за тем, чтобы не возникали напряженные отношения с местным населением. Первый литовский Ваад вынес, к примеру, такое постановление: «Если еврей берет деньги или товар у пана или купца нееврея, то в случае, когда можно предположить, что этот еврей имеет нечестные намерения, руководители общины обязаны предупредить об этом нееврея».

Чтобы не навлекать нарекания со стороны христиан, Ваад ввел в 1580 году ограничительные законы, запрещавшие евреям заниматься откупам государственных пошлин и податей. Было указано, что нарушившего это постановление «должна постигнуть следующая кара: да будет он отлучен и отвержен в обоих мирах (этом и будущем), да будет устранен и отделен от всякой святыни израильской, его хлеб будет считаться хлебом язычника, его вино – оскверненным, его мясо – тrefным, его супружеский союз – прелюбодеянием; хоронить его следует как осла (без религиозных обрядов), и ни один раввин или иное духовное лицо не должны сочетать браком его сыновей или дочерей; никто не должен родниться с ним...пока он не свернет со своего дурного пути и не подчинится приказаниям учителей». Но этот ограничительный закон не всегда соблюдали.

Ваад заботился также о девушках-бесприданницах, которые нанимались в домашнюю прислугу. Их годовое жалованье – 10 злотых – выплачивалось казначею общины, а тот берег эти деньги до дня свадьбы. Когда девушке исполнялось пятнадцать лет, община выдавала ее замуж и выплачивала дополнительно 25 злотых из общественного фонда. Каждый большой город обязан был ежегодно выдать замуж определенное количество девушек-бесприданниц.

На Брест-Литовск приходилось в году 12 таких свадеб, на Гродно – 10, на Пинск – 8. Не забывали и про евреев, что жили в Святой Земле, и в самые трудные времена посылали им часть своих скудных средств. В одном из постановлений литовского Ваада сказано: «Выдать благочестивому Иосифу Лейзеровичу, жителю Бреста, (деньги) на поездку в Эрец Исраэль и ежегодно отправлять ему туда 40 талеров».

Чтобы защитить свои материальные интересы, Ваад Литвы установил жесткие правила для въезда в Литву евреев из других стран, а для контроля за этим назначал в пограничные области специальных сторожей. За каждого нового пришельца должен был поручиться его родственник из Литвы, чтобы при необходимости он мог оказать тому материальную поддержку. Приезжим меламедам – учителям разрешали оставаться в стране не более двух лет, чтобы не отбивать доход у местных учителей, а бездомных бродяг, «наводняющих литовско-белорусские общины, занимающихся темными делами и отягчающих страну, жадно поедая ее добро», вообще не пускали в общины.

Но когда на евреев Украины обрушились бедствия времен хмельничины, были позабыты все ограничительные постановления Ваада. Беглецов из пострадавших районов распределяли по литовским общинам, им выдавали еженедельное пособие; своими постановлениями Ваад пытался облегчить жизнь несчастным скитальцам, которые «слоняются босыми и нагими, не имея чем прикрыться и во что одеться... Число их всё более увеличивается: они прибывают сотнями и тысячами; потрясенные бедствием, они с воплями и рыданием взывают о милосердии и помощи; кто слышит это, у того сердце сжимается от боли. Видя их горе великое, прониклись мы состраданием и решили взять их под попечение наше».

Особое постановление Ваада относилось к детям-беженцам, мальчикам и девочкам: «Во всякой общине, куда они прибудут, следует назначить человека для опроса об их именах и фамилиях, о местах, откуда они прибыли, и всё это должно быть записано в книге общины во избежание – не дай Бог! – брака между братом и сестрой».

3

Еврейские общины Польши и Литвы имели собственные автономные суды, которые разбирали все внутренние дела. Королевская привилегия указывала: «Тяжбы между одним евреем и другим не должен разбирать никто, кроме их же старшин, и только в том случае, если они не могут разобрать дело, оно переходит в ведение воеводы». Во главе суда каждой общины стоял раввин, при нем были, как минимум, двое судей. Судьи избирались одновременно с членами кагальных комиссий; должность судьи была почетной, и вознаграждение он получал лишь за некоторые свои обязанности. Судейские коллегии заседали в одном и том же месте, в определенные часы. Всякий обязан был явиться в суд по вызову под угрозой отлучения от общины и заочного решения дела. Решения суда записывались тут же, немедленно.

В Кракове, к примеру, существовали три коллегии суда: высшая, средняя и низшая. Высшей коллегии подлежали гражданские дела на сумму более 100 польских злотых, средней коллегии – от 10 до 100 злотых, а низшей коллегии – дела на сумму до 10 злотых, мелкие дела о клевете, обмане, споры между продавцами на рынке и дела о товарах, отпущенных в кредит. Доказательством служила присяга и свидетельские показания. Иногда присяга принималась у ворот синагоги, но в более серьезных случаях – в самой синагоге перед свитком Торы.

Суд выносил решение в течение двух дней, по сложным делам – максимум через пять дней, и если судьи задерживались с решением, кагальный старшина мог их оштрафовать. Стороны выступали перед судьями лично. Вдовы, сироты и лица, которые по какой-либо причине не могли вести свое дело, получали особого поверенного, который защищал их

интересы. Судебные прения велись на разговорном языке – идише, протокол же записывали на иврите, и на нем излагали судебные решения. Штраф, который налагали на виновных, шел на ремонт местной синагоги.

Существовали и ярмарочные, выездные суды из ближайших крупных городов. На ярмарки съезжались торговцы, там возникали всевозможные проблемы купли-продажи-кредита, которые разбирал на месте ярмарочный суд. Во время заседаний Ваада на ярмарках собирался также съезд главных раввинов, который считался верховным судом и разбирал споры между различными общинами. Решения этого суда подписывал «парнас» центрального Ваада, и тогда они получали законную силу. В большинстве случаев еврейский суд наказывал денежным штрафом, хотя мог применить и телесное наказание, а также подвергнуть виновного тюремному заключению на срок до трех месяцев, – во Львове камера для заключенных находилась при местной синагоге. По королевским привилегиям еврейские суды имели право выносить смертные приговоры, но такие случаи в Польше и Литве неизвестны.

Еврейские суды разрешали дела по законам Талмуда и по кодексам предписаний таких авторитетов, как Рамбам (Маймонид), рабби Яков бен Ашер, рабби Йосеф Каро и рабби Моше Иссерлес. Но бывали сложные ситуации, когда местные суды затруднялись вынести решение, бывали случаи, когда стороны не соглашались с решением своего суда, и тогда начиналась переписка между общинами. Местный раввин излагал письменно доводы сторон и посылал их самым авторитетным раввинам, иногда даже в другие страны, – из Польши, к примеру, обращались в Чехию, а то и в Италию, – и дело разрешалось в соответствии с поступавшими от них ответами. Такие письма с изложением решений или мнений по проблеме еврейского законодательства называются на иврите «шейлот утшувот» – вопросы и ответы (по латыни – «респонсы»).

Особо серьезно еврейские суды рассматривали обвинения в клевете. Самые авторитетные раввины Польши занимались этими делами, и наказания за клевету назначались суровые. Клеветник должен был встать в синагоге в черном облачении, с двумя черными свечами в руках и заявить во всеуслышание: «Я согрешил перед Богом Израиля и против чести такого-то лица... Всё то, что я говорил или писал о таком-то лице, сплошная ложь и выдумка. За это я заслужил тяжкое телесное наказание, но суд сжалился надо мной и заменил его выкупом». Затем виновный в течение месяца сидел в синагоге за дверью, исполнял траурные обряды и выплачивал пострадавшему выкуп, который тот жертвовал на дела благотворительности.

Еще суровее карали за слухи, оскорбительные для женской чести. В таких случаях запрещали есть хлеб клеветника, пить его вино, хоронили его без религиозных обрядов – «как осла». Бывали случаи, когда кто-либо составлял песню оскорбительного содержания, и тогда раввины обязывали этого человека произнести в синагоге, при всех, такую фразу: «Составленная мною песня равноценна собачьему лаю».

В шестнадцатом веке в Калише возбудили обвинение против синагогального служителя, который будто бы издевался над христианской религией. Власти потребовали, чтобы община отдала его на суд воеводе, и грозили в случае послушания наказать всех поголовно. Такой сложный вопрос местная община не могла решить самостоятельно и обратилась за советом к видным раввинам, чтобы те указали, следует ли всем жертвовать собой ради одного. Раввины решили вопрос на основании Талмуда, где сказано: «Когда насильники встречаются на дороге группу путешественников и требуют у них выдать им одного, чтобы его убить, угрожая в противном случае убить всех, путешественники обязаны умереть все вместе, но не выдать еврейскую душу».

Из этого правила делалось одно исключение: если насильники требуют выдачи определенного лица, которое на самом деле заслуживает смертной казни. С этой точки зрения

раввины и рассматривали данный случай: действительно ли виновен синагогальный служитель или же его оклеветали. В конце концов, они пришли к такому заключению: «Пусть ухудшится наше положение в стране, но мы не дадим на поругание и издевательство невинную душу».

4

В конце пятнадцатого века центр еврейской духовной жизни переместился постепенно на восток, к немецко-польскому еврейству. Первые центры талмудической учености в Польше были основаны выходцами из Германии и Чехии, одним из них был рабби Яков Поллак. Он учился в Германии, был раввином в Праге, затем переехал в Краков и основал там школу для изучения Талмуда. В 1503 году польский король Александр назначил рабби Поллака раввином Малой Польши, дал ему право разбирать споры между евреями, карать преступления и исправлять нравы. Рабби Яков Поллак знаменит тем, что применял в своей школе метод изучения Талмуда, который называется «пилпул»: именно этот метод способствовал развитию раввинской учености в Польше.

Слово «пилпул» образовано от существительного «пилпель» – в переводе с иврита «перец», и от глагола того же корня – «приправлять пряностями». Отсюда и «пилпул» – острый спор, остроумные доводы и контрдоводы спорящих. Этот метод применялся издавна в талмудических школах; были у него свои сторонники, но были и противники, которые считали так: чем остроумнее аргументы, тем легче они могут привести к ложным выводам, ибо «мудрствующий человек часто бывает легкомыслен».

Рабби Яков Поллак развил этот метод преподавания Талмуда. Характерная его черта – тонкий анализ, умение при помощи изощренных построений сблизить самые отдаленные понятия. Например, приводили какое-нибудь талмудическое положение, в нем отыскивали противоречия, его оспаривали различными цитатами из Талмуда, приводили множество относящихся к этому комментариев, а когда вопрос казался уже неразрешимым, опытный учитель или ученик разрешал его самым неожиданным образом, разрушая им же самим созданный лабиринт противоречий. Такой метод преподавания развивал у учеников гибкость мышления, и иешива рабби Поллака приобрела известность по всей Европе. Если раньше юноши уезжали из Польши в Германию для продолжения обучения, то теперь уже из Германии ехали учиться в Польшу.

Рабби Яков Поллак воспитал в иешиве много учеников, среди которых самый выдающийся – рабби Шалом Шахна. Он пользовался исключительным авторитетом среди раввинов своего времени, основал иешиву, куда стекались «со всех концов мира», и воспитал своих учеников, лучшим среди которых был рабби Моше Иссерлес – Рамо. Рабби Моше Иссерлес тоже основал иешиву, куда съезжались юноши изучать Талмуд, и такая преемственность – от учителя к ученику, от ученика к его ученику – способствовала тому, что в Польше и Литве в те времена было много ученых, пользовавшихся всеобщим авторитетом. Это рабби Шломо Лурье, рабби Авраам Горовиц, рабби Мордехай Яффе, рабби Шмуэль Эйдельс, рабби Меир из Люблина, рабби Шабтай Коэн и многие другие.

Рабби Моше Иссерлес прославился главным образом как автор многочисленных респонсов и как комментатор кодекса законов «Шулхан арух». «Шулхан арух» («Накрытый стол») написал в Эрец Исраэль рабби Йосеф Каро. Этот составленный в виде кратких предписаний полный свод еврейского религиозного и гражданского права состоит из четырех частей: законы о богослужении, субботе и праздниках; законы о пище, убое скота и домашнем обиходе; брак, разводное право; гражданское и уголовное право и судопроизводство. «Шулхан арух» получил широкое распространение во всех еврейских общинах мира. Рабби Йосеф Каро, сефардский еврей, как правило, учитывал обычаи сефардов и не вклю-

чил в книгу многие религиозные обычаи германо-польских евреев. Для того, чтобы «Шулхан арух» мог стать для них практическим руководством, рабби Моше Иссерлес снабдил кодекс Каро своими добавлениями и замечаниями, которые известны под названием «Мапа» – «Скатерть».

В 1578 году появилось в Кракове первое издание кодекса Каро-Иссерлеса; с этого момента ашкеназское еврейство стало принимать свод законов рабби Каро с добавлениями рабби Иссерлеса, отдавая предпочтение последнему, если существовало какое-либо расхождение между двумя авторитетами. Этот кодекс стал регламентировать образ жизни еврея Центральной и Восточной Европы, определяя каждый его шаг и каждый поступок. На первый план рабби Иссерлес выдвигал обычай: «никто не должен поступать вопреки обычаям», «нельзя отменять обычай», «таков обычай» – это было для него высшей инстанцией.

К рабби Иссерлесу постоянно обращались за решением спорных вопросов, его респонсами пользуются и теперь в необходимых случаях. Его личность была окружена легендами; синагогу в Кракове называли его именем, польские евреи ежегодно в день смерти рабби приходили на его могилу, которая цела по сей день. Надпись на могильной плите гласит: «От Моше (Рамбама) до Моше (Иссерлеса) не было равного Моше».

5

В шестнадцатом веке Шауль Валь из итальянского города Падуи переехал в Польшу и поселился в Брест-Литовске; там он разбогател и стал откупщиком. Известно, что король Стефан Баторий выдал ему привилегию на добычу соли и ее продажу по всей Литве, а Сигизмунд III наградил его почетным званием «королевский слуга». Он много помогал евреям Брест-Литовска и был их поверенным в переговорах с королем и с духовенством. С именем этого человека связана легенда о том, будто бы он, Шауль Валь, стал королем Польши на одну ночь.

Это случилось в 1587 году. В Польше было междоусобице. Незадолго до этого умер король Стефан Баторий, и паны собрались в Варшаве для избрания нового короля. Сразу же возникли разногласия. Одни хотели избрать эрцгерцога Максимилиана Австрийского; другие – шведского принца Сигизмунда; третья партия стояла за Федора, сына Ивана Грозного. В сейме ожесточенно спорили, кричали, ругались. И тогда – гласит предание – встал с места Николай Радзивилл и сказал: «Успокойтесь, господа, перестаньте спорить! Изберем королем Шауля». Вероятно, это была шутка, чтобы успокоить делегатов, и паны согласились разойтись по домам, избрав до утра, на одну только ночь, королем Польши Шауля Валья.

В другом варианте этой легенды сказано, что у панов не было выбора: по закону они обязаны были в тот же день выбрать нового короля, – вот они и избрали Шауля Валья на одну ночь, чтобы наутро продолжить свои споры. Как бы там ни было, но Шауль Валь, став королем, тут же велел занести в книги разные льготы евреям. На другое утро он пришел в сейм и уговорил всех избрать истинным королем принца шведского. Тот был избран и благополучно царствовал сорок шесть лет под именем Сигизмунда III.

Народная фантазия создала не одну легенду о Шауле Вале; в каждой из них он даровал в ту ночь евреям разные права, чтобы они жили счастливо и безбедно на польской земле. И многие еврейские дети, засыпая под эту историю, которую им рассказывали мама или бабушка, видели себя во сне польскими королями. И многие евреи – в тяжелые минуты жизни – утешались поговоркой тех времен: «Счастье так же непрочно, как и царствование Шауля Валья».

Еще одна история.

В первой половине семнадцатого века некий еврей Айзик построил за свой счет синагогу в Казимеже, и окрестные жители решили устроить погром. Среди евреев поднялась

паника, но местный раввин предложил выход из положения: отобрать группу мужчин, одеть их в погребальные саваны, дать в руки длинные жерди, горящие свечи и в таком виде поставить в полночь у кладбищенской ограды. При виде этих стражников погромщики решат, что мертвецы встали из могил, чтобы помочь своим братьям, и испугаются. И на самом деле, когда толпа подошла к еврейскому кварталу, увидела «мертвецов» в белых саванах, все с перепугу разбежались, и погром не состоялся.

С этой же синагогой связана и другая легенда о рабби Айзике, сыне рабби Иекеля. Однажды во сне ему было указано отправиться за сокровищем в Прагу и откопать его под мостом, который ведет к королевскому дворцу. Когда сон повторился трижды, рабби Айзик собрался в путь и отправился в Прагу. Но мост день и ночь охраняла стража, копать он не мог, тем не менее он приходил к мосту каждое утро и бродил возле него до вечера.

Наконец начальник стражи заметил его и спросил, не ищет ли он чего-нибудь. Рабби Айзик рассказал о сне, который привел его из Польши, и начальник стражи захохотал: «И ради этого ты притащился в такую даль? Да если бы я верил снам, мне пришлось бы отправиться в Краков, потому что во сне я получил указание пойти туда и копать под печкой в комнате у еврея Айзика, сына Иекеля. Да, так его звали: Айзик, сын Иекеля!» И он снова захохотал. Рабби Айзик поклонился ему, вернулся домой, откопал из-под печки сокровища и на эти деньги построил молитвенный дом, который по сей день стоит в Казимеже и называется «синагога Айзика».

Хасидский цадик рабби Буним любил рассказывать эту историю, добавляя после ее завершения: «Запомните: есть вещи, которых не найти нигде в мире, и всё же существует место, где их можно отыскать. Но для этого сначала следует «совершить путешествие в Прагу»...»

В начале шестнадцатого века литовский еврей Авраам Езофович брал на откуп таможенные доходы, арендовал монетный двор, стал подскарбием – министром финансов Великого княжества Литовского. Он был очень богат, владел имениями в Литве и однажды одолжил королю огромную по тем временам сумму – 10 000 червонцев; под залог король определил город Ковно и дворец в нем. Человек энергичный, Авраам Езофович сделал многое для улучшения финансового положения Литвы и, как писали историки, был «заметной величиной среди литовской служилой шляхты». Крестившись, Авраам Езофович получил от короля дворянство и герб с прибавкой к фамилии «Ястжембец». Его потомки дали род Абрамовичей, к которым и перешел этот герб, но в последующие века они тщательно скрывали свое еврейское происхождение.

Михель Езофович, брат Авраама, был одним из крупнейших откупщиков своего времени. В его ведении были города Брест, Могилев, Витебск, Гродно, Луцк, Минск, Владимир-Волынский, Новогрудок. Это был человек выдающейся предприимчивости и редкой деловитости, благодаря чему он и нажил огромное состояние. В 1514 году король Сигизмунд назначил Михеля Езофовича старшиной над всеми литовскими евреями – за его заслуги.

Авраам Езофович стал польским дворянином только после крещения, а его брат Михель получил дворянство, оставаясь правоверным евреем. В 1525 году король пожаловал ему дворянство и особый герб; это был

единственный случай в истории Польши – возведение верующего еврея в польское дворянство.

Еврейские женщины зачитывались книгой «Бове-майсес» – «Истории о Бове», наполненной всевозможными приключениями. В 1507 году Э. Б. Левита перевел ее в стихотворной форме с итальянского языка на идиш, взяв за основу роман времен крестовых походов про рыцаря Буово и обратив всех героев в евреев (русский перевод того же романа называется «Бова Королевич»). Слово «Бове» по звучанию похоже на «бобе» – на идише «бабушка». Отсюда и появилось популярное выражение «бобе-майсес» – «бабушкины сказки»: невероятные истории и небылицы.

В шестнадцатом веке Яков Ашкенази из Богемии составил книгу на языке идиш для еврейских женщин; самое старое ее издание, дошедшее до наших дней, увидело свет в 1622 году. Название этой книги – «Цеена у-реена», что означает на иврите «Выходите и посмотрите» (из «Песни песней»: «Выходите и посмотрите, дочери Сиона»). В книге пересказаны истории из Торы, отрывки из книг пророков, из свитков Рут, Эстер, Песни песней и других источников. Эта книга была чрезвычайно популярна среди женщин, выдержала более 200 изданий и выходит в свет по сей день.

Из рассказов о прошлых временах: «Когда нашей благочестивой прапрабабушке где-то там, на просторах старушки-Европы, удавалось выкроить хоть часок среди бесконечных хлопот по хозяйству, она усаживалась поудобнее в своем уголке – между детской колыбелью и печкой, открывала иллюстрированную гравюрами книгу «Цеена у-реена» и погружалась в чтение. Истрепанные за долгие годы страницы рассказывали ей о том, что происходило с народом израильским в давние времена...»

Была популярной среди евреев и книга «Ховот га-левавот» («Обязанности сердец») об этических нормах еврейской жизни. Ее написал в одиннадцатом веке рабейну Бахья из Испании; книгу неоднократно издавали на языке идиш. Автор «Ховот га-левавот» призывал читателя к развитию душевных устремлений, к проникновению в тайны Небес, в высшую мудрость, – такое доступно лишь истинным праведникам, способным «видеть без глаз, слышать без ушей, говорить без языка, ощущать без чувств и постигать без умозаключений».

Очерк девятый

Школьное обучение в Польше и Литве. Хедеры и иешивы. Свадебный обряд и семейная жизнь. Религиозные и благотворительные братства

«Сын человеческий, что же ты дремлешь?.. Вот подошла моя старость, не знаю дня смерти своей, и если не теперь, то когда сделаю что-нибудь для дома своего? Поэтому я решил написать завещание домочадцам...»

1

Школьное обучение мальчиков в Польше и Литве являлось неременной обязанностью родителей, опекунов и всей общины, и поэтому практически все евреи-мужчины умели читать и писать, отличаясь этим от окружающего населения, которое в массе своей было неграмотным.

«Шулхан арух», свод религиозных предписаний, так определяет обязательность обучения: «Каждый человек должен обучать своего сына Торе; если же отец не обучал сына, то сын (впоследствии) сам обязан учиться... Если отец не нанимает учителей для своего сына, то его принуждают к этому, а в случае необходимости забирают часть его имущества – для покрытия расходов по найму учителя. Начальные школы должны быть в каждом городе; если же где-нибудь их нет, то жителей этого города предают «херему» (отлучению), пока не пригласят учителя».

«Шулхан арух» определяет возраст обучения и его порядок: «С трех лет знакомят мальчика с буквами Торы, чтобы он научился ее читать. На шестом или на седьмом году мальчика отдают в учение к меламеду. Успевающего мальчика переводят от одного меламеда к другому, более сведущему в Танахе и грамматике... На двадцать пять мальчиков полагается один учитель; если же учащихся больше двадцати пяти и число их доходит до сорока, то к учителю следует приставить помощника».

Еврейские школы Польши и Литвы делились на два вида: хедеры и иешивы (ешиботы). Обучение в хедерах было обязательным для всех мальчиков от шести до тринадцати лет. Каждый учитель – меламед – мог открыть хедер и получать от родителей вознаграждение за свою работу; во всяком городе было такое количество хедеров, которые могли вместить всех учеников. Существовали хедеры для бедных детей и сирот, которые оплачивала община: эти школы называли «талмуд-тора». Дети учились в хедере с утра до вечера; только по пятницам и в первый день каждого месяца их отпускали домой пораньше, и выходя из школы, они прыгали «как телята по улицам города, поднимая ужасный шум».

Высшими учебными заведениями того времени были иешивы. Там изучали Талмуд и комментарии к нему, своды законов «Мишне Тора», «Шулхан арух» и другие. Туда поступали после хедеров самые способные юноши, в которых не было недостатка, и каждый отец не жалел средств, – если они у него, конечно, были, – чтобы его сын поступил в иешиву и стал ученым. В иешивах учились семестрами: был летний семестр, был зимний, а в промежутках каждый ученик имел право учиться там, где он хотел.

Иешивы существовали в тех общинах, где жили авторитетные раввины, и лишь в крупных городах – Львове, Кракове, Люблине – бывало по две-три иешивы. Они содержались за счет общин; учились там юноши старше тринадцати лет, пришедшие из хедера, но попада-

лись и взрослые, порой женатые люди. Иногда иешива имела собственное здание, но чаще она размещалась в одной из синагог города: поэтому в польских и русских документах синагогу обычно называли «школой». Учение начиналось с утренней молитвы, продолжалось весь день и затягивалось после перерыва до поздней ночи. Учились старательно, с воодушевлением и громко произносили слова текста, чтобы закрепить их в памяти.

Летописец семнадцатого века Натан Ганновер: «В каждой общине здесь существовали иешивы, и их главы – рош-иешивы – хорошо оплачивались, чтобы они могли без забот руководить этими школами и всецело отдаваться Торе... Каждая община содержала «бахурим» – юношей, чтобы они учились у рош-иешивы, а при каждом юноше – двух мальчиков, которых он обучал тому, что сам усвоил... В каждой семье столовались юноша и два мальчика или один юноша наравне с сыновьями хозяина. Хотя содержание юноше отпускалось общиной, тем не менее семья кормила его за свой счет и снабжала всем необходимым, а некоторые то же самое делали и по отношению к мальчикам, круглый год кормили троих. И почти не было дома во всей Польше, где не изучали бы Тору».

В промежутках между семестрами главы иешив и ученики уезжали на ярмарки – во Львов, Люблин, Заслав. Там каждый ученик мог заниматься с любым ученым по своему выбору; там же руководители иешив набирали себе способных и усердных учеников. «На каждую ярмарку, – сообщал Натан Ганновер, несколько завышая цифры, – приезжало несколько сот руководителей иешив, несколько тысяч юношей с десятками тысяч мальчиков-учеников. И торговцев бывало там несметное число, словно песок морской, ибо стекались сюда со всех концов света. И каждый, кто имел взрослого сына или дочь-невесту, приезжал на ярмарку, и всякий находил там себе пару. И на каждой ярмарке заключались сотни и тысячи помолвок».

2

Семейная жизнь евреев Польши и Литвы определялась законами Торы и обычаями, восходящими к далекой древности. Библейское благословение «плодитесь и размножайтесь» является обязательной религиозной заповедью для евреев, и законоучители смотрят на супружескую жизнь как на наиболее естественное и наиболее нравственное состояние: «Холостой человек живет без радости, без благословения и без счастья».

Законоучители советовали быть осторожным при выборе жены: «Торопись в покупке земли, но медли в выборе жены». Они не одобряли женитьбу ради богатства, советовали жениться на девушке из хорошего дома и обязательно обращать внимание на поведение братьев невесты: считалось, что характер будущих детей часто похож на характер братьев их матери. «Продай последнее, что имеешь, – говорили законоучители, – и женись на дочери ученого человека». Они не советовали брать жену из более родовитого дома, и старая пословица напоминала на этот счет: «Я не желаю сапога, который слишком велик для моей ноги».

Законоучители не поощряли браки между стариками и молодыми женщинами, между старухами и молодыми людьми. Говорили в древности: «Добрая жена – драгоценный дар, выпадающий на долю богобоязненного; злая жена – проказа для мужа. Красивая жена – счастье для мужа, дни его жизни удваиваются». И предупреждали: «Мужчина высокого роста не должен жениться на высокой женщине, а кто низок ростом – на невысокой женщине; смуглый мужчина не должен жениться на смуглой, белолицый – на белолицой», чтобы эти качества не усилились в потомстве до уродливых размеров. И еще говорили мудрецы: «Украшение лица – борода. Радость сердца – жена. Наследие Божие – сыновья». И еще: «Вот трое, которым жизнь не в жизнь. Ожидающий своего пропитания от других. Одержимый телесными недугами. И находящийся под началом своей жены».

В Польше и Литве юноша вступал в брак в возрасте от тринадцати до двадцати лет, но лучше всего – в восемнадцать: этот возраст признавали идеальным. Если мужчине минуло двадцать лет, и он еще не женился без уважительных причин, то еврейский суд имел право заставить его это сделать. Однако, как отмечал рабби Моше Иссерлес, «в настоящее время обыкновенно не прибегают к принудительным мерам». Брачный возраст девушки совпадал с наступлением половой зрелости, но отец мог обручить свою дочь и до этого, не спрашивая ее согласия. Закон признавал только желательным, чтобы родители не торопились с обручением, пока дочь не подрастет и сама решит, нравится ей жених или нет. Ранние браки в те времена были частым явлением. Отец невесты, скопив с трудом приданое для дочери, торопился поскорее выдать ее замуж, чтобы не потерять накопленное во время очередного погрома. Таким образом, судьба девушки зависела от того, обручат ли ее в малолетнем возрасте или после двенадцати-тринадцати лет, когда ее согласие считалось обязательным.

Между родителями жениха и невесты заключался письменный договор; в нем указывали размеры приданого и время свадьбы. Почти во всех договорах было неременное условие, что родители должны после свадьбы дать молодым в своем доме квартиру и стол – в течение двух лет, а половинное содержание – только квартиру – еще два или четыре года. В договоре определялась неустойка – штраф для той стороны, которая нарушит его без уважительной причины. Договор подписывали в присутствии родных и друзей, его легко можно было нарушить; свадьба в таких случаях отменялась, жених и невеста становились чужими друг другу. Но если жених вручал или посылал невесте подарки незадолго до свадьбы, договор приобретал силу закона.

По еврейскому закону для акта обручения достаточно, чтобы мужчина вручил женщине при двух свидетелях монету или кольцо со словами: «Ты посвящена мне». При такой упрощенности обряда бывали порой недоразумения – иногда комические, а иногда печальные. Известен случай, когда пятнадцатилетний мальчик закричал во время игры: «Кто хочет взять мое кольцо?» Девочка двенадцати лет попросила кольцо, мальчик надел его ей на палец и сказал: «Ты посвящена мне». Таким образом эта девочка стала по закону женой незнакомому ей мальчика, и люблинский раввин отметил по этому поводу, что шуточный брак может быть расторгнут лишь путем официального развода. Подобные случаи происходили время от времени, и тогда поднималась суматоха, бывало даже так, что на ярмарках, при большом стечении народа, объявляли в синагоге: такую-то девушку – по решению раввинов – следует считать необрученной и свободной.

«Ктуба» – брачный договор – определял обязанности мужа по отношению к жене и количество приданого с каждой стороны. Было принято не обозначать в договоре полный размер приданого, потому что во время свадьбы этот договор зачитывали вслух, при гостях, и оглашение малой суммы могло смутить жениха или невесту из бедной семьи, чье приданое было крохотным. Писали в договоре только обязательный минимум приданого, а на остальное заключали дополнительный договор – «тосфот ктуба», который вслух не зачитывали. Бедные родители часто ограничивались тем, что содержали молодых два года после свадьбы, а одна бедная вдова подарила своему зятю – в виде приданого – место в синагоге, которое принадлежало ее покойному мужу. Бывало и так, что обиженный жених, не получив установленную сумму, отказывался идти под «хупу» – свадебный балдахин, когда в доме уже играла музыка, было полно гостей, и толпа во дворе синагоги дожидалась свадебного зрелища. Тогда вмешивались сваты и улаживали конфликт к обоюдному согласию.

В брачном договоре часто указывали нестандартные обязанности мужа по отношению к жене: например, выкуп ее из плена. Жена теряла право на приданое, если она, к примеру, проклинала родителей мужа или скрывала от него до женитьбы какие-либо серьезные

физические недостатки. То же самое касалось и мужа: брак можно было расторгнуть из-за хронической болезни, которую он скрыл до свадьбы, или из-за его дурного поведения.

Тексты брачных договоров отличались друг от друга; примерно они выглядели таким образом – в сокращенном варианте: «В такой-то день недели, в такой-то день месяца, в год такой-то от сотворения мира... господин такой-то, сын господина такого-то, сказал девице такой-то, дочери господина такого-то: «Будь моей женой по закону Моше и Израиля, и я буду для тебя работать, чтить, кормить и содержать тебя по обычаю мужей иудейских... дам тебе пищу и одежду и буду жить с тобой, как принято на всей земле»... И согласилась такая-то девица сделаться его женой. И приданое, которое она принесла ему из дома отца своего, как серебром, так и золотом, драгоценностями, платьем, домашними и постельными принадлежностями, принял на себя господин такой-то – жених...»

Свадьбы часто устраивали во вторник – третий день сотворения мира. Он считался особенно счастливым, потому что в этот день – в отличие от прочих дней творения – сказано в Торе дважды: «И увидел Бог, что это хорошо». Свадебный обряд в Польше совершали на синагогальном дворе, под открытым небом, чтобы потомство жениха и невесты было «многочисленно, как звезды небесные». Родные, близкие и толпа любопытных сопровождали жениха и невесту к месту свадьбы. Играл еврейский оркестр – скрипки, лютни, цимбалы и бубны. Под «хупой» жених надевал на палец невесте кольцо и произносил традиционную формулу: «Этим кольцом ты посвящаешься мне согласно вере и закону Моше и Израиля». Раввин громко читал «ктубу» – брачное обязательство и семь свадебных благословений, жених разбивал стакан в память о разрушенном Иерусалимском Храме – на этом свадебный обряд заканчивался.

Свадьбы обычно справляли с большой роскошью, приглашали много гостей, даже из других городов, подавали обильное угощение. Кагалы боролись против этой роскоши, которая вела к обнищанию, ограничивали количество гостей, приглашенных на свадьбу, но эти запреты плохо действовали. Как писали тогда: «Пиршества по случаю свадьбы или обряда обрезания подчас обходятся евреям в такие суммы, на которые иные могут прожить полгода и более... Часто на такие пиршества приглашается большая часть жителей города, и всех их принимают широко... На устройство пиров тратят сколько возможно, и не один еврей закладывает ради этого последние свои одежды».

3

Обособленное положение евреев ограждало их от внешнего влияния, семейная жизнь выделялась, как правило, чистотой и крепостью. Оберегая честь жен и дочерей, родители и мужья не останавливались ни перед какими жертвами. В городе Остроге дочерью раввина Авраама Кагана заинтересовался местный вельможа; узнав об этом, раввин посреди ночи, покинул город со своей семьей, чтобы избежать бесчестия. Во избежание соблазна старались женить детей в раннем возрасте, особенно сирот, чтобы тесть или свекор стал их опекуном и кормильцем.

Порой встречались и у евреев случаи нарушения супружеской верности, но они вызывали всеобщее суровое осуждение, да и сам согрешивший испытывал немедленную потребность в покаянии. В еврейских документах отмечен случай, когда некий человек согрешил с замужней женщиной, а затем явился к рабби Меиру из Люблина, который предписал ему строгое искупление. Прежде всего, грешник должен был публично исповедаться в своем проступке в Люблине, Кракове и Львове, где его многие знали. После каждой исповеди в синагоге служка наказывал его тридцатью девятью ударами плетью по спине. После этого он должен был поститься целый год за исключением праздничных дней, есть только по вечерам

без мяса, вина и водки, ежедневно после молитвы с плачем исповедоваться перед Богом и принимать от служки удары – уже без свидетелей.

Но и это не всё! Рабби Меир из Люблина предписал ему спать на голом полу или на жесткой скамье, носить на теле грубый мешок вместо рубахи, мыться только накануне праздников, причесывать волосы раз в месяц, одеваться в черное, сидеть в синагоге возле двери, не смотреть на женщин, не слушать их пения и смеха – в течение трех лет. После этого срока он искупал свой грех, и никто не имел права напоминать ему о случившемся.

Другой еврей, согрешивший с замужней женщиной, тоже явился с повинной к раввинам и в точности исполнил обряд покаяния, который ему предписали. Затем он переехал в Краков, но там в это время начались гонения на евреев. А если евреев постигают несчастья, то наверняка за грехи, ибо нет страдания без проступка – таков путь в мире. Но существует ли больший грех, чем тот, который он совершил? «Один согрешивший губит много доброго»: этот еврей принял вину на себя, снова пошел к раввинам и снова выполнил обряд покаяния. Потому что человек, нарушивший чистоту семейных отношений, «становится разрушителем ограды всего мира».

Во время раздоров в семье раввинский закон часто брал под защиту обиженную жену; рабби Шломо Лурье пригрозил отлучением влиятельному еврею, который плохо обращался со своей женой. Заботой о судьбе женщины объяснялся и обычай «условного развода». Когда муж уезжал по делам в далекие края и на долгое время, он оставлял жене разводное письмо, чтобы она была свободна в том случае, если он не вернется домой к крайнему сроку. При тогдашних постоянных войнах и разбоях на дорогах, когда путники часто пропадали без вести, такая предосторожность была необходима: иначе бы сотни женщин оставались «агунами» (буквально – «связанными»), которые по закону не имели права вторично выйти замуж из-за отсутствия точных сведений о смерти пропавших мужей.

Бывали случаи, когда турки или татары уводили в плен еврейских женщин, а затем возвращали за денежный выкуп. Возникал вопрос: может ли муж жить со своей женой, которая побывала в плену и могла стать жертвой насилия? Краковский раввин Йосеф Кац разрешил мужьям жить с женами, вернувшимися из плена, и запретил напоминать им о постигшей их беде.

Распространение слухов, порочивших честь женщины, сурово наказывалось. Рабби Шломо Лурье приговорил к суровому наказанию молодого человека из Новогрудка, который оскорбил замужнюю женщину. Он должен был встать в синагоге во время службы с двумя зажженными свечами в руках и громко просить прощения – сначала у Бога, а затем у оскорбленной женщины и у ее мужа. Еврейский суд был очень суровым, когда факт супружеской измены считался доказанным, но он же бывал снисходителен, если существовали хоть малейшие сомнения. Раввины руководствовались в таких случаях талмудическим принципом, который гласит: «Дочери израильские должны считаться честными».

4

Еврейское население Польши и Литвы делилось на три категории. Одни занимались торговлей и ремеслами. Для других – раввинов, канторов, проповедников – религиозные занятия служили профессией. А третьи занимались учением ради самого учения; их содержали община, родители или жена, которая вела торговлю, в то время как ее муж изучал Талмуд.

Раввины приводили в пример два колена Израиля – Звулуна и Иссахара, которые в древности заключили соглашение: мужчины из колена Звулуна, занимаясь мореходством, не могли регулярно изучать Тору и потому содержали тех мудрецов из колена Иссахара, которые занимались только изучением Закона. Тем самым колено Звулуна получало в будущем

мире долю от тех благ, которые причитались Иссахару за его занятия Торой. Такой вариант рекомендовали тем, кто не имел особых способностей к изучению Торы, а вместо этого работал, отдавал часть заработка ученому и мог рассчитывать на долю тех благ, которые получал этот ученый в будущем мире.

Евреи Польши и Литвы строили синагоги, и католическая церковь постоянно жаловалась, что «евреи понастроили себе в королевских городах синагог каменных и обширных красивее костелов и домов». Прежде всего надо было получить разрешение у короля, у местного епископа, у магистрата и частного владельца, на чьей земле строили синагогу. И если крупные общины могли заплатить за это большие деньги, то евреям мелких общин часто приходилось ютиться в крохотных избах, которые не вмещали всех молящихся. Община не забывала заслуг того, кто добивался успеха в этом богоугодном деле, и в городе Луцке на надгробном камне Блюмы, дочери Песаха, скончавшейся в 1595 году, особо отметили, что она добилась разрешения на переделку и расширение местной синагоги.

В разрешении на строительство непременно оговаривались размеры синагоги, ее оформление, вид строительного камня, а для синагоги в городе Жолкве было поставлено дополнительное условие: «впереди синагоги на той же площади возвести избу, которая заслоняла бы синагогу с улицы». Синагоги не разрешали строить выше костелов, а порой и выше окружающих домов, и чтобы зал для молитв получился высоким, опускали пол на несколько метров, – тому находили подтверждение в псалме Давида: «Из глубин взываю к Тебе, Господи...»

Здания синагог служили для защиты от нападения врагов; их часто строили на возвышенном месте, чтобы наблюдать за приближением противника, возле реки – естественной преграды, в виде крепостей с мощными стенами, за которыми можно было отсидеться в минуты опасности. Синагога львовского предместья неоднократно служила убежищем во времена набегов и осад. Синагога города Острога выдержала обстрел русской артиллерии в 1792 году, когда нападавшие приняли это здание за крепость. (Легенда сообщает, что пули и ядра, попадавшие внутрь синагоги через окна, не причиняли вреда тем, кто там прятался.) Казимежская синагога «в продолжение многих лет была единственным защищенным каменным зданием». Синагогу в Луцке снабдили башней с бойницами «для обороны со всех четырех сторон», пушкой и «людьми, способными к обороне», а синагоги в Жолкве, Тарнополе и Шаргороде стали пограничными постами на пути казацких и татарских набегов.

Евреи заботились об украшении своих синагог, особенно о красоте «арон га-кодеш» – хранилища свитков Торы... В люстрах тончайшей работы горели свечи, стоял семисвечник – в память храмовой меноры, висела лампада, в которой постоянно горел огонь. Прихожане заказывали богато украшенные свитки Торы и дарили их синагогам. В синагогах были драгоценные бокалы для обряда благословения, вышитые золотом покрывала для стола, на который клали свиток Торы при чтении, серебряные тазы для мытья рук.

В виленской синагоге «всё было из серебра или золота, из парчи, шелка и бархата... Кресло для обряда обрезания было осыпано жемчугом, оковано серебром, с золотыми шариками, и на нем подушка, шитая золотом, а также шитое покрывало из шелка. На полу лежали персидские ковры, а все сосуды и чаши были серебряные с позолотой». Невзрачные снаружи деревенские избы-синагоги были разрисованы по стенам и потолку тонкими затейливыми орнаментами из виноградных лоз, молитвенными надписями, изображениями Иерусалима, знаками зодиака, орлами, львами, тиграми и оленями, которые иллюстрировали изречение из Талмуда: будь отважен, как тигр, легок, как орел, быстр, как олень, и храбр, как лев, при исполнении воли Отца твоего Небесного.

Даже в домашнем обиходе каждый старался обзавестись серебряными бокалами для благословения, красивым покрывалом для субботней халы и подсвечниками из меди или серебра, в которых по субботам и праздникам зажигали свечи. Богатые люди заказывали

свитки Торы и хранили их у себя дома. Было принято дарить молодоженам пару субботних подсвечников, а когда в семье рождался очередной ребенок, прибавляли по одному подсвечнику, в котором зажигали дополнительную свечу в канун субботы, чтобы ребенок рос здоровым.

Сохранилось имя еврейского мастера Хаима Сегала, который расписывал деревянную синагогу в Могилеве. Арье Иегуда Лейб расписал миниатюрами пергаментный молитвенник, посвященный «старой и святой синагоге в Погребнице». «Арон га-кодеш» в синагоге местечка Узляны вырезал из дерева искусный резчик Бер, сын Израиля. Деревянную синагогу в Насельске строил Симха Вайс, сын Шломо из Луцка; вышгородскую синагогу строил Давид Фридлендер, а злочевскую – Биньямин из Ласка. Бедный ремесленник Барух долгие годы мечтал о том, как синагога в Погребнице будет освещаться канделябрами его изготовления. Восемь лет подряд он собирал и скупал медные обрезки, а затем шесть лет занимался этой работой. Его ханукальный светильник и светильник на четырнадцать свечей удивляли своей красотой еще в начале двадцатого века.

Евреи в своих общинах утверждали братства – религиозные и благотворительные. Были братства, члены которых после утренней и вечерней молитвы под руководством знатока изучали Талмуд; члены другого братства следили за тем, чтобы постоянно горели светильники перед «арон га-кодеш». «Существовало братство, – писал Натан Ганновер, – члены которого вставали до зари и молились, оплакивая разрушение Иерусалимского Храма. А когда всходило солнце, вставали члены другого братства и целый час читали псалмы до начала молитвы...»

Были братства для обучения бедных детей, для выдачи беспроцентных ссуд беднякам, для сбора приданого бедным невестам и выдачи их замуж. В каждой общине непременно существовало погребальное братство – «хевра кадиша», которое заботилось о местном кладбище. Члены этого братства посещали умирающих, читали возле них псалмы, молились за них в последние их минуты, совершали затем погребальные обряды. В некоторых общинах это же братство заботилось о бедных больных, снабжало их лекарствами, ухаживало за ними во время болезни.

Профессиональные цехи ремесленников – портных, сапожников, мясников – имели свои свитки Торы, своих раввинов или проповедников, которые обучали их по субботам, а иногда и в будни. Подобное существовало у польских евреев до двадцатого века, и некий христианский ученый отметил, посетив Варшаву: «Однажды на стоянке я заметил множество повозок, однако ни на одной из них не было кучера. Если бы это случилось в моей родной стране, я бы точно знал, где их искать. Еврейский мальчик указал мне, как их найти. Во дворе был дом, на втором этаже которого находился «штибл» – помещение при синагоге для занятий и молитвы у еврейских возниц... Одна группа рьяно там училась, другая – горячо спорила по какому-то религиозному вопросу. Позже я обнаружил, что у ремесленников всех профессий... в еврейском районе есть свой «штибл». Я убедился также, что каждую свободную минуту, которую удастся урвать от работы, они посвящают изучению Торы. Когда они собираются в своем кругу, один просит другого: «Зог мир а штикл Тойре» («Расскажи мне немного из Торы»).

Как доказательство этого – хранящаяся в нью-йоркской библиотеке Еврейского научного института старая книга, на которой стоит штамп: «Общество дровосеков Бердичева для изучения Мишны».

5

Во время погромов, не только грабили и разрушали дома в еврейских кварталах, но громили также синагоги и уничтожали свитки Торы. Их рвали, сжигали, кидали под копыта

лошадей и количество рукописей неуклонно уменьшалось; свитки переписывались вручную, стоили они очень дорого, были доступны лишь богатым людям. Но недаром сказано: «Господь создает лекарство еще до болезни», и в 1440 году в Германии никому до того неизвестный Иоганн Гутенберг изобрел печатание книг наборными буквами. Он держал это в секрете, и когда в Майнце вышла из печати первая его книга, никто не знал, как это сделано. Помог случай. Во время войны между германскими княжествами типографию Гуттенберга разгромили, и секрет перестал быть секретом. Вскоре многие уже печатали книги наборными буквами, еврейские типографы – в их числе.

В 1474 году в итальянском городе Феррара появилась первая еврейская типография, где напечатали по методу Гутенберга первую еврейскую книгу. Это был один из томов религиозных предписаний под названием «Арба турим» – «Четыре ряда»; издал его типограф Авраам бен Хаим де Пинто. Затем появились еврейские типографии в Италии, Испании, Португалии, где до конца пятнадцатого века напечатали около ста книг. Евреи с восторгом встретили изобретение Гуттенберга, еврейские типографы слагали гимны в честь книгопечатания и основывали типографии лишь для того, чтобы распространять книги Священного Писания. Девизом итальянской типографии семьи Сончино было: «Из Сиона исходит Тора и слово Божье из дома Сончино». Одну из их книг предварял такой эпиграф:

«Я, Гершом, сын Моше, печатник народа, владелец замечательной типографии. Имя мое вспомнится во все века. Я присмотрелся к волнениям изгнания, и видел я волны страданий. И усмотрел я, что Тору забыли, нет читающих Святое Писание, ибо нет средств для приобретения книг... Посвятивший себя Торе находится постоянно в нужде, ему тяжело во время постоянных гонений нести многие книги из города в город, из царства в царство. Посему я, Гершом бен Моше Сончино, энергично взялся за Божье дело и напечатал 24 книги Священного Писания в миниатюрном размере, чтобы были они у каждого человека днем и ночью... чтобы читал он их лежа и стоя, чтобы без них не ночевал, изучал их постоянно».

В шестнадцатом веке братья Шмуэль, Ашер и Эльяким Галич, изучив в Праге типографское дело, поселились в Казимеже возле Кракова, открыли там типографию и с 1534 года стали печатать книги на иврите. В их же типографии была издана ранняя из дошедших до нас печатных книг на языке идиш – «Книга рабби Аншела». Вскоре братья приняли католицизм, но продолжали печатать еврейские книги. Евреи объявили им бойкот, отказались покупать их книги, но король особым декретом обязал кагалы Казимежа, Познани и Львова скупить у братьев весь запас еврейских религиозных книг. Впоследствии Шмуэль Галич вернулся в иудаизм, поселился в Стамбуле, работал печатником в еврейской типографии.

Кроме Казимежа центром еврейского книгопечатания был Люблин, где в 1557 году напечатали Пятикнижие, а в 1559 году – Талмуд. Книгопечатание считалось у евреев «венцом всех наук», труд печатника – «святым ремеслом», в издании книг видели путь к осуществлению пророчества Исайи: «Полна будет земля знанием Господа». В конце семнадцатого века появилась типография в Жолкве, а в восемнадцатом веке – новые еврейские типографии в Олексинице, Кореце, Порицке, Межирове, Полонном, Славути, Остроге, Дубно, Шклове, Гродно, Варшаве и Вильно.

В 1620 году еврей из Познани Ицхак бен Эльяким написал для своей дочери небольшую книжку, которая стала чрезвычайно популярной среди еврейских женщин и многократно переиздавалась в семнадцатом веке. Называлась эта книга «Доброе сердце» и содержала среди прочего десять заповедей хорошей жены.

1. Будь осторожна, когда твой муж сердится. В этот момент не будь ни веселой, ни сварливой – улыбайся и говори тихо.
2. Не заставляй мужа ждать еду. Голод – отец гнева.
3. Не буди его, когда он спит.
4. Будь осторожна с его деньгами. Не скрывай от него свои денежные дела.

5. Храни его секреты. Если он хвастает, держи и это в тайне.
6. Не одобряй его врагов и не ненавидь его друзей.
7. Не возражай ему и не утверждай, что твой совет лучше, чем его.
8. Не ожидай от него невозможного.
9. Если ты будешь внимательна к его просьбам, он станет твоим рабом.
10. Не говори ничего такого, что задевало бы его. Если будешь обращаться с ним как с царем, он будет относиться к тебе как к царице.

6

В шестнадцатом веке раввин из Польши написав в своем завещании:

«Сын человеческий, что же ты дремлешь?.. Вот подошла моя старость, не знаю дня смерти своей, и если не теперь, то когда сделаю что-нибудь для дома своего? Поэтому я решил написать завещание домочадцам...

Не вызывайте ничьей ненависти и сами никого не презирайте; старайтесь радовать других хорошими вестями; удаляйтесь от гнусного, утешайте скорбящих, давайте советы застигнутым врасплох...

Начало покаяния – раскаяние...»

В середине семнадцатого века раввин и общинный судья в Познани Шабтай Шефтель Горовиц написал завещание и приказал давать его всякому, кто пожелает переписать для себя, потому что «оно содержит нравственную проповедь и жизненные истины». Из обращения к сыновьям в его завещании:

«Следите тщательно за честным ведением дел и отдавайте, ради Бога, одну десятую часть своих доходов на нужды бедных... Гнев – источник скверны. Единственный результат гнева – вред здоровью. Все поступки человека в гневе глупы и сумасбродны. Остерегайтесь этого, не вредите своему телу, тем более – своей душе. Будьте приветливы с людьми. Высокомерие – дурное свойство, причиняющее человеку зло...

Далее, предостерегаю вас от ссоры. Сторонитесь ее, ибо она гнусна. Ссора – зло, губящее душу, тело и деньги. Она приносит гибель миру. В течение своей жизни я успел убедиться, что люди, живущие в раздоре, беднеют и подвергаются многим бедствиям, которые тут не исчислить... Также я вам завещаю не ссориться со своими женами, потому что жена – половина вашей плоти, а всякое сочетание совершается по воле Неба. Если жена слишком требовательна, скажите ей мягко: «Милая, ну что же мне делать? Большого я не могу зарабатывать. Или ты хочешь, чтобы я, упаси Бог, крал или грабил?» Нет сомнения, что жена тут же послушается...

А вы, дочери и невестки мои, а также ваши дочери и внуки! Держите своих мужей в почете и большой любви и не причиняйте им неприятностей. Если мужья рассердятся, удаляйтесь из дома, а когда пройдет гнев, возвращайтесь и укоряйте их, напоминая о моем завещании».

В семнадцатом веке раввином города Острога на Украине был рав Шмуэль Эдельс, глава иешивы, комментатор Талмуда и литургический поэт, один из крупнейших религиозных авторитетов того времени. Он прославился своей добротой и стремлением помогать людям; на косяке входной двери в его дом был написан стих из Книги Иова: «Странник не ночевал на улице, и двери мои открывал я путнику...» Легенды о добрых делах и чудесах рава Эдельса передавали из уст в уста; памятник на его могиле сохранялся триста лет, к нему приходили верующие евреи и молились возле погребения знаменитого ученого.

В 1967 году старое еврейское кладбище Острога, где хоронили много веков, было уничтожено. Солдаты, больные психиатрической больницы, прочие добровольцы завалили и разбили памятники на мелкие осколки, которые пошли на мощение дорожек. Памятник с

могилы рава Эдельса установили во дворе городского музея, как экспонат семнадцатого века, но вскоре, по указанию местных властей, его уничтожили. На территории еврейского кладбища создали парк «Юбилейный» – с танцплощадкой, увеселительными заведениями, возможно, даже с «комнатой смеха».

В 1990 году из Израиля привезли мраморную плиту, установили на месте предполагаемого захоронения рава Эдельса, но неизвестные лица ее разбили; из Израиля привезли еще одну плиту, которую защитили металлической оградой. В 1992 году парк ликвидировали, территорию кладбища передали еврейской общине города, однако определить места захоронений прошлых веков уже невозможно. На мраморной плите у входа на уничтоженное кладбище высечены слова на идише и украинском языке: «Здесь покоятся останки тех, кто с пятнадцатого столетия своим трудом, умом и талантом способствовал расцвету культуры и экономики края».

В Западной Украине существовала легенда о том, что «русские», «польские» и «еврейские» праздники совпадали в начале света, а их последующее расхождение во времени произошло из-за обуви.

Однажды еврей встал рано утром, быстро обулся в свои «пантофли» (обувь без задников) и побежал на молитву. Проснулся поляк, натянул на ноги «буты» (сапоги) и пошел молиться, но позже еврея. Проснулся русин, долго обувался в свои «постолы» (лапти) и пришел на молитву последним. С тех пор первой всегда наступает еврейская Пасха, за ней католическая («польская»), а затем уж православная («русская»).

Из записей этнографов.

Волынская область, 2000 год: «Найшлыся люди таки верные – Авраам, вин быу угодный Богу, вин сказау, шо од його размножытс вэлыкий народ – той-то еурэи».

Хмельницкая область, 2001 год: «Як оно настало всё, еврейска була вера. А первая вира еврейска була».

Городок Тучин располагался в 34 километрах от Острога, и жил там праведный еврей Элизер бен Симха, о котором сохранилось предание.

Элизер умер в 1516 году, а перед смертью завещал сыновьям перенести его тело на плечах в Острог, чтобы похоронить там на еврейском кладбище. Его сыновья и мужья дочерей так и поступили, но была зима, метель, всё завалило снегом; не было никакой возможности успеть на кладбище накануне субботы... и тут произошло чудо. Мужчины вместе с телом поднялись в воздух, полетели, как на крыльях, над полями и в пятничный полдень плавно опустились на улице Острога. Похороны праведного человека состоялись до наступления субботы, в них участвовало всё еврейское население города.

Старинная легенда повествует о том, как в давние времена в городе Люблине располагался на возвышенном месте монастырь францисканцев,

а неподалеку от него – еврейское кладбище. И всякий раз, когда евреи хоронили своих покойников, монахи начинали звонить в колокола.

В один из дней умер почитаемый всеми раввин, и евреи понесли его на кладбище. Но когда, как обычно, раздался колокольный звон, случилось чудо: покойник сел на погребальных носилках и стал читать молитвы, проклиная тех, кто мешал ему упокоиться с миром. От этих проклятий монастырь стал уходить под землю; прибежали перепуганные монахи, умоляя праведника о милости, – с большим трудом евреи уговорили раввина прекратить проклятия и лечь на носилки, чтобы завершить ритуальный обряд. С тех пор, повествует легенда, монастырь францисканцев стоит на горе ниже еврейского кладбища.

(По еврейской традиции умерших хоронят без цветов и музыки. Из воспоминаний первого десятилетия советской власти: «Пришли комсомольцы разорять синагогу, среди них были и евреи. А моя прабабушка стоит с каменным лицом, смотрит на них и повторяет: «Мит музыка! Мит музыка! Мит музыка!..» Это означает, она посылала им проклятия: чтобы этих евреев, разорителей синагоги, похоронили с музыкой, с музыкой, с музыкой!..»)

Очерк десятый

Евреи на Украине. Ужасы времен хмельничины. Война России с Польшей. Польское восстание против шведов и разгром еврейских общин. Начало переселения на запад

На еврейских кладбищах появилось немало новых захоронений, и не с того ли времени – надписи на могильных камнях: «Гибель следует за гибелью...», «Пало дерево в полном соку, срублено без почестей от рук злодея...», «Да поднимется к Небесам его вопль...», «Да отомстит Всевышний за их кровь...»

1

В первой половине семнадцатого века подходил к концу «золотой период» польского и литовского еврейства. У королей уже не было полноты власти, духовенство могло диктовать свои условия, да и мещане добивались от сеймов новых ограничений против евреев. В конце шестнадцатого века им запретили жить в Витебске, в начале семнадцатого – в Киеве. В королевской грамоте было сказано: «Чтобы место пограничное не жидами, но людьми украинскими купеческими расширялось и множилось... ни один жид в городе Киеве чтобы не жил, дворов для жительства не покупал и не строил, и чтобы ни одного жида никто в городе Киеве к себе не принимал... и квартирою стоять у себя жиду не позволял». Если не удавалось изгнать евреев из города, начинались погромы, избиения – испытанные средства в борьбе с конкурентами.

В первой половине семнадцатого века прошли погромы в Вильно, Бресте, Кракове, Люблине, Перемышле; ритуальные процессы – в Ленчице, Сандомире, Сельце, Сохачеве, Бохне, Перемышле, Кракове, Люблине. Всё начиналось с антисемитской агитации, а заканчивалось выступлением мещан против еврейских купцов и ремесленников. Польско-литовское еврейство поневоле шло на уступки, подписывало невыгодные для себя договоры с магистратами городов, которые урезали права в торговле и ремеслах, – это не ослабляло ненависти населения. Некий писарь Ян Кмита писал в подстрекательской книжке «Ворон в золотой клетке, или жида в свободной Короне Польской»: «Никто не живет в таком довольстве, как еврей в Польше: у еврея на обед всегда есть жирный гусь, жирные куры, а убогий католик макает кусок хлеба в слезы, которые льются из его глаз».

К тому времени шляхта и крупные магнаты уже использовали польских евреев для заселения украинских земель. До четырнадцатого века на Украине правили удельные русские князья, а затем ее территория отошла к Литве. Население преимущественно состояло из православных крестьян, которые жили на просторных и плодородных землях, вдалеке от центральной власти, и были воспитаны в духе вольностей. Великий князь Литовский раздавал земли своим приближенным, но они не притесняли крестьян, потому что те могли в любой момент сняться с одного места и перейти на другое. Земли тогда было много, населения мало, и владельцы земель были рады тому, что крестьяне уделяли им часть своих продуктов. В остальном никто не вмешивался в их жизнь, не посягал на свободу.

По Люблинской унии 1569 года Польша и Литва образовали единое государство Речь Посполита, господство которой распространилось на Южную Русь – территории Киевского, Брацлавского, Волынского воеводств. Сразу же изменились условия жизни. Земля

перестала принадлежать тем, кто ее обрабатывал, стала собственностью землевладельцев. Короли дарили своим сановникам обширные поместья на плодородных землях по обеим сторонам Днепра, и колонизация Украины пошла быстрыми темпами. На ее просторах с огромными природными богатствами возникли имения князей и шляхты, вырастали города, местечки; зерно с украинских полей отправляли в Центральную и Западную Европу.

Паны привлекали поселенцев, обещая на первых порах свободу от повинностей и платежей; крестьяне, соблазненные льготами, дали привязать себя к земле и постепенно превратились в холопов, работавших на панов. Владения польских магнатов на земле Украины размещались на гигантских территориях; они включали в свой состав десятки городов и сотни деревень с сотнями тысяч крестьян, которые платили аренду своему хозяину, безвозмездно оказывали ему всевозможные услуги.

Среди колонистов появились и евреи. В городах Польши и Литвы, в перенаселенных еврейских кварталах, под постоянным враждебным давлением мещан и духовенства было трудно, неуютно и опасно порой существовать, а на украинских просторах они могли применить на деле свои знания, опыт и деловые качества. Новые помещики жили в больших городах и не занимались хозяйством. Они охотно сдавали в аренду свои имения – польским шляхтичам, украинским мещанам, евреям; королевские старосты предоставляли им право сбора налогов, пошлин и крестьянских повинностей.

Евреи не владели землей, а потому шли в арендаторы, чтобы заработать на жизнь; в начале семнадцатого века около половины королевских и шляхетских земель на Украине арендовали евреи. В их руках сосредоточились и различные промыслы: производство селитры и поташа, ловля рыбы и дичи, питейное дело; они брали в аренду корчмы, молочное хозяйство и мельницы. Разрослись общины в Луцке, Владимире-Волынском, Ковеле, Остроге, Баре, Брацлаве, Виннице, Немирове, Тульчине. Появились новые общины в Белой Церкви, Богуславе, Переяславе, Чернигове и в других городах.

Кардинал Коммендони, путешествуя по тем краям, оставил описание быта евреев: «Они не перебиваются здесь постыдными заработками, ростовщичеством и исполнением всевозможных поручений, хотя и не отказываются от такого рода прибыли; владеют землей, занимаются торговлей и посвящают себя даже изучению изящной словесности, медицины и астрологии... Они довольно состоятельны и не только принадлежат к числу уважаемых людей, но часто даже имеют таковых под своей властью. Они не носят никакого знака, отличающего их от христиан. Им разрешается даже носить саблю и быть вооруженными. Наконец, они пользуются правами прочих граждан». Но даже в то время на Украине было немало еврейской бедноты, потому что арендаторы почти весь заработок отдавали помещикам. Местные власти докладывали начальству: многие евреи не в состоянии платить налоги и «сами себя содержать не могут».

К середине семнадцатого века уже определились те обстоятельства, которые привели к страшной катастрофе. Паны были католиками, крестьяне – православными. Православие считалось у католиков «хлопскою верою», его старались уничтожить путем насильственных церковных уний. На крестьян паны смотрели как на низшую расу; они даром обрабатывали панскую землю, платили множество податей – за пастбища, мельницы, рыбную ловлю, за каждый улей и за каждого вола. «Владелец или королевский староста не только отнимает у бедного холопа всё, что он зарабатывает, – писал иезуит Скарга, – но и убивает его самого, когда захочет и как захочет, и никто не скажет ему за это дурного слова».

Антагонизм был чудовищным, ничего общего не было у угнетаемого с угнетателем – ни веры, ни языка, ни обычаев. Ничто не могло смягчить отношения между паном и холопом, между католиком и православным, между поляком и украинцем. Но пан обычно был далеко, а непосредственно крестьяне сталкивались с евреем-арендатором. Формально он становился на место пана, в известной мере он получал ту власть над крестьянином, которая

принадлежала землевладельцу, и должен был – по поручению пана – извлекать из крестьянина максимальный доход. Как писал поляк, «мы сами (шляхта) обдирали крестьян только еврейскими когтями». Поэтому ненависть крестьянина была против пана – ляха и католика и против арендатора-еврея, чуждого ему «нехристя».

Впоследствии евреям приписывали самые невероятные злоупотребления против православного крестьянства, вплоть до того, что польские помещики будто бы отдавали в аренду православные сельские церкви, и потому украинцы должны были платить арендаторам-евреям за право крестить своих детей, венчать новобрачных, отпевать покойников. В действительности нет ни одного документального подтверждения, что евреи арендовали церкви, и лишь поздние историки, знакомые по преданиям с теми временами, повествуют об этом. Но крестьяне не разбирались в том, кто больше виноват в их угнетении, а кто меньше. Украина взбунтовалась, и евреев истребляли наравне с ненавистными народу панами. Историк С. Дубнов писал: «Евреи попали между молотом и наковальней, между господином и рабом, поляком и русским. На почве, насыщенной вулканическими силами, столкнулись три класса, три религии, три нации, и катастрофа оказалась неминуемой».

Выхода не было нигде. Из Центральной Европы евреи бежали в Польшу – от ужасов крестовых походов, преследований времен «черной смерти» и ритуальных наветов. Из Польши они пришли на Украину – под давлением мещан и духовенства, которые вытесняли их из городов. Везде чужие, везде принимаемые для королевской и панской выгоды, притесняемые и истребляемые в периоды народных волнений. Так это случилось и на Украине. 1648 год. Восстание казаков во главе с Богданом Хмельницким, которого евреи называли «Хмель-злодей, да будет стёрто его имя».

2

Центром крестьянской вольницы была казачья республика Сечь, в степях, за днепровскими порогами. Туда убегали крестьяне, которые не дали себя закабалить и привязать к земле, там они объединялись в дружины, во главе которых стояли атаманы. Вольные казачьи полки отражали набеги татар из Крымского ханства, а польское правительство пыталось организовать из них пограничное войско, что не всегда получалось. Это было полувоенное, полукрестьянское сословие, которое не желало подчиняться кому бы то ни было; в определенный момент оно выступило, чтобы освободить Украину от власти «ляхов и жидов».

В 1630 году восстали казаки во главе с неким Тарасом, и в еврейских источниках отметили: «На Украине, за Днепром, была в это время война, и многие евреи там убиты». В 1637 году казачий атаман Павлюк пошел из Запорожья в Полтавщину и поднял крестьян против панов и евреев. «Повелеваем вам и убеждаем вас, – призывал он народ, – чтобы вы единодушно, от мала и до велика, покинувши все свои занятия, немедленно собрались ко мне». В Лохвице казаки убили около 50 евреев, сожгли город Лубны «вместе с крепостью, монастырем и церковью бернардинцев, а горстку защитников – дворян и евреев – убили».

Бунт подавили польские войска, Павлюка казнили, дороги устлали трупами посаженных на колы холопов. Права и вольности казаков ограничили, многих из них прикрепили к земле и обязали работать на панов, а за малейшее сопротивление беспощадно наказывали. «И мучительство фараоново, – записано в малороссийской летописи, – ничего не значит против их тиранства. Ляхи детей в котлах варили, женщинам выдавливали груди деревом и творили иные неисповедимые мучительства». Эти репрессии еще больше озлобили крестьян, нужен был только повод для всеобщего народного восстания.

Весной 1648 года казачий сотник Богдан Хмельницкий заручился поддержкой крымских татар, собрал запорожских казаков, которые провозгласили его атаманом, и двинулся на поляков. Совместное казацко-татарское войско победило поляков при Желтых Водах и

у Корсуни, и восстание охватило восточное Приднепровье. Отряды крестьян, горожан и казаков под предводительством атаманов Кривоноса, Гани, Морозенко, Тимофея Хмельницкого, старшего сына Богдана, громили польские поместья, убивали без пощады католиков и евреев, уничтожали костелы и синагоги. Даже «православные ремесленники и торговцы, гибли за то единственно, что носили польское платье, и не один щеголь заплатил жизнью за то, что по польскому обычаю подбрасывал себе голову».

Евреи были для восставших польскими ставленниками, и расправы сопровождались чудовищными зверствами. Еврейский летописец Натан Ганновер свидетельствовал: «С одних сдирали кожу заживо, а тело кидали собакам; другим наносили тяжелые раны, бросали на дорогу и проезжали по ним на телегах... Грудных младенцев резали на руках матерей, а многих рубили на куски, как рыбу. Беременным женщинам распарывали животы, вынимали плод и хлестали им по лицу матери, а иным в распоротый живот зашивали живую кошку и обрубали им руки, чтобы не могли вытащить кошку. Иных детей прокалывали пикой, жарили на огне и подносили матерям, чтобы отведали их мяса. Иногда сваливали кучи еврейских детей и делали из них переправы через речки... Татары же брали евреев в плен; жен насиловали на глазах их мужей, а красивых забирали в слуги или наложницы. Подобные жестокости творили повсюду, также над поляками, в особенности над их ксендзами».

Русский историк девятнадцатого века Н. Костомаров: «Самое ужасное остервенение показывал народ к иудеям: они осуждены были на конечное истребление, и всякая жалость к ним считалась изменою. Свитки Закона были извлекаемы из синагог: казаки плясали на них и пили водку, потом клали на них иудеев и резали без милосердия; тысячи иудейских младенцев были бросаемы в колодцы и засыпаемы землею... В одном месте казаки резали иудейских младенцев и перед глазами их родителей рассматривали внутренности зарезанных, насмехаясь над обычным у евреев разделением мяса на кошер (что можно есть) и треф (чего нельзя есть), и об одних говорили: это кошер – ешьте, а о других: это треф – бросайте собакам!»

Спасти могло только принятие православия, однако евреи – в массе своей – шли на мученическую смерть, но не соглашались изменить вере отцов. Десятки городов стали местом их гибели: Переяслав, Пирятин, Лохвица, Лубны, Немиров, Тульчин, Полонное, Заславль, Острог, Бар, Кременец, многие, многие другие. Бывало порой так, что с одной стороны город осаждали казаки, с другой – татары, и евреи убегали к татарам, чтобы не попасть в руки к казакам, а те брали их в плен и отправляли в Стамбул. Евреи Стамбула, Салоник, Венеции, Рима и других общин собирали для спасения пленных большие суммы денег и выкупали несчастных.

С восточного берега Днепра восстание перекинулось в Центральную Украину, к Киеву, а затем и в Западную Украину, на Волынь и Подолию. Боясь оставаться в деревнях и местечках, евреи убегали в укрепленные города и попадали там в ловушку. В городе Баре, в Подолии, было 600 еврейских семей, и туда из окрестных мест сбежались еще многие. Несмотря на совместное сопротивление поляков и евреев, казаки сделали подкоп, взяли город, и атаман Кривонос «со всех жидов живьем шкуры посдирал». В южнорусской летописи сказано об этом более конкретно: «Кривонос, Хмельницкого советник, у Батурина (в Баре) ляхов да жидов больше пятнадцати тысяч выколол».

В городе Полонном евреи укрылись за стенами города и вместе с поляками защищались двое суток. Но из-за измены панских слуг казаки ворвались в город и истребили евреев: кровь лилась потоками по улицам. Известный кабалист рабби Шимшон и с ним 300 евреев вошли в синагогу, надели на себя саваны, с молитвой встретили смерть. Это произошло в июле 1648 года, и Натан Ганновер отметил в исторической хронике «Пучина бездонная»: «Был между ними муж разумный и проницательный, ученый кабалист по имени Шимшон

из Острополя, к которому ежедневно являлся ангел-посланец и обучал его тайной мудрости... Сказал ангел-посланец Шимшону задолго до катастрофы, чтобы евреи взяли на себя великое покаяние, дабы смягчить роковой приговор неба. И проповедовал он много раз в синагоге, призывая народ к покаянию, – и действительно было великое покаяние, но оно не помогло, ибо приговор был уже подписан».

Летописец Меир из Щебржешина сообщал о гибели общины в Остроге, городе на Волыни. В первый свой набег казаки убили 600 евреев, а остальные спаслись бегством. На следующий год, когда евреи вернулись в город и начали заново отстраивать свои жилища, казаки напали еще раз, убили оставшихся – 300 человек, и «кровь их текла, словно ручей, а тела стали добычей птиц небесных». Спаслись только трое. Колодцы были наполнены убитыми младенцами. Большую синагогу превратили в конюшню. Еврейские дома разрушили до основания: казаки искали сокровища, будто бы закопанные в подвалах. Еще в начале двадцатого века на окраине города возвышались четыре холма, по преданию – места общего захоронения евреев тех времен.

В Заславле, городе на Волыни, осталось 200 евреев, больных и стариков, которые не смогли убежать. Они попросили, чтобы их убили на еврейском кладбище, что казаки и сделали. Загнали всех в кладбищенский дом, убили, дом затем сожгли, а синагогу разгромили и превратили в конюшню. В Погребище, местечке Киевского воеводства, вырезали «всех евреев, стариков, молодых, женщин и детей, всех, находившихся в нашем старом храме Божьем, в тот момент, когда происходило венчание молодой пары».

В Немирове, городе на Подолии, 6000 евреев укрылись за крепостными стенами. 20 июня 1648 года казаки во главе с атаманом Ганей подступили к городу с польским флагом, чтобы обмануть защитников. Перед ними открыли ворота, казаки ворвались в город – резня в Немирове была одной из самых ужасных в дни хмельничины. Женщин насиловали, детей живьем кидали в колодцы, откуда доносились затем их крики, пытавшихся переплыть реку и спастись убивали в воде, которая окрасилась кровью. Немировского раввина Иехиэля Михеля нашли на кладбище и убили дубиной: сначала раввина, а затем его престарелую мать.

Казаки отбирали себе молодых евреек, крестили их насильно и брали в жены. Одна девушка попросила устроить венчание в церкви за рекой, и когда свадебная процессия под звуки музыки двигалась по мосту, она бросилась в воду и утонула. Другая девушка уверила казака-жениха, что умеет заговаривать пули, уговорила выстрелить в нее и убедиться, что пуля не причинит ей вреда; таким образом она избавилась от крещения и от насильственной женитьбы.

В городе Тульчине Брацлавского воеводства 600 польских солдат и около 2000 евреев заперлись в укрепленной крепости. Поляки и евреи дали друг другу клятву отстоять город и не вступать в переговоры с казаками. Вместе с солдатами евреи стреляли с городской стены и шли в атаку, преследуя врага. Убедившись, что они не смогут взять город, казаки обещали полякам пощадить их, если те выдадут им деньги и имущество евреев. Узнав о предательстве, евреи хотели перебить поляков, но глава иешивы рабби Аарон удержал их от этого, чтобы не навлечь на единомышленников ненависть всего польского народа. «Лучше погибнем, – говорил он, – как погибли наши немировские братья, но не подвергнем опасности наших братьев во всех местах их рассеяния».

Войдя в город, казаки забрали имущество евреев, а затем согнали их в одно место, поставили знамя и объявили: «Кто хочет принять крещение, пусть станет под это знамя и останется жив!» Никто не согласился на измену, и казаки перерезали всех, оставив в живых десять раввинов – для выкупа. После этого они заявили полякам: «Как вы поступили с евреями, так и мы с вами поступим». И перерезали их. С этого момента, говорит

еврейский летописец, «паны держались союза с евреями», временными братьями по страданию, и не изменяли им.

3

Вести о передвижении казацко-татарского войска передавались из города в город и вызывали панику среди евреев. На пощаду врага нельзя было рассчитывать; оставалось только бежать, прятаться в лесах, искать спасения там, куда казаки еще не пришли.

Натан Ганновер свидетельствовал: «И вот опять началось бегство. Кто имел лошадь и повозку – уезжал, остальные брали жену и детей и убегали, бросая дом с имуществом... Лошади с повозками шли в три ряда по всей дороге от Острога до города Дубно, на протяжении семи верст... По пути нас нагнали трое верховых и сказали: «Что вы тащитесь так медленно? Враги догоняют нас, сейчас они в Межиричах, откуда мы едва спаслись». Тогда началась небывалая паника среди наших братьев... многие женщины и мужчины растеряли детей в суматохе, убежали в леса и овраги».

Евреи могли рассчитывать только на заступничество польских начальников, но восстание украинцев было повсеместным, а польские руководители – слабы и нерешительны. Лишь один из поляков, князь Иеремия Вишневецкий, успешно боролся с казаками и приходил на помощь евреям. Это он казнил немировских мещан за соучастие в резне, и евреи говорили, что Вишневецкий, «как отец о детях», заботился о них. Но этого было недостаточно. Закаленные в боях казаки побеждали поляков на поле боя, и уже ничто не могло их остановить. Десятки цветущих еврейских общин на Украине были разгромлены, тысячи беженцев хлынули в польско-литовские общины, не затронутые бедствием.

А восстание охватило уже часть Белоруссии и Литвы. В Чернигове была уничтожена вся еврейская община, затем в Стародубе, откуда казаки пошли на Гомель. В этом белорусском городе «враги совершили страшное избиение; били несчастных кольями, чтобы медленно умирали. Кучами падали мужья, жены, дети. И не было им погребения, псы и свиньи поедали валявшиеся трупы». По официальным донесениям в Гомеле «было побито жидов с женами и детьми больше двух тысяч, а ляхов с шестьсот человек; из белоруссов же никого не побили и не грабили». По местным преданиям, из всей гомельской общины спаслась только одна еврейка, родоначальница семьи Бабушкиных. Убивали евреев в Пинске, Бресте и Борисове, Пирятине и Лубнах, в городах и деревнях.

Осенью 1648 года отряды казаков и татар стали совершать набеги на внутреннюю Польшу. Шляхта и евреи спасались в укрепленных городах; общий враг сплотил их, и даже мещане-католики забыли на время свою вражду к конкурентам-евреям. Сообща сражались, сообща переносили все тяготы осады и вели переговоры с неприятелем. Осадив Львов, Хмельницкий пообещал пощадить город, если ему выдадут евреев. Магистрат ответил ему, что не вправе распоряжаться евреями, которые подвластны королю и несут службу наравне с мещанами, не уступая им в мужестве. Кончилось тем, что Хмельницкий снял осаду, получив контрибуцию со всего населения, и евреям пришлось для этого продать ценную утварь из синагог. Летописец отметил: «Так была обобрана святая община Львова и уподобилась пруду, из которого выужена вся рыба».

В Белограе, Грубешове и Томашове казацкие отряды вырезали всех евреев, и в еврейском сочинении «Тяготы времен» сказано: «В Томашове сидели еврейские мальчики за одним столом и учились по своим книжкам; враги придавили их столом к стене, так что ни один не остался в живых». Типичная картина того времени определена фразой в письме поляка: «Жида все вырезаны, дворы и корчмы сожжены».

Летом 1649 года на границе Волыни и Галиции стояли друг против друга огромные армии: польская и украинско-татарская. Казаки одолевали, чуть было не забрали в плен

короля Яна Казимира, но татарский хан неожиданно перешел на сторону поляков. После этого Богдан Хмельницкий вынужден был согласиться на ограниченные условия Зборовского договора, по которому из состава Польского королевства выделили казацкую Украину с территориями Киевского, Черниговского и Брацлавского воеводств. Эта часть Украины признавалась автономной, охранялась казацкими войсками, управлялась православными чиновниками, а иезуитам и евреям запрещалось там жить. В договоре было сказано, что евреи не могут быть «ни владетелями, ни откупщиками, ни жителями в украинских городах, где казаки имеют свои полки... А которые жида объявятся за Днепром, тех жидов в запорожском войске грабить и отпускать назад за Днепр».

С заключением мира жизнь стала на время спокойной. Беглецы возвращались на старые места, но не было уже их домов, а был голод, болезни, эпидемии, от которых умирали во множестве; нищие бродили толпами по дорогам, даже «прежние благодетели поступали в услужение», чтобы заработать на кусок хлеба. Король Ян Казимир разрешил евреям, насильно обращенным в православную веру, вернуться к вере отцов. Еврейские женщины, силой повенчанные с казаками, убегали от них и возвращались к своим семьям. Родители разыскивали сыновей и дочерей, насильно окрещенных, и забирали их у христиан; жены разыскивали мужей, не зная, погибли они или проданы в рабство. Коронный Ваад обсуждал вопрос о судьбе жен пропавших без вести и принял постановление, облегчающее их участь, чтобы эти женщины могли выйти замуж.

В знак траура по мученикам Ваад запретил в течение трех лет носить шелковую, бархатную и шитую золотом одежду, украшать себя «золотыми цепочками и ожерельями из жемчуга», не разрешил, чтобы в еврейских домах звучала музыка – даже «для увеселения» жениха и невесты. Во всех общинах Польши и Литвы был установлен ежегодный пост с траурным богослужением в день резни в Немирове – двадцатого числа месяца сиван по еврейскому календарю. (Этот день совпал с постом давних времен – в память евреев французского города Блуа, которых обвинили в ритуальном убийстве и сожгли в 1171 году.)

Вскоре между польским войском и казацко-татарскими отрядами произошло крупное столкновение. На стороне поляков сражался еврейский отряд в 1000 человек; поляки победили, и по договору 1651 года евреям снова разрешили селиться на казацкой Украине, территория которой была уменьшена: «Жида как и прежде были жителями и арендаторами в имениях королевских и шляхетских, так и ныне должны быть». Часть казаков ушла за Днепр, в пределы Московского государства, где возникли казацкие слободы – Харьков, Сумы и другие, составившие Слободскую Украину.

Богдан Хмельницкий пытался сохранить автономную территорию, но в 1654 году отдал себя под защиту русского царя Алексея Михайловича, и под власть России отошла казацкая Украина. Тут же началась война между Москвой и польско-литовским государством, а с ней новые несчастья.

4

Русские войска вошли в Белоруссию, Литву, затем в Польшу, и это принесло евреям огромные бедствия. Их снова грабили, убивали, изгоняли из завоеванных городов.

Раввин Моше Ривкес писал в книге «Колодец изгнания»: «Когда страшное войско подошло к воротам Вильно... бежала оттуда почти вся еврейская община, одни на лошадях и повозках, другие пешком, неся малых детей на плечах. Далеко разносились вопли плачущих, и из моих глаз слезы текли ручьем». Тех, кто не успел убежать, перебили, и в пожаре, бушевавшем более двух недель, сгорел в Вильно еврейский квартал. Когда беглецы вернулись назад, в городе свирепствовали эпидемии и голод, многие от отчаяния покончили жизнь самоубийством. Местные мещане просили русского царя Алексея Михайловича

окончательно изгнать евреев, и он в своей грамоте предписал «жидов из Вильны выслать на житье за город».

Затем после долгой осады был взят город Люблин. В праздничный вечер казаки подошли к синагогу, когда в ней были молящиеся, во время пожара убили сотни человек. Раввин Шмуэль Кайдановер вспоминал: «Всё мое имущество было взято у меня... Две мои дочери убиты... И бросили меня на улице избитого, в крови убитых... Много раз выводил меня враг на смерть, и протягивал я шею свою, как скот на бойне». Резня в Люблине произошла в праздник Суккот, долгие годы затем этот праздник был для люблинских евреев днем памяти и плача. В городе Быхове в Белоруссии убили 300 евреев, затем «огнем и мечом» razорили Пинскую общину и весь Пинский округ. Хмельницкий снова осадил Львов и потребовал от магистрата: «Евреи, как враги Христа и всех христиан, должны быть выданы нам со всем своим имуществом, с женами и детьми». Но магистрат города вновь отказался выдать евреев и откупился огромной контрибуцией.

В Витебске евреи вместе с поляками обороняли город от осаждавших его русских войск: копали рвы вокруг крепости, укрепляли стены, ходили в разведку и сражались. «Во время осады, – свидетельствовали польские дворяне, – евреи постоянно несли стражу, каждый из них имел вооружение и ружье для защиты; не жалея здоровья, они защищались и отражали неприятельские штурмы, позволили разбирать их дома и брать из них материалы, необходимые во время осады... вообще хорошо себя вели и оказывали помощь». Московский боярин В. Шереметьев взял город, после чего казаки ограбили евреев и многих насильно окрестили; часть из них вместе с поляками отправили в ссылку – в Псков, Новгород, Казань, и немало пленников замерзло по дороге.

Когда русское войско взяло Могилев-на-Днепре, местные жители попросили московского царя выселить из города евреев, своих давних конкурентов. На это было получено согласие Алексея Михайловича: «а жидам в Могилеве не быти и жития никакова не имети». Не успели выполнить это распоряжение, как к городу подошло польское войско, и Константин Поклонский – православный шляхтич на русской службе – «принудил насильно» евреев «выступить из города для уменьшения многолюдства, вредного во время осады», обещал дать им проводников в Литву. Но когда они собрались за городом, он выехал к ним со своим войском и перебил всех – мужчин, женщин и детей. Заупокойную молитву в день их гибели читали в синагогах Могилева еще в двадцатом веке.

Война России с Польшей продолжалась до 1667 года, и по Андрусовскому договору левобережная Украина – Малороссия, часть Киевщины вместе с Киевом, а также Смоленская и Чернигово-Северская земли перешли к Москве. На этих территориях евреев практически не было, и некий священник, посетив Малороссию, с удовлетворением отметил, что повсюду господствовала одна лишь православная вера.

5

В 1655 году шведы вторглись в Польшу и быстро овладели страной, в которой царила анархия, захватили центр государства, Познань, Калиш, Варшаву и Краков. Шведы относились к евреям терпимо и не истребляли их, а еврейские общины выплачивали им чрезвычайные военные налоги, которые те могли бы взять и так, путем реквизиции. Это и поставило евреев в вину, когда в Польше поднялось восстание против Швеции, во главе которого встал Стефан Чарнецкий, вождь партизанских отрядов.

Летом 1656 года отряды Чарнецкого отвоевывали у шведов город за городом и громили еврейские общины – под предлогом того, что евреи сочувствовали или помогали шведам. Были уничтожены общины Бреста, Гнезно, Лешно, Плоцка, Ленчице и Калиша, многие синагоги разрушены, убитые насчитывались тысячами, а голод и чума довершили опусто-

шение. Улицы были завалены трупами, некому было их хоронить, и псы пожирали мертвых. В еврейских летописях Стефана Чарнецкого называли «злодеем», «врагом», «палачом в Великой Польше».

Этот страшный период, с 1648 по 1656 год, наконец закончился, евреи стали подсчитывать свои жертвы. Их количество исчислялось десятками тысяч человек, превысив еврейские жертвы крестовых походов и преследований во времена «черной смерти» в Западной Европе. Не случайно отметил впоследствии украинский историк Н. Полетика: «Освободительный путь украинского народа в семнадцатом веке прошел по трупам евреев».

Более семисот еврейских общин были разгромлены. В левобережной Украине не осталось ни одного еврея, и казаки запрещали им туда возвращаться. В некогда больших еврейских общинах сохранилось по несколько семей, а мелкие общины вообще исчезли. Дома стояли разрушенными и пустыми, прежние их обитатели бежали, погибли или оказались в плену у татар. На еврейских кладбищах появилось немало новых захоронений, и не с того времени – надписи на могильных камнях:

«Гибель следует за гибелью...»;

«Пало дерево в полном соку, срублено без почестей от рук злодея...»;

«Да поднимется к Небесам его вопль...»;

«Да отомстит Всевышний за их кровь...»

Та катастрофа произвела на европейских евреев ужасающее впечатление, ее сравнивали с разрушением Иерусалимского Храма; «Такое бедствие не случалось с тех пор, как Израиль лишился своего государства», – писал итальянский раввин. А Натан Ганновер с благодарностью вспоминал о том, как евреи выкупали из плена своих братьев и помогали беженцам: «Куда бы ни обращали свои стопы избежавшие меча, в Моравию, Австрию, Богемию, Германию или Италию – везде к ним относились по доброму, давали им еду и питье, и кров и одежду... Особенно в Германии делали для них больше, чем могли».

Вернувшись на старое место в один из городов Польши, еврейский торговец, арендатор или ремесленник должен был начинать жизнь заново, на пустом месте, среди коренного населения, также разоренного войной. Поэтому и началась еврейская эмиграция на запад – в Вену, Прагу, Амстердам, Гамбург, и о польском происхождении переселенцев напоминают фамилии их потомков во всех частях света – Полак, Поляк, Полячек, Полякко, Поликер, Ляховер, Лехно.

Укоренившись, казалось бы, на польской земле, евреи снова стали изгнанниками, на новом месте, в очередном враждебном окружении. Они оглядывались назад, на Польшу, где оставили родные могилы, и оплакивали – уже издалека – ту трагедию и жертвы страшного времени. «Глаза мои истекают слезами над жестокой гибелью тех, кто прославлял единство Божие дважды в день, – писал рабби Шабтай Шефтель Горовиц, оказавшись беглецом в Вене. – Губил их меч на улице и ужас в домах. Мужчины и женщины, юноши и девушки, как овцы, подставляли шею под нож, не желая спасти свою жизнь служением чужим богам. Горько плачут плакальщики над растерзанными Священными книгами и свитками Торы, из которых враги изготавливали сандалии».

Этот трагический период стал поворотным моментом в истории евреев Европы. Если раньше шла эмиграция с запада на восток, то теперь она поменяла направление: в Германию, Моравию, Чехию и Голландию. Выдающиеся польские раввины и ученые, что бежали в Западную Европу от ужасов тех лет, стали раввинами и главами талмудических школ в крупнейших городах Европы. Раввинская наука, перенесенная некогда из Германии и Чехии в Польшу и Литву и достигшая там расцвета, перекочевала обратно на запад. Лучшие раввины Польши погибли в те годы или эмигрировали; рабби Моше Кац, переселившись в Лотарингию, откуда евреи убегали когда-то в Польшу, писал: «Польша, ты была раем, сре-

доточи́ем учения и знания.., ты славилась возвышенной ученостью, – но теперь ты покинута, овдовела и осталась одинокой».

Еврейство Польши переживало тяжелые времена. «Тяжко согрешили мы перед Господом, – говорилось в воззвании Коронного Ваада. – Смута растет с каждым днем; всё труднее становится нам жить; наш народ не имеет никакого значения среди других народов. Удивительно даже, как это, невзирая на бедствия, мы еще существуем. Единственное, что нам остается делать, это объединиться в один союз, в духе строгого послушания заветам Божиим и предписаниям наших благочестивых учителей и вождей».

6

«Селения запорожских казаков, – отмечал путешественник, – есть сборище многочисленнейших народов... Запорожцы допускают в свое братство всех вообще без различия национальности, если поступающий принимает греческую веру». Среди прочих служили в Запорожской Сечи и казаки-евреи. В «Реестре всего войска Запорожского» за 1649 году названы их имена: Иван Лейба, Трофим Коган, Иван Жидовкин, Демко Юдай, Василь Жидовец, Васька Лейба и другие. Одни из них принимали православие под страхом смерти, других похищали казаки еще в малом возрасте, насильно крестили и готовили затем для военной службы.

Иван Иванович Перекрестов, сын крещеного еврея (такую фамилию обычно давали выкрестам), стал полковником Ахтырского слободского полка в конце семнадцатого века, отличался доблестью и страстью к стяжательству. Одни из подчиненных жаловались на притеснения Ивана Перекрестова, а другие уверяли, что «опричь его другого такого разумного человека нет». В 1704 году Перекрестова отстранили от должности по высочайшему повелению, а его огромные имения отобрали в казну.

Жил в Запорожской Сечи полковник Григорий Герцик, сын крещеного казацкого полковника. Был близок к гетману Мазепе, бежал вместе с ним после поражения шведов под Полтавой, в изгнании получил звание генерального есаула. Герцик ездил для переговоров в Стамбул, чтобы с помощью Турции создать независимую Украину, был арестован в Варшаве по распоряжению русского резидента. Его отправили в Петербург и допросили; сохранился протокол «Допроса Григория Герцика об участии его в измене Мазепы». Находился затем в Москве под строгим караулом, занимался лекарской практикой и так обеднел со временем, что не смог похоронить жену за свой счет. Получал на прокорм по 25 копеек в день и в Москве, скорее всего, умер.

В документах Запорожской Сечи восемнадцатого века есть упоминания о евреях-казаках, которые «выполняли службу верно и радетельно». Вот имена некоторых из них: Василий Перехрист – «родился от евреина Айзика», Иван Перехрист – «взят из жидовской школы набежавшими туда запорожскими казаками», Семен Чернявский – «святое крещение восприняв, записался в казаки и на верную службу присягу принял», Степан Заведовский – «родился в турецком городе Хотине в законе еврейском», Моисей Горлинский – «вывезенный из Бахчисарая жид», Иван Ковалевский – «еврейской породы», Яков Крыжановский – «евреин».

Среди духовенства Украины тоже попадались крещеные евреи: архимандрит Владимир Крыжановский (эту фамилию часто давали выкрестам в Польше), игумен Иннокентий, священник Яков Маркович. Казак Иван Ковалевский стал полковым старшиной, был посвящен затем в священники, умер на Украине протоиереем. В Сергиевой семинарии под Москвой преподавал еврейский и немецкий языки крещеный еврей Варлаам – игумен, а затем архимандрит. (В 1775 году русские войска разгромили Запорожскую Сечь, арестовали атаманов, а оставшиеся в живых казаки бежали в Турцию.)

Добавим любопытную подробность. В 1940 году еврейский историк С. Боровой защитил докторскую диссертацию по истории евреев Украины; в ней был раздел «Евреи в Запорожской Сечи», основанный на архивах казацкой Сечи. Через десять лет после этого в СССР шла борьба с «безродными космополитами». Секретарь по идеологии Одесского обкома компартии упомянул в своем докладе профессора, «который разыскал в Запорожье Янкелей и Ицек», – зал встретил это сообщение хохотом.

В 1672 году турки захватили Подолию и назначили Юрия Хмельницкого, младшего сына Богдана Хмельницкого, гетманом над правобережной Украиной с резиденцией в Немирове. Когда богатый еврей Аарон женил своего сына, не испросив разрешения у гетмана, тот повелел привести его к себе, но Аарон бежал. И тогда по приказу Хмельницкого жена Аарона была «живая облуплена», то есть с нее содрали кожу. Аарон поехал в Каменец-Подольский, пожаловался на Хмельницкого паше, а тот сообщил об этом в Стамбул. По указу из Стамбула Юрия Хмельницкого вызвали в Каменец и устроили очную ставку с Аароном. Хмельницкий не смог оправдаться и по решению суда был казнен.

Летописец Натан Ганновер, автор исторической хроники «Пучина бездонная», жил в Заславле на Украине, бежал от преследований казаков Хмельницкого, скитался по Европе – Германия, Голландия, Италия, Молдавия; поселился, наконец, в Моравии, чтобы обрести покой на старости лет, и был убит во время военных действий. Его хроника начинается такими словами: «Я тот муж, глаза которого узрели жезл гнева, которым разил Господь народ израильский...»

Раввин Меир из польского города Щебржешина составил хронику тех страшных лет под названием «Тяготы времен» – «о годах, подобных головне дымящейся и мечу обоюдоострому... дабы пробудить всех скорбной песней о тысячах убитых, чтобы не стали их души добычей забвения».

Летописцем времен хмельничины был и раввин из Вильно Саббатай га-Коген, который написал «Свиток тягот» «о злых делах и тяжелых бедах». Его хроника заканчивается такими словами: «Да отомстит Господь за кровь Своих рабов, которая, словно вода, орошала камни и деревья. Отомстит... за праведных мучеников, за ученых и мудрых, за... раввинов, канторов, служек, синагогальных певчих, за юношей и девушек, мальчиков и девочек, за почтенных учителей и их юных учеников».

В семье историка С. Дубнова хранилась память об их предке рабби Йосефе, свидетеле зверств казаков Хмельницкого в городе Дубно на Волыни. Дубнов писал: «На могилах этих мучеников ежегодно плакала вся община... Я живо представляю себе фигуру моего предка рабби Йосефа из Дубно, как он поднимается с постели до рассвета и справляет обряд полночного траура, плачет о судьбе гонимой нации и поет сквозь слезы: «Доколе плач в Сионе и рыдания в Иерусалиме»...»

Очерк одиннадцатый **Надежды на освободителя. Ожидание** **прихода Мессии. Саббатай Цви –** **лжемессия. Вера в него. Предмессианские** **приготовления. Переход Саббатая Цви в ислам**

«Там было более четырехсот мужчин и женщин, которые пророчествовали о наступающем царстве Саббатая Цви. Даже едва лепетавшие дети повторяли его имя. Люди постарше падали сначала в изнеможении, изо рта у них текла пена, затем они говорили об избавлении и будущем счастье евреев...»

1

В жизни еврейского народа в странах рассеяния было немало гнета, преследований, страхов перед завтрашним днем. Такая жизнь давала мало радости и спокойствия, и люди искали утешения в надеждах, что скоро наступят мессианские времена, придет избавитель Мессия – Машиах, и всё сразу же изменится к лучшему. Вера в избавителя, вера в идеальное будущее стала характерной чертой еврейского сознания; она помогала преодолевать гонения и изгнания, погромы и преследования, большие катастрофы и катастрофы малые. Моше (Моисей) вывел евреев из Египта, освободил от рабства, в Талмуде он назван «первым избавителем» народа; «последним избавителем» будет Мессия.

Каждый день читают евреи молитву о его пришествии. Он будет из рода Давида. Он освободит Иерусалим, соберет со всех концов света народ Израиль, распределит его по коленам в Святой Земле и установит царство мира. Исполненный духом Божиим и справедливостью, Мессия заставит грешников силой своего слова отказаться от греха; у него не будет войска, и единственной его опорой станет Всевышний. В таких условиях страна начнет процветать, другие народы придут к Мессии на суд и на совет, плодами его правления станет мир и порядок в его владениях. «И волк будет жить рядом с ягненком, – говорил пророк Исайя, – и леопард будет лежать с козленком; и телец, и молодой лев, и вол будут вместе; и маленький мальчик будет водить их... Ибо полна будет земля знанием Господа, как полно море водами... И будет жить народ мой в обители мира, в жилищах безопасных и в покоех тихих».

Существуют разные толкования будущих мессианских времен, но все они сходятся в одном: еврейский народ вернется на свою землю, заживет спокойно и счастливо под властью Мессии. Евреи верили в это всегда и везде; верили в это и евреи Польши. Но когда разразилась страшная катастрофа, казаки Хмельницкого уничтожили сотни еврейских общин, оставив за собой неисчислимые жертвы, в сознании оставшихся в живых, отчаявшихся и обезумевших от ужаса созрела мысль: «Так жить нельзя!» Что-то должно свершиться – теперь, немедленно, чтобы положить конец бесконечным народным страданиям. Один из беглецов писал в те дни в страстной мессианской тоске: «Боже, когда же наконец наступит время последних чудес? Ты видишь: Твои сыновья и дочери отданы в руки чужого народа. Покажи же нам чудеса, как во дни нашего исхода из Египта!»

По удивительному совпадению 1648 год – начало ужасов хмельничины – был определен заранее как год пришествия Мессии. По еврейскому летосчислению это был 5408 год от сотворения мира, а в кабалистической книге «Зогар» имелось такое предсказание:

«В шестое тысячелетие, по истечении 408 лет (5408), все подземные обитатели воскреснут, ибо сказано: в этот юбилейный год каждый из вас вернется в свой удел». Но вместо освобождения пришла гибель в тот год – многим и многим, и это заставило задуматься над тайным смыслом подобного совпадения. Рабби Шабтай Шефтель Горовиц писал: «В 408 году шестой тысячи, когда я надеялся выйти на свободу, злоумышленники решили искоренить Твой народ». Талмудист Шабтай Коэн вторил ему: «В год, когда моему воображению рисовался первосвященник из потомков Аарона, входящий в святилище Иерусалимского Храма, моя радость превратилась в печаль».

Потрясение было велико, но оно не уничтожило мессианских ожиданий. Наоборот, стали говорить, что эта катастрофа только подтверждает близость прихода Мессии. Ведь его пришествию, как известно, должны предшествовать великие потрясения, чудовищные кровопролития, нашествие варваров Гога и Магога, всё то, что в еврейской мистике называется «муками рождения Мессии». Казацкая резня на Украине – это и есть первый приступ родовых мук, начало того мучительного процесса, из которого выйдет очищенный и спасенный Израиль. Рабби Иехиэль Михель, убитый казаками в Немирове, определил незадолго до гибели, что буквы имени Хмель (Хмельницкий) – это начальные буквы слов такого выражения на иврите: «Муки рождения Мессии наступят на земле». А польский раввин Эфраим высчитал, что числовое значение слов «хевлей Машиах» – «муки рождения Мессии» – равно 408.

Так возник в глубинах народа новый мессианский порыв, и эта вера распространилась по еврейскому миру. Везде ждали спасения – с нетерпением, с глубокой верой в Мессию, который наконец-то освободит свой народ и приведет его в Святую Землю. Он должен был появиться, этот избавитель, которого так страстно ожидали, он не мог не появиться; звали этого человека, которого приняли за Мессию, Саббатай Цви. Он настолько всколыхнул еврейские умы, так ему поверили, так пошли за ним беззаветно по пути к освобождению, так потом запутались, растерялись, раскаялись, – поистине, только время великих народных бедствий могло родить веру в подобного «освободителя».

2

Этот человек родился в турецком городе Измире, в бедной семье, в 1626 году, в девятый день месяца ав по еврейскому календарю – в день национального траура по разрушенному Иерусалимскому Храму (в этот день по еврейской традиции должен родиться Мессия).

С детства Саббатай (Шабтай) Цви изучал Талмуд и кабалистические книги, и вскоре у него появились ученики, его ровесники. Вместе с ними он ходил к берегу моря, молился, распевал псалмы, и в городе узнали о необычном поведении юноши. Отец женил его на молодой красавице, но Саббатай Цви избегал близости с женой, и ее родители заставили его дать ей развод. Его женили вторично, однако он снова развелся. Саббатай Цви проводил ночи в пении и молитвах, периодическими постами доводил себя до состояния экстаза, что привлекало к нему почитателей. Его отец, став маклером английской фирмы, быстро и неожиданно разбогател – это тоже приписали поведению сына.

То было время ожидания прихода Мессии; по кабалистической книге «Зогар» делали заключение, что это произойдет в 5408 (1648) году. Христиане, со своей стороны, выводили из книги «Апокалипсис», что в 1666 году должен произойти великий переворот в жизни еврейского народа: все евреи либо перейдут в христианство, либо появится еврейский Мессия, восстановит их государство на Святой Земле. И в душе молодого мистика, которого толпа считала святым, зарождается невероятная мысль: не он ли тот самый, всеми ожидаемый Мессия, приход которого предсказывают кабалистические книги?

В 1648 году началась кровавая резня евреев на Украине, и Саббатай Цви усмотрел в этих событиях наступление «предмессиянских мук» Израиля. Он открыл свою тайну ученикам, и те с ним, конечно же, согласились: он, Саббатай Цви, призван освободить свой народ! И тогда он решился на смелый шаг: публично, в синагоге, произнес четырехбуквенное имя Всевышнего, которое разрешалось произносить одному лишь первосвященнику, да и то раз в году, в день Йом Кипур, во время богослужения в Иерусалимском Храме. Раввины города предали его анафеме, заставили покинуть город, и вместе со своими учениками он отправился в Салоники, а оттуда в Стамбул. Жил он роскошно, у его отца были деньги, и он не жалел их для сына.

В Стамбуле к нему примкнул местный проповедник, переписчик и знаток старинных рукописей Авраам Яхнин. Предполагают, что именно этот человек принес Саббатаю Цви рукопись, якобы найденную в пещере, с таким удивительным пророчеством: «И родится сын у Мордехая Цви в 5386 году, назовут его Саббатай Цви, и он победит великого крокодила, лишит силы змею лютую. Он и есть истинный Мессия... Его царство будет вечным, и кроме него нет избавителя у Израиля... О нем пророчествовал Хавакук: «Праведник верой своей жить будет»... Современники станут его преследовать и оскорблять... хотя они раввины и вожди поколений. Он будет творить великие чудеса и пожертвует собой для прославления имени Господа».

Эта рукопись произвела на Саббатая Цви ошеломляющее впечатление. Он не допускал мысли, что она поддельная. Он хотел верить, и он в это поверил. Ведь из первых букв слов пророчества, написанного на иврите, – «Праведник верой своей жить будет», – получалось имя Цви, его имя. Ведь за ним действительно шли почитатели, его преследовали раввины – всё подтверждало пророчество из «старинной» рукописи. И, воодушевленный, он поехал из Стамбула в Каир. Там жил богатый еврей Рефаэль Йосеф Челеби, откупщик государственных пошлин и государственный казначей. Он окружал себя мистиками, гадалками и сразу же стал последователем Саббатая Цви, предоставив в его распоряжение свое состояние. Чтобы привлечь внимание евреев всех стран, центром движения решили избрать Иерусалим, и Саббатай Цви отправился туда.

Ему было уже тридцать семь лет. Он жил в Иерусалиме, посещал гробницы еврейских мудрецов, молился, плакал; проходя по улицам, раздавал детям сладости и своей святой жизнью завоевывал всеобщее доверие. В то время турецкий паша потребовал от иерусалимских евреев огромную сумму денег и пригрозил жестоким наказанием в случае неуплаты. Саббатай Цви поехал в Каир просить помощи у Рефаэля Йосефа, тот выдал нужную сумму, и иерусалимская община благословляла Саббатая Цви – избавителя от серьезной опасности.

Популярность его росла. Когда он приехал в Хеврон, местные евреи окружили дом, в котором он остановился, и всю ночь смотрели через окно в освещенную комнату, как этот человек ходил от стены к стене и распевал псалмы. Местный житель так описал его внешность: «С трепетом взглянул я на этого рослого, как кедр ливанский, человека с румяно-черноватым красивым лицом, с круглой черной бородой, одетого по-царски, с внушительным видом. Я не мог оторвать глаз от него во всё время, пока он молился в синагоге и у гробниц праотцев».

Когда Саббатай Цви жил в Каире, еще одно событие привлекло к нему всеобщее внимание. Задолго до этого, во времена казацкого восстания на Украине, в одном из разгромленных местечек попала в плен Сарра, девочка семи лет. Ее родителей убили казаки на ее глазах, а Сарру отдали в монастырь, где она прожила десять лет. Однажды ночью она убежала из монастыря и спряталась на еврейском кладбище на окраине города. Наутро евреи нашли ее там – без платья, в ночной рубашке. Сарра рассказала им, что покойный отец явился ей во сне и унес из монастыря на кладбище. Ее тайно переправили в Амстердам, чтобы она могла вернуться в иудейство, и там она случайно встретила своего брата, которого давно считала

убитым. Эти события повлияли на ее психику, она стала истеричной и всё время внушала себе, что предназначена к чему-то великому, небывалому.

Узнав о появлении Саббатая Цви, Сарра объявила себя невестой Мессии. Слухи о девушке дошли до Каира, и Саббатай Цви заявил, что и ему свыше указано жениться на ней. Сарру привезли в Каир, и в доме Рефаэля Йосефа отпраздновали их свадьбу. Святой праведник и красавица-мученица – в глазах толпы это выглядело чудом.

3

Очевидно, Саббатай Цви был психически неуравновешенным человеком, что проявлялось у него в чередовании приступов подавленности с необузданным возбуждением. Его последователи объясняли такое поведение его переходами от «озаренности» к «падению», от восторженного «пребывания на высочайших ступенях» к духовной «бедности и нищете». В состоянии возбуждения он совершал поступки, которые противоречили еврейским религиозным законам, а затем, когда «озарение» покидало его, «вел себя как нормальный человек, – писал один из его почитателей, – и сожалел о странных поступках, совершенных им, ибо переставал понимать их причину, как он понимал ее, совершая их».

Возможно, Саббатай Цви так бы и остался одним из мистиков, которые грезил о своем мессианском призвании, если бы не его последователь – Натан Ашкенази. Этот человек родился в Иерусалиме в бедной семье; его отец был разъездным сборщиком пожертвований в пользу бедняков Святой Земли, и от него Натан услышал печальные рассказы о евреях Польши. Он женился на дочери купца из Газы, поселился в этом городе, и его стали называть Натан из Газы – или Натан Газати. Он изучал кабалу, увлекался мессианскими идеями; когда появился Саббатай Цви, сразу признал в нем истинного Мессию – освободителя народа.

По еврейской традиции предтечей Мессии должен быть Илья-пророк, и Натан из Газы стал уверять всех, что душа Ильи-пророка вселилась в него. Он исцелял беснующихся, изгонял из людей злых духов, пророчествовал – и это он, двадцатилетний юноша, окончательно убедил Саббатая Цви в истинности его мессианского посланничества, предложил подробный план действий: организовать евреев всех стран, отправиться в Стамбул, свергнуть с престола султана и стать царем на Святой Земле. В синагоги разных стран Натан разослал послание, которое наделало много шума: «Братья, сыны Израиля! Да будет вам ведомо, что родился Мессия наш в городе Измире по имени Саббатай Цви, царство которого скоро наступит. Он сорвет корону с головы султана и наденет на свою главу, а султан последует за ним, как раб-ханаанец, ибо ему принадлежит власть... И поедет верхом на льве наш Мессия, и поведет всех евреев в Иерусалим... Так говорит Натан Биньямин Ашкенази».

Послания Натана произвели переполох в Иерусалиме. Местные раввины опасались преследований со стороны турецких властей, и Саббатаю Цви пригрозили отлучением, если он будет продолжать свою агитацию. Тогда он переехал на родину, в Измир, откуда его когда-то изгнали, – теперь его встретили там с восторгом. За ним шел преимущественно простой люд: рабочие, рыбаки, мелкие торговцы. Несколько сот человек, мужчины и женщины, составили гвардию Саббатая Цви, которая охраняла его в доме и на улице. Появилось немало пророков и пророчиц – стариков, женщин, детей, которые в припадках и конвульсиях говорили о пришествии Мессии.

Английский консул сообщал из Измира: «Там было более четырехсот мужчин и женщин, которые пророчествовали о наступающем царстве Саббатая. Даже едва лепетавшие дети повторяли его имя. Люди постарше падали сначала в изнеможении, изо рта у них текла пена, затем они говорили об избавлении и будущем счастье евреев, передавали свои видения о Сионе и торжестве Саббатая». Один из его противников, с которым толпа хотела расправиться, прибежал домой и увидел, что его дочери бьются в истерике и пророчествуют

о Мессии. После этого он смирился, попросил прощения у Саббатая Цви, стал его последователем; это был массовый психоз, который действовал и на здоровых людей.

В Измире начались предмессианские приготовления. Люди бросали свои дела, проводили дни и ночи в синагогах, молились, постились, каялись; были даже такие, что зарывали себя по пояс в землю и стояли так целыми сутками, выдумывали самые невероятные покаяния, «подобных которым, никто не видел и никогда не увидит, пока не наступит истинное Избавление». Но люди не только каялись, но и ликовали, потому что появились вроде бы первые симптомы освобождения после шестнадцати веков рассеяния и страданий. Повсюду веселились, пировали, ходили по улицам города шумными процессиями, пели псалмы и гимны в честь Мессии. Саббатай Цви ходил вместе со всеми, пел стих из псалма: «Десница Бога поднялась, десница Бога побеждает!»

Общий психоз влиял на его решения, и осенью 1665 года, в день еврейского Нового года, в синагоге города, при трубных звуках Саббатай Цви торжественно объявил себя Мессией. Он возвестил еврейскому народу, что чаша страданий переполнилась, день искупления настал, и он призван избавить народ от притеснений. «Ваша грусть и печаль должны превратиться в радость, и посты ваши да станут днями веселья, ибо вы не будете больше плакать. Радуйтесь, пойте и веселитесь; дни, которые вы раньше проводили в печали, превратите в дни ликования, ибо я явился к вам!» Все возглашали в ответ: «Да живет наш царь, наш Мессия!»

Это были тяжелые, беспросветные годы для евреев Европы. Народ жаждал избавителя, и потому с такой легкостью пошли многие за Саббатаем Цви. Саббатрианское движение перешло границы Турции, захватило Ливорно, Венецию, Амстердам, распространилось по Германии, Венгрии, Италии, Австрии, Богемии, Моравии, Польше. Евреи заявляли христианам, что пришел их избавитель, и отныне они не рабы. Самые нетерпеливые продавали дома и имущество, со дня на день ожидая сигнала, чтобы отправиться в Святую Землю. Кабалисты заявили, что для облегчения прихода «геулы» – избавления надо «проявить души, имеющиеся в потенции», то есть дать телесную оболочку тому запасу душ, которые имеются на небе. Для этого стали устраивать свадьбы, и в одних только Салониках обвенчали 700 пар мальчиков и девочек.

Были, конечно, противники этого движения, но их не хотели слушать на пороге «удивительных событий». «В Амстердаме волновались и шумели. На площадях и на улицах двигались толпы народа с веселой пляской под звуки барабанов; плясали и в синагоге, вынимали из ковчега свитки Торы в красивых покрывалах и выносили на улицу. Не обращали внимания на зависть и неприязнь христианского населения, громко выкрикивали новые вести, не боясь насмешек христиан». Натан из Газы разослал по общинам специальные молитвы, и их включили во вновь изданные молитвенники: «Тот, Кто дает спасение царям и власть сановникам... пусть охранит, благословит и возвеличит нашего господина и царя Саббатай Цви, Мессию Бога Якова... и народы всех стран да поклонятся ему... Аминь».

По еврейской традиции сначала должен прийти Мессия из рода Йосефа, который обречен на гибель в борьбе с воинством Гога и Магога, и лишь затем придет истинный Мессия из рода Давида. Чтобы не было никаких сомнений, Саббатай Цви объявил в синагоге, что он Мессия из рода Давида, а его предтеча – Мессия из рода Йосефа – уже совершил свой подвиг в образе польского еврея, который погиб мучеником за веру во время казацкой резни. Это еще больше укрепило веру в него: в синагогах плясали со свитками Торы в руках, пели, играли на инструментах, удивленным христианам без страха отвечали: «Наш царь-Мессия пришел».

Гликель из немецкого города Гамельна писала в воспоминаниях: «Как велика была наша радость, когда стали доходить до нас письма о Саббатае Цви, – рассказать невозможно!.. Мой тесть... прислал нам две большие бочки со всякими продуктами и одеж-

дой; там были горох, копченое мясо, компоты из слив и сушеных плодов, другие припасы, которые могут сохраняться. Добрый человек полагал, что мы отправимся прямо в Святую Землю. Больше года стояли у нас эти бочки, и только потом... мы вскрыли их и вынули всё съестное; одежды же хранились еще три года, ибо старик надеялся, что это пригодится ему в дороге».

Христиане заинтересовались этими известиями и перепечатывали сенсационные слухи о Саббатае Цви, которые приходили с Востока. Лондонские пуритане ожидали в 1666 году наступления апокалиптического «нового царства» и держали пари, станет ли Саббатай Цви в этом году царем в Иерусалиме. Известия о нем сообщали российскому царю Алексею Михайловичу, а православный священник из Киева Иоаникий Голятовский написал специальную книгу под названием «Мессия праведный», чтобы слухи о Саббатае Цви не поколебали христиан в их вере.

В ее предисловии сказано:

«Я написал эту книгу, потому что на Волыни, в Подолии, в Литве и в Польше жидовское нечестие слишком высоко подняло рога свои; явился на Востоке, в Измире, какой-то плут Сабефа (Саббатай) и назвался жидовским мессиею, прельстив жидов ложными чудесами; он обещал им восстановить Иерусалим и Израильское царство, возратить им их отечество и вывести из неволи. Глупые жида торжествовали, веселились, надеялись, что мессия возьмет их на облака и перенесет в Иерусалим, и где бы ни явилось облако, евреи похвалялись перед христианами, говоря, что облако пришло за ними...

Иные по целым дням постились, не давали есть даже малым детям, и во время суровой зимы купались в прорубях, читая какую-то вновь сочиненную молитву... и много жидов умерло от суровой стужи, купаясь в холодной воде подо льдом. Тогда жида смотрели на христиан высокомерно, угрожали им своим мессиею и говорили: вот, мы будем вашими господами. Ваши короли, князья, гетманы, воеводы, сенаторы будут нашими пастухами, пахарями, жнецами: будут дрова рубить, печи нам топить и делать всё, что жида им прикажут; вы должны будете принять иудейскую веру и поклониться нашему мессии...

Некоторые малодушные и бедные христиане, слыша рассказы о чудесах ложного мессии и видя крайнее высокомерие жидов, начали сомневаться о Христе: точно ли он был действительный мессия; стали склоняться к вере в ложного мессию, напуганные угрозами о его строгости. Для того, чтобы христиане не тревожились вестями о ложном мессии и, не сомневаясь, верили, что Иисус Христос был истинный мессия, — я написал книгу эту».

4

В январе 1666 года Саббатай Цви вместе со своей свитой отправился на корабле из Измира в Стамбул, чтобы свергнуть с престола турецкого султана и стать царем на Святой Земле. Весть об этом разнеслась по разным странам, народ замер в ожидании перемен. Перед отъездом Саббатай Цви разделил весь мир между двадцатью шестью ближайшими приближенными и назначил их царями над разными областями. Говорят, что одним из кандидатов в цари оказался измирский нищий Авраам Рубио. Общая вера в победу избавителя была настолько велика, что богачи Измира предлагали нищему огромные деньги в обмен на будущее царство, но он ни за что не соглашался.

Главы стамбульской общины опасались гнева турецкого султана, который мог усмотреть в этих событиях начало еврейского восстания. Чтобы снять с себя подозрения, они сообщили властям о человеке, который прибывает в столицу Турции, называя себя избавителем еврейского народа. И когда корабль пристал к берегу, его уже ожидала турецкая полиция. Саббатай Цви арестовали, допросили, на вопрос: «Кто ты?» он ответил: «Я ученый из Иерусалима, уполномоченный для сбора пожертвований в пользу бедняков». После этого

его заковали в кандалы и отвезли в крепость Абидос возле Дарданелльского пролива, на полуострове Галлиполи.

Его последователей смутило неожиданное развитие событий, но заключение в крепость объяснили таким образом: грехи народа еще велики, и Мессия должен их искупить своими страданиями. Это вызвало новый взрыв покаяния, в синагогах не прекращался плач кающихся, а секретарь Саббатая Цви сообщал из Стамбула в дальние страны, что Саббатая приняли там с почетом, он въехал во дворец султана верхом на льве, а султан надел на него царскую корону и сделал своим помощником.

Сторонники Саббатая Цви подкупили коменданта крепости; тот отвел ему несколько комнат и разрешил жить вместе с ним его жене и приближенным. Его комната в крепости была устлана роскошными коврами, обставлена золоченой мебелью. Тысячи евреев из Египта, Германии, Голландии, Италии, Турции, Персии, Северной Африки и Эрец Исраэль приезжали поклониться царю-Мессии, и когда попадали на аудиенцию, казалось, что они видят перед собой еврейского царя. Пышная обстановка, свита, теснящиеся в приемной люди со всех концов света производили впечатление на посетителей, рассказы об этом они разносили по своим общинам. Говорили, что это лишь краткая остановка на пути в Иерусалим, и крепость в Галлиполи стала как бы временной столицей Саббатая Цви. Начальник крепости брал с посетителей деньги и разбогател на этом; пустынный городок оживился к удовольствию местных жителей, которые получали хорошие доходы с приезжавших.

Верующие в Саббатая Цви переименовали крепость Абидос в «Мигдаль Оз» – мистическую «Башню могущества»; даже непоколебимые его противники засомневались и запросили стамбульских раввинов, правильны ли слухи о предстоящем избавлении. Это письмо попало к саббатианцам, и они – из опасения перед турецкими властями – ответили в аллегорической форме: «Вы спрашиваете о молодом ягненке, которого купил Израиль Иерусалимский, сын Авраама, и по поводу которого возникло разногласие между родственниками, выгодна ли сделка, – знайте, что товар лучшего качества, имеет сбыт во всех странах, и горе тому, кто в этом сомневается. По мнению опытных купцов, прибыль предстоит громадная. Надо только ждать большой ярмарки». Это письмо переходило из рук в руки, с него снимали копии и зачитывали вслух в синагогах Европы.

Из крепости Абидос рассылали декреты от имени «Саббатая Цви, Мессии Бога Яакова» – об отмене всех дней национального траура, а девятого ава 1666 года, в день своего сорокалетия, Саббатай Цви отменил даже пост в память разрушения Иерусалимского Храма. По этому поводу было разослано особое послание: «Я приказываю вам наступающее девятое ава праздновать торжественно, дорогими яствами и приятными напитками, иллюминацией и пением, ибо это – день рождения Саббатая Цви, вашего царя, наивысшего из царей земли...» Во многих странах соблюдали это распоряжение, несмотря на запреты раввинов, Дело доходило порой до драк, а в Венеции даже убили еврея, который не захотел встать во время чтения молитвы во здравие узника крепости Абидос. Сам Саббатай Цви разрешал убивать своих противников: «Кровь их разрешена, и убивающий таких людей даже в день субботний наследует рай».

Польские раввины, строгие ревнители еврейских законов, послали в Стамбул двух уважаемых ученых: они должны были выяснить, действительно ли Саббатай Цви обладает теми качествами, которые должны быть у истинного Мессии. В крепости их встретили с большим почтением, потому что придавали важное значение приезду послов из крупнейшего центра еврейства. Они рассказали Саббатаю Цви об ужасах времен хмельничины, но он прервал их, указав на книгу «Тяготы времен»: «Вы видите эту книгу? Она не сходит с моего стола. Я одет в красное облачение, и свитки Торы одеты в красное, ибо близок день мести, и год избавления настал. Сообщите эту радостную весть всем нашим братьям».

Затем Саббатай Цви молился, пел гимны, на словах «Вспомни, Боже, что стало с нами» – заплакал, и послы плакали вместе с ним. На прощание он передал им записку: «Скоро я отомщу за вас и утешу вас, как утешает мать»; послы ушли от него очарованными, а их рассказы о том визите производили повсюду огромное впечатление. «Эти двое ученых, – писал один из противников Саббатая Цви, – своими рассказами и писаниями затуманили всем головы в Германии и Польше».

В крепость Абидос приехал известный польский кабалист Нехемия га-Коэн. Три дня и три ночи он провел наедине с Саббатаем Цви, спорил с ним о тех моментах, которые должны предшествовать появлению истинного Мессии. Доводы Саббатая Цви не убедили Нехемию, спор закончился скандалом. Нехемия назвал его лжемессией, совратителем народа, достойным смерти по библейским законам о лжепророке. Сторонники Саббатая Цви возмутились, хотели его убить, но Нехемия выбежал из крепости на площадь, объявил себя мусульманином и сообщил местным властям, что Саббатай Цви – самозванец, который вводит евреев в заблуждение и призывает к восстанию. Вероятнее всего, Нехемия прикинулся мусульманином, чтобы положить конец этому движению, – известно, во всяком случае, что он вернулся в Польшу, был правоверным евреем, вёл жизнь бедного странника.

Об этом деле доложили султану Мехмету IV, и тот распорядился привезти к нему Саббатая Цви. Это вызвало тревогу и надежду у стамбульских евреев: одни из них верили, что он «идет сорвать венец с головы султана», другие опасались репрессий турецких властей. Советники султана посоветовали не казнить Саббатая Цви, чтобы тому не поклонялись затем как мученику, а обратить его в ислам: это лучше всего оттолкнуло бы его приверженцев. В сентябре 1666 года к Саббатаю Цви явился придворный врач Гидон – еврей, перешедший в ислам, и сообщил, что за подстрекательство к мятежу его ожидает страшная, мучительная казнь, и лишь принятием ислама он сможет спасти свою жизнь.

Трудно сказать, что повлияло на решение Саббатая Цви: боязнь казни, вера в необходимость нового испытания или желание сохранить жизнь для подвигов, назначенных ему свыше. Когда его привели к султану, Саббатай Цви еще на пороге бросил на пол свою шляпу и надел на голову турецкий тюрбан, что означало немедленную готовность перейти в мусульманскую веру. Султану понравилась его покорность, он возвел Саббатая Цви в чин придворного привратника и назначил ему жалованье. Его жена Сарра и близкие приближенные тоже стали мусульманами. Через девять дней после этого он написал в Измир: «Кончено. Господь сделал меня исмаильянином. Он повелел – и то свершилось. Брат ваш Махмет Капиги-Баши. В девятый день моего перерождения».

Дальнейшая его жизнь мало интересна: то он ревностно изучал Коран, то целыми ночами, рыдая, распевал псалмы. Возле него сосредоточилась группа почитателей, и тогда султан сослал его в далекую Албанию. В день Йом Кипур 1676 года, больной и одинокий, он скончался в захолустном городке Дульциньо. Было ему 50 лет, и место его захоронения неизвестно.

Переход Саббатая Цви в ислам вызвал смятение среди евреев. Подавляющее большинство с ужасом отшатнулось от ренегата, но не все примирились с такой развязкой. Говорили, что он сделал это намеренно, чтобы войти в доверие к султану, выведать его финансы и силу. Говорили, что сделал он это для того, чтобы обратить мусульман в еврейскую веру. Рассказывали, будто султан надел ему на голову тюрбан с царской короной и поставил во главе турецкой армии, которая пойдет в Польшу отомстить за еврейских мучеников. Уверяли, что это не он принял ислам, а его призрак, а Саббатай Цви вознесся на небо и скоро вновь появится для избавления еврейского народа. Надо только подождать. Он скоро вернется. Он закончит начатое дело.

После отступничества лжемессии Натан из Газы продолжал рассылать письма в разные общины: «Крепитесь в вашей вере. Пусть вас не смущают слухи о нашем господине, ибо

все его дела – чудесные опыты, и человеческий разум не может постичь их глубины. Скоро всё выяснится, и по последствиям вы всё поймете. Блажен тот, кто дождется спасения от истинного Мессии, царство которого скоро откроется!» И некоторые продолжали в это верить. Когда народу плохо, обязательно нужна надежда на освобождение. Надежда на освободителя. Но Саббатай Цви не оправдал этой надежды.

Гликель из Гамельна, современница событий, писала: «О, Владыка Небесный! Надеялись мы тогда, что Ты, Боже милостивый, сжалишься над своим несчастным народом Израильским и освободишь его. Так надеялись, как надеется женщина, что после целого дня страданий и после ночи ужасных мучений придет избавление, счастливые роды принесут облегчение и радость, – но наступило утро, и она родила лишь ветер. И так же Отец наш, Царь наш, случилось с нами... Народ Израиля будто к великим родам готовился, но родился лишь ветер...»

5

Лжемессии появлялись в еврейской истории в разные времена, в разных странах, и все они заявляли, что их цель – восстановление еврейского царства. Появление очередного лжемессии порождало надежды, а затем и горькие разочарования, раздоры в общинах, возникновение новых сект, а временами и отпадение от иудаизма.

Иосиф Флавий сообщал о появлении лжемессий за сто лет до разрушения Второго Храма, когда римляне теснили Иудею, и народ видел спасение в приходе Мессии. «Появились люди... – писал Флавий. – Они обманывали и вводили в заблуждение народ... Народ действовал под их влиянием, как безумный, и шел за ними в пустыню, думая, что Господь удостоит их лицезреть предзнаменования свободы». Иосиф Флавий упоминает лжемессию по имени Теудас, который звал людей к Иордану и обещал, что река расступится перед ними; римская конница разогнала толпу, а его самого взяли в плен.

Был некий еврей из Египта, который привел евреев к Масличной горе и обещал, что стены Иерусалима падут перед ними, – солдаты рассеяли толпу, а лжемессия бежал. Другой мнимый избавитель повел многих в пустыню, где их перебили римские воины. И был даже лжемессия, который во время падения Иерусалима увлек за собой людей в горящий Храм, навстречу чудесам, где они погибли в пламени. Прихода Мессии ожидали и в середине пятого века: на острове Крит объявился некий Моше, который обещал провести евреев в Святую Землю, пешком по морю. В назначенный день его последователи собрались на берегу моря, по сигналу бросились в волны и многие утонули.

В конце одиннадцатого века, во время Первого крестового похода, еврейские общины Византии ожидали пришествия Мессии. Беглецы с севера рассказывали о пережитых мучениях – предмессианских страданиях; рассказывали и о том, что из-за «темных гор» уже двинулись на помощь несметные полчища десяти исчезнувших колен Израиля, к ним присоединяются войска из Хазарии, и как только крестоносцы придут в Палестину и «наполнятся гумно», еврейские отряды набросятся на них и начнут «молотить»: так было обещано у пророка Михи – «Поднимись и молоти, дочь Сиона!» В Салониках уже говорили, что появился Илья-пророк, предтеча Мессии, в него поверили даже христиане, а салоникийский епископ будто бы укорял местных евреев: «Чего вы ждете? Продавайте дома, вещи и идите в Палестину, потому что ваш Мессия уже выступил». В тот период лжемессии появлялись во Франции, Испании и Германии.

В двенадцатом веке, в Йемене, арабы заставляли евреев принимать мусульманство; тогда-то и появился мнимый избавитель. Брожение среди евреев Йемена вызвало послание Рамбама, чтобы укрепить их в вере, – его зачитывали во всех йеменских общинах. Впоследствии Рамбам вспоминал:

«Меня беспокоила судьба тамошних евреев, и я написал им три послания по вопросу о царе-Мессии, его признаках и о знамениях времени, когда он может появиться, причем внушил им, чтобы они предостерегли этого человека, чтобы он сам не погиб, а с ним не пострадали бы общины. Кончилось тем, что через год его схватили, а все приверженцы его разбежались. Один из арабских царей, схвативших его, сказал ему: «Что же ты наделал?» А тот ответил: «Господин мой, царь, всё это я сделал по слову Божию». – «Чем ты это докажешь?» – спросил царь. И тот сказал: «Отруби мне голову, а я тотчас же оживу и встану в прежнем виде». – «О, это действительно большое чудо! – воскликнул царь. – И если ты его совершишь, то и я и весь мир поверим, что твои слова истинные и что наши предки завещали нам пустые, бесполезные верования».

Царь приказал подать меч, этому несчастному отрубили голову, и он погиб. Да будет его смерть искуплением для него и для всего Израиля! Евреи же во многих местах были наказаны денежными штрафами. Однако и теперь еще (спустя двадцать лет) там есть неразумные люди, которые говорят, что этот человек скоро воскреснет и встанет из гроба».

Радикально настроенные саббатанцы полагали, что поступки Саббатая Цви служат для них образцом, и вслед за ним приняли ислам. Однако умеренные саббатанцы считали, что не следует принимать ислам: лишь Мессия достиг границ нового мира, в котором старые законы утрачивают силу. Происхождение от предков-саббатанцев считалось впоследствии величайшим позором; в общинах даже уничтожали документы, которые могли указать на это.

Пропаганда за Саббатая Цви сначала проводилась открыто, но прошли годы, не сбылась надежда на его возвращение, и саббатанство ушло в подполье. Появились мелкие секты, во главе которых стояли ученики Саббатая Цви, выдававшие себя за Мессию. Ссылаясь на указания Талмуда – «Сын Давида придет только в такой век, который будет или совсем порочным, или совсем невинным», саббатанцы делали вывод: если невозможно стать святыми, будем тогда грешниками. В их сектах считалось, что зло можно победить только злом; все должны сойти в царство зла, чтобы победить его изнутри; чем грязнее тело, тем чище душа, а потому идеалом святого является та степень, о которой сказано в кабалистической книге «Зогар»: «Хорош внутри, но покров его плох».

В начале двадцатого века в Салониках существовала саббатанская секта «дёнме» (в переводе с турецкого – обращенный, перевернутый). В секте было до пятнадцати тысяч человек, они жили замкнуто, вступали в брак только между собой, выдавали себя за правоверных мусульман, но тайно исповедовали свою веру. Члены секты верили в единого Бога и в его пророка Саббатая Цви; считали, что в будущем все евреи станут «мааминим» – верующими в Саббатая Цви, а до этого нельзя вступать с ними в брак; полагали, что загробная жизнь существует только для «мааминим», запрещали кровную месть, многоженство и употребление спиртных напитков. Каждый член секты имел два имени: одно для этой

жизни, другое – для рая, и девятого ава они отмечали день рождения своего учителя.

Некоторые мусульмане в Турции помнят и теперь о своей причастности к саббатинской секте «дёнме».

Очерк двенадцатый

Саббатрианские секты в Подолии и Галиции. Яков Франк и движение «франкизм». Диспуты франкистов с раввинами и сожжение Талмуда. Переход франкистов в католичество. Ева Франк и конец «франкизма»

«Никому, – сказал Людовик Святой, – за исключением людей весьма ученых, не следует вступать в спор с евреями; если, однако, кто-либо услышит речи, носящие христианскую веру, он должен защищать ее мечом и вонзить его в тело еврея как можно глубже».

1

После смерти Саббата Цви messiанские идеи продолжали волновать польских евреев. Время тому способствовало: притеснения, угрозы, ритуальные процессы и погромы порождали прежние мечты об избавлении народа, мечты о достойной жизни на собственной земле. Особенно это проявилось в Подолии, которая в конце семнадцатого века почти тридцать лет находилась под турецкой властью. Купцы-евреи из Турции приезжали туда на ярмарки и распространяли учение саббатианцев, а из Подолии их влияние перешло в соседнюю Галицию. Евреи этих областей отправлялись в Салоники, в саббатрианские секты, и возвращались обратно с верой в новое пришествие Мессии, который в облике Саббата Цви потерпел поражение за «грехи поколений».

В конце семнадцатого века Цадок из Гродно, «удостоившись озарения», разъезжал по городам, совершал чудеса и предсказывал, что Мессия явится в 1695 году. Рассказывали о нем: «Это был простак и невежда; прежде он занимался винокурением, был даже неграмотен. Нечистая сила пристала к нему, и он стал вдруг пророчествовать, подкрепляя свои пророчества кабалистическими выражениями и выкладками».

Польский кабалист Хаим Малах тоже стал провозвестником пришествия Мессии. Он долгое время провел в Турции в кружках саббатианцев, а вернувшись в Польшу, стал учить, что Саббата Цви вновь явится в 1706 году, через сорок лет после вынужденного перехода в ислам, и освободит свой народ, – подобно Моисею, который сорок лет провел в земле мидиан, прежде чем Господь повелел ему освободить евреев из египетского плена.

Иегуда га-Хасид из Польши тоже поверил в скорое наступление «начала чудес» и основал группу «хасидим» – благочестивых. Он путешествовал из города в город и в синагогах, со свитком Торы в руках, призывал к плачу, покаянию, непрерывным постам, чтобы ускорить пришествие Мессии. У него появились последователи; один из них, «известный своим благочестием еврейский ученый по имени Шимон... шесть лет подряд почти ничего не ел... и совершал «голус» – вечное скитальчество, при котором нельзя оставаться два дня на одном месте и нужно носить волосяной мешок на голом теле... Когда Шимон по вычислениям нашел, что число его грехов слишком велико для того, чтобы этим путем добиться прощения, он решил заморить себя голодом... Это сделалось известным во всем крае, и евреи стали почитать покойного как святого».

Вскоре Хаим Малах со своими сторонниками вошел в группу «хасидим», их количество возросло, и они решили переселиться в Эрец Исраэль, чтобы там ожидать пришествия Мессии. В начале 1700 года несколько сот человек отправились в путь. Они шли пеш-

ком, останавливались в городах и местечках, их предводитель Иегуда га-Хасид, одетый в белый саван, бил себя в грудь, рыдал, призывал евреев к духовному очищению для скорейшего избавления гонимого народа. В пути к ним присоединялись новые последователи, их количество превысило тысячу человек. Это было организованное шествие людей, которые шли в Святую Землю для встречи со своим освободителем, – только тяжкая, беспросветная и неприкаянная жизнь могла дать толчок к такому походу.

Путь был долг и опасен, около пятисот человек погибли в пути. Иегуда га-Хасид скончался после прихода в Иерусалим, а его последователи стали бедствовать, живя подаением, пока не разбрелись по разным странам. Одни из них приняли ислам в Турции и примкнули к тайным саббатианцам, другие вернулись в Польшу; лишь малая их часть осталась в Иерусалиме, где они приобрели участок земли и построили синагогу.

2

В Подолии и Галиции существовали тайные саббатианские кружки; последователей этой ереси называли в народе «шабсицвинники» или «шабси»: по имени Шабтай – Саббатай. Одни из них каялись, постились и «скорбели о Сионе», а другие, наоборот, позволяли себе всевозможные излишества и распутства. «Были между ними и такие, которые доходили до крайней степени преступности... считая Божественные заповеди грехами, а грехи – богоугодными делами. Они разрешали себе прелюбодеяние, воровство, ложные клятвы и делали это с намерением, чтобы насытить нечистую силу и тем ускорить пришествие Мессии».

Против «шабсицвинников» выступили раввины Польши, и в 1722 году в торжественной обстановке – при трубных звуках и потушенных свечах – был провозглашен «великий и страшный херем» тем саббатианцам, которые к определенному сроку не сообщат публично о своем раскаянии. Через несколько лет снова провозгласили отлучение «всех верующих в Саббатая Цви, да сотрется имя его!» – во Франкфурте, Праге и Амстердаме. В воззвании амстердамских раввинов было сказано: «Когда-то из Польши исходила Тора, а теперь оттуда разносится зараза по другим странам». А еврейский летописец отметил: «Нет страны, где евреи занимались бы так много мистическими бреднями, чертовщиной, талисманами, заклинанием духов, как в Польше».

Некоторые сектанты публично покалялись в синагогах с воплями и плачем, ходили затем в черном и исполняли обряды траура, но другие продолжали придерживаться этой ереси, скрывая свои убеждения. В глухих углах Подолии, Галиции, Буковины, Валахии и Венгрии существовали группы людей, которые втайне исполняли саббатианские обряды. Они утешали друг друга, что придет, наконец, долгожданный освободитель, все пань отдадут евреям своих лошадей с каретами, сами сядут на облучки и повезут их к Мессии. Рассказывали, что в галицийском городке Надворна польский пан, услышав про это, велел поставить своих лошадей во дворы к сектантам. «Если вы хотите уехать на моих лошадях, – сказал он, – то кормите их пока что овсом и сеном». Сектанты чуть не разорились от проделки будущего «кучера» и с трудом откупились от него.

В этой среде, в мистической атмосфере ожиданий появился человек по имени Яков Франк и дал начало новому движению, которое известно в еврейской истории под названием «франкизм». Он родился в 1726 году в маленьком местечке в Галиции, настоящее его имя Яков Лейбович, или Яков бен Лейб. Его отец был тайным саббатианцем, а Яков выделялся в детстве необузданным характером, неохотно учил Талмуд и навсегда остался, как сам говорил, «простаком». Сначала он был приказчиком в лавке, а затем сопровождал странствующего еврейского торговца, который развозил на продажу ювелирные и галантерейные изделия. Во время поездок в Турцию Яков познакомился с саббатианцами, и свобода их

нравов пришлась ему по душе. В Измире он получил прозвище Франк, или Френк – так называли на Востоке выходцев из Европы.

Франк торговал драгоценными камнями и восточными тканями, разбогател и женился в Никополе на четырнадцатилетней красавице Хане, дочери местного купца. Его богатство и умение подчинять людей привлекали последователей, и это, возможно, пробудило его честолюбие. Франк перешел в магометанство, задумав стать главой турецких саббатянцев, но те его не приняли, и ему пришлось вернуться в Польшу. В 1755 году он образовал в своем родном местечке первую группу франкистов, двенадцать человек, и стал завязывать связи с тайными саббатянскими группами Польши.

Яков Франк учил, что единый Бог состоит из трех начал: Первопричина (или Святой Старец), Святой Царь и Святая Владычица. Самое доступное миру начало – это Святой Царь, который время от времени воплощается в Мессию. Сначала это был Саббатай Цви, а затем, после нескольких последовательных превращений, им стал Яков Франк. Вера в Мессию создает гармонию между мужским началом – Первопричиной и началом женским – Святой Владычицей; к этому и сводится, собственно, смысл человеческого существования.

Страсти человека, учил Франк, являются искрами Божьими и томятся в нем, не находя выхода, потому что Талмуд якобы их осуждает. Поэтому необходимо устранить всё, что препятствует проявлению в человеке Божественных сил для установления окончательной гармонии в Божестве. И Саббатай Цви – еще до Франка – провозглашал свое мессианское призвание, объявляя войну талмудическим и раввинским предписаниям. Но Саббатай Цви и его последователи верили в политическое восстановление Израиля, а Франк это отрицал. «Мессия, – говорил он, – о котором возвещается у пророков, никогда не придет, и Иерусалим вовеки не возродится... Всё, что делалось до сих пор, имело целью сохранение еврейского народа; теперь же надобности в этом нет».

Франкисты действовали с большой осторожностью, собирались тайком, по ночам, за наглухо закрытыми окнами и совершали мистические обряды, возбуждая себя плясками, пением, эротическими движениями, – порой это заканчивалось попойками и превращалось в оргии. Такое поведение оправдывалось учением Франка о «бездне, в которую мы все должны сойти»; путь к избавлению видели в «попирании стыда», в моральной деградации человека, потому что тот, кто опускался на самое дно, считали они, скорее других может увидеть свет. Недаром Франк провозглашал: «Я пришел избавить мир от всяких законов, существовавших до сих пор».

Одно из тайных сборищ во главе с Франком обнаружили в подольском местечке Ланцкорон во время ярмарки 1756 года. Любопытствующие подглядели через щель, как сектанты танцевали обнаженными и выкрикивали имя Саббатай Цви, а некоторые уверяли, что обнаженной была только женщина, изображавшая Святую Владычицу. Разразился скандал. Сбежались на шум евреи, пан-владелец со слугами, местный судья, раввин с синагогальными служками. Полиция арестовала восемь сектантов, остальные в страхе разбежались, а Якова Франка, как турецкого подданного, на другой день выслали из Польши.

Возмущение среди евреев было всеобщим. Провели следствие, на котором выявились чудовищные подробности. Женщины сознавались, что во время сборищ отдавались чужим мужчинам в присутствии своих мужей, так как им было внушено, что этого требует закон. Франкисты уже не могли надеяться на пощаду, и в Бродах раввины крупнейших польских общин предали их отлучению: «Пусть они будут выделены из всякого еврейского общества, пусть их жены и дочери считаются блудницами, их дети – незаконнорожденными, чтобы они не смешались с нами». Это отлучение под заглавием «Острый меч» разослали по еврейским общинам и зачитывали в синагогах – при трубных звуках и потушенных свечах.

Сторонников Франка преследовали повсюду, домовладельцы выселяли их, купцы не хотели вступать с ними в торговые отношения, в синагоги их не впускали, на улицах оскорбляли и били; бывали случаи, когда франкистам отрезали бороды и в таком виде водили по улицам. Тогда Франк и его последователи пошли на сближение с католическим духовенством. Они заявили подольскому епископу Н. Дембовскому, что отрекаются от раввинского иудаизма и ведут борьбу против Талмуда, что их учение о трех началах единого Бога близко к христианскому учению о Троице, а их вера в божественность души Мессии близка вере христиан в Богочеловека.

Духовенство заинтересовалось этой сектой. Дембовский освободил арестованных франкистов, разрешил им поселиться в окрестностях Каменец-Подольского и распространять среди евреев свою веру. Чтобы упрочить положение, франкисты предложили провести диспут между ними и раввинами и представили манифест «контрталмудистов», который послужит темой для диспута. Там были, к примеру, такие пункты: Талмуд наполнен богохульством, и его следует отвергнуть; Бог может принять облик человека и подвержен всяким страстям, кроме греха; Иерусалим никогда не будет восстановлен, а Мессия не придет.

Раввины попытались уклониться от религиозного спора, но Дембовский распорядился привезти их принудительно, и диспут состоялся.

3

Диспуты евреев с иноверцами известны со времен Римской империи, но особенно много их было в период раннего христианства.

В тринадцатом веке появились миссионеры из ордена доминиканцев, которые навязывали диспуты по вопросам веры, и в частных беседах с ними евреи позволяли себе смелые ответы. Один священник спросил: почему у вас, евреев, нет колокольного звона в синагогах? Еврей повел его на рынок, где они услышали крики торговцев дешевой рыбой, которые зазывали покупателей в свои лавочки. Потом они подошли к тому ряду, где продавали дорогие сорта рыбы, и там зазывал не было. «Видишь, – сказал еврей, – владельцы хорошего товара не зазывают к себе; товар говорит сам за себя, поэтому у нас нет колокольного звона». Такие ответы возмущали христиан, подталкивая на расправы, но во времена инквизиции евреи уже побаивались высказывать вслух свои доводы.

Папа Григорий IX запретил христианам вступать в споры с евреями, чтобы простодушные католики не запутались в сетях неверия, а французский король Людовик Святой даже сказал однажды такую фразу, которую записали для потомства: «Никому, – сказал он, – за исключением людей весьма ученых, не следует вступать в спор с евреями; если, однако, кто-либо услышит речи, поносящие христианскую веру, он должен защищать ее мечом и вонзить его в тело еврея как можно глубже».

В 1239 году Людовик Святой приказал четырем раввинам Франции ответить монаху Николаю Донену, крещеному еврею из Ла-Рошели, который утверждал, что в Талмуде содержатся выражения, оскорбительные для Христа и христиан, а также прочие безнравственные высказывания. Раввины опровергли во время диспута все обвинения Донена, но особый трибунал вынес приговор – сжечь Талмуд. И на одной из площадей Парижа в торжественной обстановке сожгли 24 воза еврейских книг. По этому поводу рабби Меир из Ротенбурга написал элегию, которая начиналась такими словами: «Спроси, спаленная огнем, что случилось с теми, кто рыдает о страшном жребии твоём!..»

Были затем диспуты между евреями и христианами (чаще всего крещеными евреями) в Испании, Португалии, Италии и Германии; некоторые из них заканчивались гонениями или изгнанием, а в восемнадцатом веке епископ Н. Дембовский снова заставил евреев ответить на вызов, и снова их обвинителями стали бывшие их единоверцы.

Диспут проходил в июне 1757 года в Каменец-Подольском, но Франк на нем не присутствовал. Франкисты выставили своих ораторов: Лейба Крысу из Надворной, Элишу и Шломо Шора из Рогатина и других. Им возражали раввины, среди которых были рабби Мендель из Сатанова, рабби Лейб из Меджибожа, рабби Йосеф из Могилева в Подолии, рабби Бер из Язловца. Диспут проходил в течение восьми дней, «с утра до вечера, день за днем, исключая праздники». Раввины плохо говорили по-польски, боялись откровенно высказываться по поводу христианских догм, опасаясь будущих гонений, а на стороне сектантов были умелые переводчики из католических богословов и симпатии судьи диспута епископа Дембовского.

Раввины доказывали, что Талмуд не содержит в себе оскорбления христиан, но исход дела был заранее предreshен. Епископ объявил франкистов победителями на диспуте; жителей местечка Ланцкорон приговорил к крупному штрафу в пользу «пострадавших», зачинщиков нападения на сектантов – к телесному наказанию, а Талмуд – к сожжению. В постановлении было сказано: «Экземпляры Талмуда конфискуются, привозятся в Каменец и публично сжигаются рукой палача». Этим же постановлением мужьям-франкистам позволили силой вернуть прежних своих жен, которые самовольно ушли от них. Раввины пытались напомнить об автономии в религиозных вопросах и неприкосновенности священных книг, но это не помогло.

18 октября 1757 года франкисты передали палачу полный экземпляр Талмуда, а тот уложил книги в мешок, привязал его к хвосту лошади и поволок на рыночную площадь. «Там горел большой костер, палач вытаскивал из мешка один том за другим, раскрывал его, показывал народу еврейские листы и бросал в огонь. Раввин и прочие евреи разразились громким плачем». По всей Подолии полицейские в сопровождении торжествующих франкистов врываются в дома раввинов, в синагоги и школы и конфисковывали экземпляры Талмуда. Обозы с книгами шли по дорогам в Каменец-Подольский, там их кидали в ров и сжигали.

Казалось, уже ничто не спасет священные книги, но неожиданно епископ Дембовский заболел и умер через три недели после первого сожжения Талмуда. Суеверные священники усмотрели в этом событии Божие наказание и охладели к сектантам, а те оплакивали смерть своего покровителя, потому что для них наступили тяжелые времена: «евреи берут верх над нами», писали они в своей хронике. И действительно, правоверные евреи, ожесточенные гонениями на Талмуд, яростно обрушились на отступников. Элиша Шор, почитаемый франкистами за «святого», был убит, многие бежали в турецкую Молдавию, но и там евреи их преследовали. Они скитались по деревням вдоль польско-турецкой границы, пока не выхлопотали у короля Августа III охранную грамоту с разрешением вернуться в Польшу – тем, которые «отреклись от богохульного Талмуда и дошли до познания Бога в трех лицах».

Яков Франк избрал своей резиденцией деревню Ивань в Подолии, куда вместе с ним переселились его последователи из Венгрии, Валахии и Молдавии. Он образовал там «братство» и выделил двенадцать наиболее преданных ему лиц – «апостолов», «двенадцать сыновей Якова», которые управляли всеми делами. Туда съезжались к нему из разных мест, привозили подарки, и Франк жил богато, в свое удовольствие, разыгрывал роль святого и пророка, – уверяли даже, что у него был гарем.

К тому времени он решил принять католичество вместе со своими последователями, – ведь и Саббатай Цви перешел когда-то в ислам, веру окружающего народа. Саббатианцы в Турции считали необходимым прятаться в «скорлупе» магометанства, чтобы сохранить в неприкосновенности «ядро» саббатианства; Франк в качестве «скорлупы» выбрал католичество. Примириться с правоверными евреями не было никакой возможности, а католическая церковь могла стать для отверженных надежным убежищем: под «скорлупой» христианства они надеялись прятать мессианские надежды и тайно соблюдать свои обряды.

В начале 1759 года франкисты обратились к королю и к львовскому архиепископу с просьбой о крещении, чтобы новообращенные поселились затем в Галиции, «мирно жили среди христиан, занимались полезными и честными промыслами». Они просили дозволения носить после крещения платье еврейского покроя, не брить бороду, не есть свинину, называться двойным именем – еврейским и христианским, брать жен только из своей среды, отдыхать в субботу и воскресенье и почитать кабалистические книги. Король не ответил на их послание, а архиепископ написал в ответ, что церковь никаких обещаний, кроме Царства Небесного, дать заранее не может. Но в том же заявлении франкисты предложили провести еще один диспут с раввинами, на котором они докажут, что Талмуд учит евреев употреблять христианскую кровь, – духовенство на это согласилось.

Второй диспут начался во Львове 17 июля 1759 года, и дамы из высшего общества продавали у входа билеты в пользу нуждающихся франкистов. Диспут проходил в кафедральном соборе в присутствии польских сановников. Со стороны правоверных евреев в нем участвовали сорок раввинов и – по утверждению хасидов – основатель хасидизма Баал Шем Тов. Франк не владел польским языком; ораторами со стороны сектантов были «апостолы» Лейб Крыса и Шломо Шор, а помогали им католические священники, особенно Г. Пикульский, автор книги «Злость жидовская».

Франкисты представили для обсуждения семь тезисов, среди которых были и такие: веру в царя-Мессию можно усвоить только путем крещения; Талмуд учит, что христианская кровь нужна для обрядов, и тот, кто верит в Талмуд, должен употреблять эту кровь. Раввины не осмеливались оспаривать основные христианские догмы и очень хотели, чтобы франкисты как можно скорее оставили еврейство. С этим, по преданию, не соглашался Баал Шем Тов, который сказал: «Пока пораженный член еще связан с телом, остается хоть некоторая надежда когда-либо излечить его; если же его отрезали, он пропал навсегда».

Страстную речь против обвинения в употреблении христианской крови произнес львовский раввин Хаим Коэн Раппопорт, изобличивший противников в грубом невежестве и в извращении текстов. Среди его потомков сохранилось воспоминание, что перед выступлением раввин облачился в белые одежды, словно собирался перейти в мир иной; «богатая мудрость» их предка вызвала даже «похвалу князей»: «не иначе, говорили князья, дух Божий почиет на этом человеке».

Суд признал победу франкистов по всем пунктам, кроме обвинения в ритуальных убийствах, – этот вопрос передали на дополнительное рассмотрение в церковный суд. Но франкисты сумели отомстить и тут: их стараниями был возбужден ритуальный процесс в местечке Войславицы, где казнили двух раввинов и двух кагальных старшин. Не случайно один из франкистов сказал раввину Хаиму Раппопорту: «Хаим, ты хотел пить нашу кровь (отлучением от общины), так вот тебе кровь за кровь!»

После диспута священники потребовали, чтобы франкисты немедленно крестились, иначе их всех объявят еретиками. В первой группе крестившихся во Львове были жена Франка и его дети. Сам Франк перешел из магометанства в католичество в Варшаве, в присутствии королевской семьи и всего двора; его крестным отцом был король Август III, при крещении он получил имя Иосиф. Всего крестилось около тысячи франкистов, многие из них поменяли не только имена, но и фамилии. Нахман из Буска стал Петром Якубовским, Шломо Шор получил имя Лука Франциск Воловский, а Лейб Крыса – Ян Доминик Крысинский.

Польское духовенство недоверчиво относилось к новообращенным. За ними придиристо следили, вскрывали письма Франка к жене, и вскоре стало известно, что он окружен неподобающим почетом, а его последователи продолжают обряды по «предписаниям братства» и допускают многоженство. В 1760 году Франка арестовали и заключили без срока в крепость при монастыре города Ченстохова – за создание секты и приписывание себе

божественного происхождения. Вместе с ним арестовали и приговорили к тяжелым работам многих его сторонников. В крепости Франк провел тринадцать лет; его не казнили, возможно, потому, что его крестным отцом был сам король.

4

Связь между Франком и его сторонниками не прекращалась; многие из них даже переселились в Ченстохов, поближе к своему духовному вождю. Жена Франка и приближенные навещали его; из крепости Франк рассылал воззвания к евреям, призывая переходить в католичество. «Слушайте, жесткие сердцем, далекие от спасения, идущие кривыми путями... Горе будет вам, когда проснется великий лев и вспомнит о серне...» На самом деле Франк имел в виду не католичество, а свою религию, в которой не будет стеснительных законов и к которой можно прийти только через христианство. Тем самым он сулил избавление от «великого презрения и унижения, в котором находятся евреи среди народов».

Когда усилилось в Польше русское влияние, франкисты отправились в Варшаву к православному архимандриту и рассказали, что глава их секты после долгого размышления пришел к выводу – православная вера самая истинная, а католики заключили его за это в крепость. По совету архимандрита делегаты поехали в Москву, попали на прием к «высокому духовному сановнику» и сообщили, что 20 000 евреев готовы перейти в православие, – для этого надо освободить Франка из тюрьмы и взять секту под покровительство России. Об этом узнали раввины и нашли способ разъяснить русскому правительству, что сектанты уже исповедывали иудейство, саббатианство, магометанство и католичество, готовы теперь принять православие, а Франк объявил себя Богом и «разрешил своим последователям прелюбодеяние». И попытка франкистов не имела успеха.

В конце 1772 года русские войска взяли Ченстохов, и Франк был освобожден. Он уехал в Брно, столицу Моравии, где окружил себя пышным двором и вооруженной гвардией. За годы его заключения многие франкисты хорошо устроились в Польше после крещения, получили дворянство, разбогатели и посылали Франку крупные суммы денег. В Брно его «братство» было реорганизовано в «лагерь», который состоял из улан, гусар и казаков. Там они обучались стрельбе, фехтованию, иным военным упражнениям, и Франку даже казалось, что с этой армией он сможет отвоевать у Турции небольшой участок земли. В «лагере» существовали строгие законы послушания Франку, которые формулировались таким образом: если вы девяносто девять раз будете слушаться, а на сотый раз не слушаетесь, то все прежние послушания не зачтутся; и если я говорю, что земля состоит из золота, вы должны верить этому и не возражать.

У Франка было семьдесят гвардейцев, секретари, письмоводители, прислуга. Он носил платье и шляпу из красного шелка, выезжал в закрытой карете с четверкой лошадей; кучер сидел на облучке в зеленом мундире, карету окружали двенадцать гусар с пиками, разукрашенными лентами. Карета выезжала в поле, на траве расстилали ковер, Франк молился на нем, а все стояли вокруг в молчании. Затем он поднимался, ковер скатывали, это место поливали водой из кожаного меха; никто не знал, что означает такая церемония, а Франк не объяснял. Он мало кому показывался тогда и внушал страх своим видом.

Временами он наезжал в Вену, где у него был отдельный отель, катался по городу в роскошных экипажах, а когда полиция обращала на него внимание, Франк намекал, что находится под покровительством «могущественной северной царицы». Вместе с ним в Брно жила его дочь Ева, красавица, которую франкисты боготворили; Франк неоднократно заявлял, что Ева является олицетворением женского начала Божества. Поговаривали, что она была фавориткой императора Иосифа II, поэтому власти благосклонно относились к франкистам.

В 1778 году Франк купил в Германии замок возле города Оффенбаха на Майне и получил титул барона Оффенбахского. Там он жил со своими детьми и приближенными, среди местного населения распространялись слухи, будто он – российский император Петр III, а Ева – дочь русской императрицы Елизаветы Петровны. Рассказывали даже, что в его замке на золотой посуде стоят инициалы Е. R., что означает «Eva Romanowa». В замке жило около пятисот человек, туда приезжали паломники из жругих стран с богатыми подарками; раз в неделю Ева выходила из замка, раздавала деньги больным и бедным, которые собирались из окрестных мест, а те разносили слухи о щедром «бароне» по всей Германии.

Яков Франк умер в 1791 году, был похоронен на католическом кладбище, но духовенство в его похоронах не участвовало. Его смерть вызвала шок у франкистов: многие до этого полагали, что он никогда не умрет. После его смерти Ева продолжала жить в Оффенбахе, содержала богатый двор и говорила время от времени, что у нее бывают ночные видения, она слышит голоса и общается с духом отца. Сыновья Франка разыгрывали роль прорицателей и святых, памяти Якова Франка воздавали божеские почести. Франкисты рассылали письма по еврейским общинам, написанные красными чернилами, потому что красный цвет имел для них символическое значение. Они призывали евреев принять христианство, а своих единомышленников просили присылать деньги.

В марте 1800 года такие письма были перехвачены в городах юго-западной России и пересланы в Петербург. В них не нашли «ничего возмутительного или к нарушению тишины клонящегося», однако царь велел наблюдать за евреями, не скрывают ли они «под видом закона иных вредных сношений». Вскоре из Литвы сообщили, что франкистов у них нет, а Франк «состоит у здешних евреев в общем омерзении».

В конце концов, Ева запуталась в долгах и к успокоению кредиторов распорядилась вывесить в городе такое объявление: «По высочайшему приглашению Его Величества русского императора наш любезный брат отправится в июне этого года в Петербург, откуда – после шестимесячного там пребывания – возвратится сюда и под военным конвоем привезет такую значительную сумму денег, что мы удовлетворим всех наших кредиторов. Те же, что набрасывают тень на наше имя, получают за это должное наказание потом, после выплаты им долга». Кредиторы на время успокоились, но когда долг Евы Франк превысил три миллиона гульденов, ее подвергли домашнему аресту.

В замок должны были приехать ревизоры, но за день до этого объявили, что Ева неожиданно скончалась. Однако окрестные жители утверждали, будто она бежала за границу с отставным чиновником.

Франкисты после крещения приобретали имения, становились крупными чиновниками. Это вызывало сопротивление шляхты, на сейме 1764 года депутаты жаловались, что «во всей Польше размножилась порода неофитов (новообращенных), которые с прирожденной ловкостью и жадностью к шляхетским преимуществам добиваются государственных должностей и приобретения сельских имений – в ущерб родовой шляхте». Сейм принял ограничительные законы, по которым новообращенные не могли быть чиновниками и владеть имениями, но эти ограничения смягчили под давлением церкви, которая поощряла переход в католичество.

Франкизм исчез полностью, не оставив следов в иудаизме, однако некоторые польские фамилии ведут свое происхождение от тех франкистов, которые приняли когда-то католичество: Бжезинские, Ясинские, Крысинские, Пиотровские, Золовские, Заводские, Зелинские.

Мать польского поэта Адама Мицкевича родилась в семье крещеных франкистов Маевских.

Последователи Иегуды га-Хасида приобрели участок земли в Иерусалиме и построили синагогу. Турки обложили их большим налогом; они заняли деньги у арабских ростовщиков, но не смогли их выплатить, – арабы разрушили ту синагогу и отняли землю. Через сто с лишним лет после этого приехал из Литвы раввин Авраам Шломо, по профессии ювелир. Он стал одним из руководителей общины ашкеназов в Иерусалиме и несколько раз ездил в Стамбул, чтобы получить разрешение на владение участком земли, где располагалась когда-то синагога последователей Иегуды га-Хасида.

Его потомки рассказывали: рабби Авраам Шломо и рабби Авраам Лейб отправились на корабле в Стамбул с большой суммой денег. Матросы напали на них, чтобы ограбить, но рабби Шломо поднял свой посох, очертил линию вокруг них, и матросы не смогли сдвинуться с места. Сказал ему капитан корабля: «Вижу я, что ты святой человек; освободи моих людей, и я обещаю, что ничего с вами не случится». Ответил рабби: «Если пообещаешь мне, что в будущем ни с одним евреем, который поднимется на борт твоего корабля, не случится плохое, – освобожу матросов». Капитан пообещал, добавил от себя крупную сумму денег, и рабби Шломо освободил его людей.

После спасения от смертельной опасности рабби Авраам Шломо и рабби Авраам Лейб решили по возвращении женить внука одного на внучке другого, – так оно и произошло. В конце концов, рабби Авраам Шломо получил разрешение на владение участком; арабы, потерявшие землю, решили отомстить и убили его в 1851 году. (Сегодня на этом месте вновь возвышается здание синагоги.)

Очерк тринадцатый **Рабби Исраэль Баал Шем Тов. Детство.** **Годы уединения и созерцания. Баал Шем** **Тов – исцелитель, праведник, святой** **человек. Основы его учения**

«Умирая, знал ли этот человек, какое великое будущее готовилось его вероучению, предвидел ли он, что спустя всего полвека два миллиона людей будут исповедовать это вероучение и признают его, скромного меджибожского проповедника, своим главою? Знал ли он, что ему суждено бессмертие не только на небе, но и на земле?..»

1

Восемнадцатый век принес с собой очередные ограничительные законы, погромы, разрушения и убийства. Повседневная жизнь евреев в польских и украинских местечках и городах становилась всё более невыносимой. Народ не мог жить без надежды, хотя бы временами, хотя бы изредка. Людям нужна была радость жизни – немедленно, ежедневно, радость в рамках их религии, в рамках того жизненного уклада, который складывался столетиями. Саббатай Цви, лжемессия, не принес избавления. Более того, когда он принял ислам, евреи с негодованием отшатнулись от ренегата. Франкизм тоже не мог увлечь за собой большинство народа, преданного своей религии, своему прошлому.

И тогда возникло новое религиозное движение среди украинских евреев, которое оказало глубочайшее влияние на еврейскую жизнь. Это движение называется хасидизм – учение благочестия, от слова «хасид» – благочестивый. Саббатианство и франкизм порывали с иудаизмом и потому не могли сохраниться. Хасидизм оставался на базе традиционной веры и – что самое главное – внес в ту беспросветную жизнь радость и восторг. Хасиды изгнали грусть из сердец людей, наполнили их восторгом сознания, что они евреи. А с этим уже можно было прожить в мире жестокостей, унижений и преследований. Как писал один из хасидов: «Тот еврей, который не испытывает радости от самого факта, что он еврей, неблагодарен Небесам; значит, им не постигнут смысл того, что он рожден евреем».

Не случайно это движение распространилось на Украине – в Подолии и на Волыни, как среди ученых, так и среди простых людей. Большинство еврейского населения составляли там торговцы, мелкие арендаторы, разносчики товаров, корчмари. Эти неискушенные в учении люди жили разбросанно, в отдалении друг от друга, посреди крестьянского населения, и когда по большим праздникам они приезжали помолиться в городской синагоге, то не могли не почувствовать свою малограмотность, – да и ученые евреи давали им это понять, называя свысока «ам га-арец» – невежды (буквально – «народ земли»).

Эти неученые, но глубоко верующие евреи нуждались в таком человеке, который высил бы их в собственных глазах, удовлетворил их тягу к чудесному, согрел теплотой их веру. И такой человек появился. Он вышел из гущи народа. Его учение было восторженно встречено евреями Подолии и Волыни, откуда оно распространилось затем на другие страны. Звали этого человека рабби Исраэль бен Элиэзер, или Баал Шем Тов (Бешт), что означает дословно «обладатель доброго имени». Как писали о нем впоследствии: «В восемнадцатом веке появился рабби Исраэль Баал Шем Тов и опустил небеса на землю».

Биографические сведения о жизни этого человека настолько переплелись с легендами, что невозможно отделить их друг от друга. Да и нужно ли?.. Рассказывали, что Элиэзер, отец Исраэля, попал в плен во время набега татар и был продан в рабство. В плену он переходил от одного хозяина к другому и наконец попал к султану. Во время войны Элиэзер дал властелину ценный совет, благодаря чему султан одержал победу. Он тут же назначил Элиэзера первым министром и отдал ему в жены дочь визиря. Но Элиэзер был еврей – и женатый еврей, а потому вступил в брак только для вида и не имел супружеской близости с новой женой. По ее настоянию он открыл ей свое прошлое, она дала ему денег, помогла бежать. По пути в Польшу явился ему пророк Элиягу – Илья-пророк – и сказал: «За твою стойкость и благочестие Бог подарит тебе сына, который будет светочем для Израиля; дай ему имя – Израиль, ибо в нем исполнится сказанное пророком: «Ты слуга Мой, Израиль, через тебя Я прославлюсь»...»

Рабби Исраэль бен Элиэзер родился у бедных немолодых родителей примерно в 1700 году, в местечке Окуп на границе Подолии и Валахии. Он рано остался круглым сиротой, а перед смертью отец взял маленького сына на руки и сказал: «Помни, что с тобой всегда Бог, и поэтому ничего не бойся», – эти слова отца Баал Шем Тов повторял затем всю жизнь. Исраэль учился в хедере на общественный счет; с детских лет в нем проявилось влечение к природе, к уединению, и он часто убегал из школы. «Поучится некоторое время в хедере, – вспоминали о нем, – а потом вдруг пропадет на несколько дней. Ищут его, ищут – и находят в лесу одиноким, сосредоточенным». Пытались его наказывать, пытались увещевать, а потом исключили из школы и отказали в помощи. Было ему тогда двенадцать лет, и чтобы заработать на жизнь, он стал помощником меламеда-учителя.

Исраэль водил детей в хедер и из хедера, сопровождал в синагогу и приучал там к произнесению молитв. Дети привязались к своему наставнику, который сам еще был ребенком, они молились вместе и вместе произносили «аминь» в положенных местах. И опять в ткань его жизни вплетается легенда. Однажды, когда он вел детей в синагогу, на дороге показался волк. Но Исраэль не испугался; ведь это отец научил его когда-то: «Помни, что с тобой всегда Бог, и ничего не бойся». И двенадцатилетний мальчик убил волка, распевая псалмы.

Затем его назначили сторожем в синагоге, где он тоже отличался странностями и причудами. Днем спал или притворялся спящим, а по ночам, в пустой синагоге, молился и читал. Легенда рассказывает, что в одной земле жил человек по имени Адам, который нашел в пещере таинственные рукописи. Перед смертью было ему видение во сне, чтобы он передал эти рукописи Исраэлю, сыну Элиэзера из Окупа. Умирая, Адам приказал своему сыну поехать в Окуп, разыскать этого человека и передать рукописи, которые были ему предназначены.

Сын похоронил отца, приехал в Окуп, стал разыскивать Исраэля, сына Элиэзера, и с удивлением обнаружил, что это четырнадцатилетний сторож синагоги. Он передал ему рукописи, и тот изучал их ночами в пустой синагоге. По-видимому, Баал Шем Тов занимался тогда практической кабалой, читал ходившие по рукам рукописи, знакомился с заклинаниями, при помощи которых можно творить чудеса.

2

Обстоятельства его жизни бывали порой невероятными, и неудивительно, почему его жизнь так переплетена с легендами. Восемнадцати лет от роду Баал Шем Тов женился, но молодая жена умерла вскоре после свадьбы. После этого он переезжал из одного галицийского местечка в другое, пока не стал учителем неподалеку от Брод. Он был

прям, честен, опытен в житейских делах, прекрасно знал Тору, и его часто избирали судьей во всяких спорах и тяжбах.

Так однажды случилось, что среди спорящих оказался богатый еврей Эфраим Кутовер из Брод. Баал Шем Тов произвел на него глубокое впечатление; он решил выдать за него свою дочь, и они составили письменное соглашение о предстоящем браке. Возвращаясь домой, в Броды, Эфраим Кутовер заболел по дороге и умер. А через некоторое время в доме бродского раввина Гершона Кутовера, сына Эфраима, появился еврей в заношенном крестьянском тулупе. Раввин хотел подать ему милостыню, но тот вынул из кармана бумагу, подписанную Эфраимом Кутовером, из которой следовало, что отец решил выдать за этого человека свою дочь, сестру рабби Гершона. «Я Исраэль, – сказал он, – и пришел за той, которая назначена быть моей женой».

И это не легенда. Это был, которую легко спутать с легендой, как и многое другое в жизни удивительного человека. Рабби Гершону пришлось согласиться: он не мог пойти против воли отца, хоть ему не очень-то улыбалось породниться с таким простолюдином и неучем, каким – как ему казалось – был его будущий родственник. Перед свадьбой Баал Шем Тов спросил невесту, согласна ли она стать его женой, жить затем в бедности, – она согласилась, и свадьба состоялась.

Бродский раввин не мог примириться с тем, что его шурин – невежда. Он пытался изучать с ним Талмуд, а когда из этого ничего не вышло (Баал Шем Тов делал вид, что не понимает), раввин предложил сестре на выбор: развестись с «неучем» либо уехать из города, чтобы не позорить брата. И она предпочла последнее. Раввин купил им лошадь с повозкой, и они поселились в Галиции, среди Карпатских гор, между местечками Куты и Косов.

Жена жила в деревне, а Баал Шем Тов – в уединении, в горном ущелье, в глубокой пещере возле озера. Там он молился, размышлял, изучал кабалу, в озере совершал ежедневные омовения. Время от времени жена приезжала к нему в горы; тогда он копал глину, наполнял ею повозку, а она отвозила ее в город и продавала. На вырученные деньги она с трудом существовала, а Баал Шем Тов ел только хлеб: размешивал муку в воде, раскладывал тесто тонким слоем на камне и ждал, пока солнце высушит его. Легенда рассказывает, что в тех же горах жил разбойник по имени Довбуш. Однажды Баал Шем Тов указал ему пещеру с подземным ходом, через который тот со своим отрядом ушел от преследователей, и за это главарь разбойников подарил ему трубку; с ней Баал Шем Тов никогда не расставался, вечно ее курил – трубку Довбуша.

Так, по преданию, прожил он в уединении семь лет, среди гор и лесов – тихой, созерцательной жизнью. Быть может, в тот период и определились основные формулы его учения: «Вся земля полна Богом», «Бог пребывает в каждой жизни, в каждой вещи. Мир зависит от Его воли. Это Он решает, сколько раз листок перевернется в пыли, прежде чем ветер унесет его прочь», «Иногда кажется, что Бог очень далек от человека. Почему это так? А потому, что долг отца научить сына ходить. Для этого он удаляется без предупреждения, хотя и рискует, что ребенок споткнется и упадет».

Бродский раввин Гершон Кутовер снял им в аренду корчму с постоянным двором неподалеку от Кут. Жена с детьми жила в корчме, а Баал Шем Тов поселился в лесу, где проводил время в молитвах и в изучении «тайны мудрости». С собой он брал немного хлеба на всю неделю, а домой приходил на субботу да еще в те дни, когда жена не могла управиться с хозяйством. Но зато по субботам и праздникам он надевал белые одежды, восседал во главе стола, с удовольствием угощался вкусными блюдами.

Затем он лишился своей корчмы, переселился в галицийский городок Тлуст, был меламедом, резником, кантором в синагоге, снова бедствовал. Временами он бывал так беден, что «пальцы ног торчали у него из дырявых сапог». Многие уже считали его свя-

тым, который может творить чудеса, просили помочь в трудном деле или излечить больного, но он постоянно отказывался, потому что до тридцатилетнего возраста ему запрещено было свыше «открываться миру». И он ждал своего часа.

3

С шестнадцатого века в Польше, Литве и на Украине появились чудотворцы-исцелители, которых называли «баал шем» – «владеющий именем (Божьим)». Они лечили амулетами, травами, заговариванием и нашептыванием – от бесплодия, головной боли, прочих жизненных неурядиц, но лучше всего поддавались излечению нервные расстройства, меланхолия и помешательство. На маленьком пергаменте писали имя больного и имя его матери, таинственные формулы с именами ангелов и злых духов, заклинания, непонятные сочетания букв, – такие пергаменты носили на шее для предохранения от болезней, они предназначались и для роженицы, новорожденного, для больного нервным расстройством.

Особой славой пользовался рабби Иоэль Баал Шем – Иоэль Чудотворец из Замостья, который на глазах у всех изгнал злого духа из помешанного с помощью заклинаний. Про него же рассказывали, как однажды он спасался с евреями в лодке, но казаки нагоняли их, – тогда рабби Иоэль привесил к парусу таблицу с заклинаниями, лодка понеслась вперед с огромной скоростью, а преследователи отстали. Бродячие «баал шемы» переезжали с места на место, привлекая к себе тех, кто желал излечиться, – хотя многие раввины категорически запрещали пользоваться амулетами.

Когда Баал Шем Тову исполнилось тридцать шесть лет, он стал кабалистом-целителем, странствовал по Подолии и Волыни, лечил больных молитвами, заклинаниями, амулетами и травами. По-видимому, во время долгого пребывания в лесах и горах он узнал целебные свойства трав, стал искусным в лечении болезней. Описания его жизни тех времен полны рассказами о сотворенных чудесах; его называли «чудотворцем», «добрым баал шемом»; он лечил не только евреев, но и христиан, а когда спрашивали, откуда он всё это знает, Баал Шем Тов коротко отвечал: «Господь меня научил». Но порой он отказывался лечить больного, если «свыше его извещали, что этому больному не суждено выздороветь».

Быстро росла его слава – не только исцелителя, но и святого человека, праведника, который обладал даром прорицания. Говорили, что Баал Шем Тов умел угадывать мысли людей, обладал кабалистической тайной становиться невидимкой, в короткое время преодолевал огромные расстояния, потому что при необходимости «земля двигалась под ним быстрее». Он горячо молился в синагоге, раскачивался всем корпусом, иногда вскрикивал, а когда все уходило, долго молился в одиночестве. Баал Шем Тов объяснял это таким образом: когда он доходил до слов «Благословен Ты, Боже, воскрешающий мертвых!», к нему слетались тысячи грешных душ умерших людей, каждая душа просила помолиться за нее, спасти от адских мук, – потому он и молился так долго.

В один из дней утомленные ученики ушли, не дождавшись конца молитвы своего учителя. На это он сказал с грустью: «Представьте себе, что на верхушке дерева сидит удивительная птица. Добраться до нее не просто, и люди лезут друг другу на плечи, чтобы один из них мог взобраться по этой живой лестнице на самый верх. Но те, что стоят внизу, не в состоянии разглядеть птицу и поэтому, потеряв терпение, уходят домой. Лестница рушится, и редкая птица улетает».

Около 1740 года Баал Шем Тов поселился в Меджибоже, где провел последние двадцать лет своей жизни. Его последователи называли Меджибож в Подолии святым городом, который на небесной карте помечен немалым кружком, не в пример великим столицам – деревушкам на отшибе, позабытым на карте Небес. К нему приезжали и приходили со всех сторон – для исцеления, поддержки, совета. В Меджибоже образовался вокруг

Баал Шем Това кружок ближайших учеников, человек шестьдесят; они слушали проповеди, запоминали, распространяли его учение в народе. В короткий срок хасидское движение охватило еврейское население Подолии, Волыни и Галиции, распространилось затем на Польшу, Молдавию, Белоруссию, Валахию, Закарпатье, Трансильванию и Словакию. Среди его учеников были видные раввины: рабби Яков Йосеф Коэн из Шаргорода, рабби Меир Маргалиот из Львова, даже шурин Баал Шем Това, бродский раввин Гершон Кутовер стал преданным его учеником и последователем.

К Баал Шем Тову влекла его слава чудотворца, простота и дружелюбие, любовь к простому человеку, постоянная готовность утешить и ободрить. Он часто ходил по улицам и базарам – «всегда с трубкой во рту», «разговаривал даже с прохожими бабами», мог выпить в компании и никогда не пьянел при этом. Он был небогат, но постоянно помогал бедным, выкупал у панов задолжавших мелких арендаторов. Баал Шем Тов часто повторял, что простой человек, проникнутый верой и умеющий горячо молиться, дороже Богу, чем ученый раввин, погруженный только в изучение Талмуда, – это нравилось многим. И еще он говорил: «Не думай, что ты лучше ближнего твоего. Если ум его не равен твоему, он равен тебе, ибо служит Господу, как может. В глазах Всевышнего червь может значить не менее, чем ты, потому что служит Ему. На это Он и дал силы».

К концу жизни Бешта было уже около десяти тысяч его последователей. Они поддавались обаянию своего учителя, его религиозному восторгу, безграничной и радостной вере в Бога; сильное впечатление производили на них его проповеди, которые были наполнены притчами. Рабби Исраэль Баал Шем Тов учил: «В книге «Берешит» написано: «И сказал Господь: «Создадим человека». Но к кому же Он тогда обращался, когда не было еще людей на земле?.. А обращался Господь к человеку. Он говорил: нас двое, так возьмемся за дело и сотворим человека. Ведь если ты не поможешь Мне, как же Я смогу сотворить тебя один?»

4

Рабби Исраэль бен Элиэзер не оставил после себя письменных трудов. Он распространял свое учение устно – для учеников, в синагогальных проповедях, в частных беседах. Он ничего не записывал и не любил, когда это делали другие: «Я сказал одно, ты услышал другое, а записал третье». Ученики вспоминали его слова: «Всё, что я внес нового или заимствовал от других, хранится глубоко в моем сердце и известно лишь одному Богу. А всё то, что я проповедовал людям, составляет ничтожный остаток, невольно вылившийся из вместилища моего духа, как выливается малая часть воды из переполненного сосуда».

Через двадцать лет после его смерти вышла книга его ученика раввина Якова Йосефа Козна, в которой изречения Баал Шем Това приводились с таким постоянным повтором: «слышал я от учителя моего...» Выходили и другие книги под контролем ближайших учеников Баал Шем Това; по этим источникам можно составить понятие об учении основателя хасидизма.

Баал Шем Тов учил: весь мир образовался из Божества, является проявлением Божества, ибо Бог везде, во всем и в каждое мгновение. Он говорил: «Мир в своем разнообразии создан как бы из самого Бога и вместе с тем неотделим от Него, подобно тому как складка на платье сделана из самого платья и в нем остается. Мир – из Бога и в Боге». Бог наполняет всё, присутствует во всем, даже в помыслах, и Его вмешательство в человеческие дела непрерывно.

Но если Бог присутствует во всем, то ничто и никто не может быть абсолютно плохим. Это означает, что к каждому человеку надо относиться как к праведнику, ибо никто не падает так низко, чтобы не в состоянии подняться затем до Бога. Грешники так же близки к Нему, как праведники, их грехи являются следствием временного заблуждения. «Всё в мире

полно Творцом, и всё совершаемое по замыслам человеческим, вплоть до ничтожнейших событий, есть, в сущности, мысль Божья».

Между небом и землей, учил Баал Шем Тов, между миром Бога и миром человека существует непрерывная связь, постоянное взаимодействие; не только Бог влияет на человеческие дела, но и человек влияет на высший мир; человеческие мысли, слова и дела вызывают изменения в мире Бога. «Когда человек жалостлив на земле, жалость пробуждается и в небесных сферах... – утверждал Баал Шем Тов. – Человек – как бы лестница, вершиной своей упирающаяся в небо; все его поступки и слова оказывают воздействие на небесные сферы».

Силой своей молитвы человек может повлиять на Бога, и через Бога – на весь мир. Для этого молитва не должна быть машинальным обрядом, но – восторженным порывом к небу, излиянием души, полным слиянием человеческой души с Богом. Творцу надо служить не печалью, но радостью, и хороши те слезы, которые у человека от избытка восторга. Он говорил: «Дух Божий не посещает того, кто живет в сокрушении и печали». И еще: «Пусть человек постоянно пребывает в радостном расположении духа, пусть думает и верует, что Бог находится всегда с ним и охраняет его... Что от воли Бога зависит во всякую минуту разрушить мир или воссоздать его... а потому только на Бога надо уповать и только Его бояться».

Баал Шем Тов был категорически против изнурения плоти и излишних постов. «Посты вызывают печаль», негодную Богу, потому что человек должен служить Ему в радости. «Когда слабеет тело, ослабевает и дух, и человек не в состоянии молиться нужным образом», то есть с восторгом и самозабвением. «Если, – учил Баал Шем Тов, – перед вами два врача, лечащих с одинаковым успехом, один при помощи горькой, а другой при помощи сладкой микстуры, – кого из них предпочтете? Конечно, последнего. То же и в религии: тот, кто предписывает людям пост и истязание плоти, вызывает в них печаль, заставляет смотреть с осуждением на своих близких, которые не могут быть отшельниками; тот же, кто учит людей радостному служению Богу, вселяет в них отрадный взгляд на жизнь, возбуждает добрые чувства в людях, убеждая их, что Бог – во всем».

Известен случай, когда некий проповедник обличал слушателей в синагоге, пугал вечными загробными муками; Баал Шем Тов рассердился и сказал: «Ты напрасно ругаешь евреев. Погляди: бедный еврей весь день бегаёт, суетится, чтобы в поте лица заработать кусок хлеба; но как только настает вечер, он в испуге бросает свои дела и, опасаясь пропустить время молитвы, забегает в синагогу, чтобы хоть наскоро помолиться. Он молится и от забот не знает, что шепчут его уста, и все-таки там, на небесах, хор ангелов содрогается, когда к ним доносятся слова этой молитвы».

В те времена считалось, что изучение Закона должно быть на первом плане; ученый человек был выше человека неученого и богобоязненного. Баал Шем Тов не отрицал пользы учения, но утверждал, что оно нужно не само по себе, а как средство к возбуждению религиозного чувства, был против таких ученых, которым «из-за непрерывного изучения Торы некогда думать о Боге». «Все их труды напрасны, потому что им недостает горячей привязанности к Богу, возможности постоянного общения с Творцом; они не понимают, как следует учиться, молиться и служить Богу, они упускают самую суть веры... считают себя праведниками, а потому и не думают каяться в своих заблуждениях».

5

Цель человеческой жизни, учил Баал Шем Тов, соединение с Богом, и эта цель достигается при помощи молитвы. «Всё, чего я достиг, – рассказывал он, – я достиг не столько изучением Торы, сколько молитвой». «Во время молитвы человек должен как бы освободиться

диться от материальной оболочки, потерять самоощущение, дойти до такой ступени, на которой не различаешь, живешь на земле или нет». Чтобы привести себя в это состояние, порой необходимы резкие телодвижения, покачивания из стороны в сторону. «Тот, кто смеется над такими странными телодвижениями, – говорил Баал Шем Тов, – подобен человеку, который стал бы смеяться над судорогами и криками тонущего. Ведь и молящийся, совершая подобные движения, борется с волнами земной суеты, не дающей ему сосредоточиться на мысли о Божественном».

Некий путешественник как-то увидел, что хасиды раскачиваются во время молитвы, но не мог понять, зачем они это делают. И Баал Шем Тов поведал ему притчу: «Однажды на празднике гости наслаждались веселой музыкой, которую играли музыканты. Потом они стали танцевать под эту музыку. Мимо проходил глухой. Он заглянул в окно, увидел танцующих, но музыку не услышал. «Какая глупость! – воскликнул он. – Взрослые люди скачут без всякой причины!»...» Путешественник всё понял. Музыка, под которую раскачивались хасиды, раздавалась в их сердцах, а он был к ней глух.

Но молитва – не единственная форма служения Всевышнему. Служить Ему можно также возвышенными помыслами, исполнением заповедей, мыслями, чувством, иной раз даже будничным разговором. «Во всем, что существует в мире, – учил Баал Шем Тов, – заключены Божественные искры, даже в деревьях и камнях, во всех делах, совершаемых людьми; даже в грехах человеческих есть искры Божии, только искры тлеющие, тусклые, которые, однако, могут снова воспламениться и вознестись ввысь через покаяние».

Праведник – цадик – полнее других осуществляет слияние с Богом; его молитва способна оказывать большее влияние на небесные сферы, нежели молитвы других людей. «Как отцу приятно делать угодное любимому сыну, так и Богу приятно исполнять желание праведника». Цадик – наставник и духовный руководитель – душой постоянно находится на небе и опускается вниз только для того, чтобы поднимать людей наверх, спасать их души своими заслугами, даже души грешников, потому что «тлеющий огонь – всё-таки огонь, в любую минуту он может разгореться».

Рабби Исраэль бен Элизер скончался в Меджибоже и перед смертью избрал своим преемником одного из лучших учеников. Это был рабби Дов Бер из Межирича, «Великий Магид» – проповедник. В первый день праздника Шавуот рабби Исраэль еще ходил, принимал посетителей, сказал краткую проповедь, но ближайшим ученикам сообщил, что в этот день он уходит из мира. «Не тревожьтесь обо мне, потому что я выйду в одну дверь и войду в другую, но я сокрушаюсь о вас, которые должны понести потерю». Один из учеников стал молиться за него. «Слишком поздно, – сказал учитель. – Свершилось, и свершившегося не отменить». Затем он много говорил о вере, о душе, о смысле жизни – всё тише и невнятнее, пока его не перестали понимать.

Вечером того же дня он ушел из жизни – 22 мая 1760 года, в седьмой день месяца сиван 5520 года по еврейскому календарю. Говорят, что его сын, рабби Гирш, часто беседовал с покойным отцом. Как-то во сне он спросил его: «Как следует служить Богу?» Баал Шем Тов поднялся на высокую гору и кинулся в пропасть. «Вот так», – ответил он сыну. А в другой раз он явился сыну в образе горы, объятой огнем с тысячами языков пламени: «И так тоже».

Могила Баал Шем Това цела на кладбище в Меджибоже, а в начале двадцатого века существовала и старая синагога, где он когда-то молился, – полуразвалившееся здание, которое хасиды не реставрировали, оставляя в том виде, в каком оно было при Беште. В 2001 году этнографы отметили: «Место захоронения Баал Шем Това постепенно превращается в «культовый объект», посещаемый не только паломниками-хасидами и экскурсантами... но и служителями культа (незадолго до нашего посещения Меджибожа кладбище посетила группа католических священников, совершивших там богослужение)».

Историк С. Дубнов о Баал Шем Тове: «Умирая, знал ли этот человек, какое великое будущее готовилось его вероучению, предвидел ли он, что спустя всего полвека два миллиона людей будут исповедовать это вероучение и признают его, скромного меджибожского проповедника, своим главою? Знал ли он, что ему суждено бессмертие не только на небе, но и на земле?..»

6

Однажды Баал Шем Тову приснился его будущий сосед по раю. Проснувшись, он пошел к этому человеку и увидел перед собой здорового, крепкого толстяка. «Как замечательно он скрывает свою сущность», – подумал Баал Шем Тов и стал за ним наблюдать. Он заметил, что этот человек сытно завтракал каждый день, в обед ел еще больше, за ужином – в три раза больше, чем за обедом, и ни в чем не проявлялась его святость, за которую ему был уготован в будущем рай.

«Объясни мне, – сказал, наконец, Баал Шем Тов, – почему ты так много ешь?» «Что же, я тебе скажу, – ответил толстяк. – Тут всё дело в моем отце. Он был хорошим евреем, добрым человеком, всю жизнь жил Торой и только для Торы. Однажды его схватили разбойники, привязали к дереву и велели поцеловать крест. Конечно же, мой отец отказался. Они безжалостно били его – всё равно он отказывался. Тогда разбойники сожгли его на костре. А поскольку он был худым и слабым, то горел совсем недолго: вспыхнул – и тут же сгорел. И тогда я поклялся: если когда-нибудь придет мой черед, они так просто от меня не отделаются. Я покажу им, что еврей – это не жалкая свечка. Нет! Я буду гореть так долго, что они полопаются от злости! Вот почему я столько ем».

«Понимаю, – улыбнувшись, сказал Баал Шем Тов. – Иди, продолжай есть. То, что ты делаешь, ты делаешь хорошо».

Когда рабби Исраэль Баал Шем Тов видел беду, грозящую евреям, он шел в лес, в одно и то же место, там он зажигал огонь, читал особую молитву – и несчастье предотвращалось. Позже, когда такая потребность возникала у его ученика, магида из Межирича, тот приходил в лес на то же место и говорил: «Создатель, слушай! Я не знаю, как разжечь огонь, но я еще могу прочесть молитву». И чудо происходило. Еще позднее рабби Моше Лейб из Сасова, чтобы спасти свой народ, отправлялся в лес и там говорил: «Я не знаю, как развести костер, той молитвы я тоже не знаю, но зато я знаю место, и этого должно быть достаточно». Этого на самом деле было достаточно, и несчастье предотвращалось.

Затем пришла очередь отводить беду рабби Исраэлю из Ружина. Сидя в своем кресле, он обхватил голову руками и сказал Всевышнему: «Я не знаю, как разжечь костер, не знаю молитвы, даже не могу отыскать в лесу то место. Всё, что я могу сделать, – пересказать эту историю, и этого должно быть достаточно». И этого было достаточно.

В 1741 году поселился в Иерусалиме раввин Хаим бен-Атар из Марокко; вместе с ним приехала его семья и ученики – 30 человек. Он писал: «Говорю вам правду истинную... Человек с душою возвышенной взойдет и унаследует эту землю, о том же, кто воздерживается, я не позабочусь». Книга рабби Хаима «Ор га-Хаим» – «Свет жизни» была популярна среди хасидов Польши, и появилась хасидская легенда, которую стоит пересказать.

Когда рабби Исраэль Баал Шем Тов узнал о том, что раввин Хаим бен-Атар переехал в Иерусалим, он тоже решил отправиться туда, так как был уверен: если они встретятся на Земле Израиля, то непременно

придет избавитель – Мессия. Трижды отправлялся Баал Шем Тов в страну Израиля, трижды останавливал его голос с Небес: «Еще не время».

Баал Шем Тов сообщал своим последователям в Эрец Исраэль: «Если будет на то воля Всевышнего, я присоединюсь к вам, но сейчас еще не время».

В середине восемнадцатого века на Святой Земле появились хасиды, последователи Баал Шем Това. Рабби Авраам Гершон из Кутова, брат его жены, приехал с семьей в 1747 году и поселился в Иерусалиме, а рабби Менахем Мендл из Перемышлян приехал в 1764 году и стал главой общины хасидов в Тверии. Он писал брату в Галицию: «Доколе ты будешь жить за пределами страны? Зачем слушаешь тех, кто порочит нашу Святую Землю, против которой все просторы мира ничтожны?..»

В 1777 году отправилась в путь группа белорусских хасидов, «чтобы поселиться на Святой Земле, пробудить милосердие Небес, молиться за весь Израиль». Они добрались до Черного моря и поплыли на трех кораблях; один из них утонул неподалеку от Евпатории, 53 пассажира погибли, но, несмотря на тяготы пути, примерно 300 человек поселились в Цфате и Тверии. Их возглавляли рабби Менахем Мендл из Витебска, рабби Авраам из Калиска и рабби Исраэль из Полоцка, который сказал, ступив на Святую Землю: «Вот этот день, прихода которого мы ожидали. Будем же радоваться в любимой стране, в возлюбленной стране наших помыслов, освященной святостью».

Очерк четырнадцатый

Евреи Польши и Литвы после хмельничины.

Ограничительные законы церкви. Ритуальные наветы.

Восстания гайдамаков. Колиивщина и Уманская резня

«Памятник над могилой святого, который принял ужасные муки и прославил великое и могучее имя Всевышнего. Ученый по имени Иегуда Зеэв Вольф, сын рабби Товии, вознесся на небо в день субботний и принял свой приговор с горечью».

1

После кровавых событий времен хмельничины медленно и с трудом восстанавливались еврейские поселения Волыни и Подолии, Польши, Литвы и Белоруссии. Власти понимали, что евреям нужно дать временную передышку, чтобы они снова занялись ремеслами и торговлей, начали платить налоги в государственную казну. Король Ян Казимир даровал им отсрочки по взносу налогов; король Михаил Вишневецкий подтвердил привилегии польско-литовских евреев, а Ян Собесский в каждую сеймовую конституцию включал один и тот же пункт: «Евреев Короны мы, ради мирного их развития, оставляем при давних правах».

Евреи почитали Яна Собесского за его покровительство, называли в своих сочинениях «сыном солнца, королем королей, спасителем народа». Но знаменитое право «вето», по которому любой депутат по своему капризу мог сорвать работу сейма, сводило порой на нет самые лучшие королевские постановления. Доходило до того, что паны публично призывали народ не подчиняться королевским приказам. «Если мы будем считаться с правами и привилегиями евреев, – всенародно призывал некий виленский пан, – то конца этому не будет. Надо их попросту выжить отсюда: одних утопить с камнями на шее, других избить». А толпа кричала в ответ: «Так им и нужно!»

Чтобы оправиться от последствий катастрофы, евреи хватались за любой промысел – несмотря на постановления Ваада, который опасался новых конфликтов с местным населением. Условия тогдашней жизни были нелегкими: часто повторялись погромы, пожары, эпидемии, от которых страдало еврейское население в тесных своих кварталах. Около 1678 года евреи краковского предместья «от двухлетнего поветрия в большей своей части вымерли, а другие бежали от этой заразы в Водзислав, но там ниспослан был на них огонь, и впали они в великую нищету и убожество». А в книге витебского кагала за 1711 год записано: «Нужда слишком велика, одно бедствие следует за другим. Ведь это про нас сказано: «Утром просящий, чтобы настал вечер, а наступает вечер – не дождешься утра»...»

Евреям позволяли существовать, потому что они были источником дохода для казны, должностных лиц, а также для любого, кто желал получить с них «подношение». Недаром говорили: «Кто заступает за евреев, тот уже получил, а кто выступает против них – желает получить». Расходы на всевозможные нужды увеличивались быстрее скромных доходов тех времен; попадая в безвыходное положение, кагалы занимали деньги под огромные проценты, чаще всего у монастырей. Эти проценты надо было выплачивать, поэтому снова брали кредиты, выплачивали уже проценты на проценты, – многие общины не надеялись рассчитаться когда-либо со своими кредиторами.

У кагала Дрогобыча, к примеру, на погашение долгов и процентов к ним приходилось три четверти всех расходов общины. Виленская община задолжала 832 000 гульденов

иезуитам, доминиканцам, бернардинцам, августинцам, кармелитам, базилианцам и ордену кающихся грешников. Долги гродненского кагала составляли примерно 450 000 гульденов, пинской общины – 310 000 гульденов, а долги центрального Ваада доходили до 3 миллионов злотых. Депутаты на сеймах заявляли: евреев приходится терпеть в стране хотя бы потому, что никто не хочет потерять данные займы деньги.

Кредиторы ставили свои условия, давая в долг. Получив очередной заем, Коронный Ваад вынужден был согласиться с тем, что в случае неаккуратного возврата долга разрешалось всякого еврея «грабить, арестовывать, хватать, сажать в тюрьму, угнетать и преследовать», пока долг не будет уплачен. Ваад согласился также, что в случае неуплаты «будут конфискованы все еврейские товары в Короне, закрыты синагоги, евреи будут изгнаны из домов, и на их место поселены христиане», а Ваад не сможет жаловаться на это королю или воеводам.

Чтобы сохранить свое существование, общины изыскивали новые возможности для получения денег. Если кто-либо хотел открыть лавку, мастерскую, купить или построить дом, он должен был уплатить общине установленную сумму и получить взамен «хзаку» – право на данное предприятие. Ввели «хзаку» и на право водворения: желающий поселиться в общине платил в кагальную кассу значительную сумму. Но денег всё равно не хватало на всевозможные налоги и поборы, а потому ввели налог на предметы потребления, так называемую «коробку», коробочный сбор – на убой скота, резку птиц и продажу кашерного мяса, а временами на молоко, хлеб, мед, водку и другие продукты.

Бывали случаи, когда кагал, срочно нуждаясь в деньгах, освобождал от будущих выплат состоятельного члена общины за единовременный денежный взнос, но эти деньги тут же уходили на покрытие долгов, и тяжесть будущего налогового обложения ложилась на рядового члена общины. Это вызывало недовольство, ропот, недоверие; прежнее уважение к кагальным старшинам сменялось неприязнью и открытой враждой. Богатые члены общины могли уплатить кагалу крупные суммы денег на получение «хзаки» и избавиться от менее состоятельных конкурентов, а те, беднея из года в год, все свои беды сваливали на общинное устройство. Кагал оберегал их от будущих бедствий, но кагал их и ограничивал. Это создавало внутренние напряжения, которые привели со временем к разрушению кагального управления.

К восемнадцатому веку королевская власть в Польше была сведена до минимума, и в государстве, которое «держалось беспорядком», грамоты королей никого практически не защищали. Воеводы, старосты и подстаросты хозяйничали в еврейских общинах по своему желанию, назначали и арестовывали кагальных старшин, вымогали деньги; с вступлением в должность каждого нового воеводы приходилось заново хлопотать о восстановлении прежних привилегий. Мещане городов постоянно воевали со своими еврейскими конкурентами. «Еврей продает свой товар слишком дешево, – жаловались они, – и отнимает у нас покупателя». Но покупатели были иного мнения. «Паны говорили, что хоть евреи и гадкие нехристи, а всё же хорошо их иметь в городе, – отметил сторонний наблюдатель. – У них найдешь шелк, меха, золото, серебро, жемчуг, тюль, и всё дешевле... Еврей не позволяет себе излишеств. Посмотрите на его одежду, войдите в его дом: он грызет чеснок, редьку или огурец, собирает денежки, угождает пану, а себе во всем отказывает».

В ту пору шляхта получила право на винную монополию: изготавливать вино, водку, пиво и мед, продавать напитки в шинках. Не желая заниматься этим промыслом, паны отдавали его в аренду евреям, так же поступали короли в своих владениях, и к восемнадцатому веку шинкарство стало главной отраслью еврейской торговли, потому что из других промыслов их вытесняли магистраты и ремесленные цехи. «Паны неохотно сдают корчмы полякам, – писал путешественник. – Поляк-корчмарь любит мед да водку, а давать счет панам не любит, тогда как жидов они без церемоний могут к этому принудить».

Живя на частных землях, евреи были прикреплены к «кабацкой стойке и к мелкой аренде», целиком зависели от пана. Холопа-украинца пан побаивался, помня уроки прошлых восстаний, а еврея нечего было опасаться: помещик мог сгноить в тюрьме несостоятельного арендатора, отнять у него детей, крестить их – жаловаться было некому.

В дневнике волынского помещика восемнадцатого века имеется такая запись: «Пятое января. Арендатор Гершко не уплатил мне еще с прошлого срока девяносто один талер... Вчера я приказал его заковать и запереть со свиньями... младшего его сына Лейзю взял на мызу и приказал учить катехизису с молитвами. Очень способный мальчик. Я намерен окрестить его, и епископ обещал приехать ко мне к этому акту, приготовить его душу. Лейзя не хотел сначала делать крестного знамения, повторять наши молитвы, но управляющий высек его, и сегодня он ел уже свинину...» В дневнике рассказано, как приехали евреи из Бердичева, уплатили долг – девяносто один талер, подарили пану голову сахара, десять фунтов кофе и умолили отпустить мальчика. «Впрочем, – пишет далее помещик, – я вполне уверен, что еврей опять не уплатит в срок, Лейзя попадет-таки в мои руки и сделается христианином».

Известен случай, когда каневский староста, забавляясь, приказывал еврейским женщинам влезать на яблони и куковать, а сам стрелял в них дробью; когда же раненые падали с дерева, он веселился и кидал им золото. Получалось так, что бесправный еврей страдал от пана в спокойные времена и страдал за пана – во времена мятежей. В дневнике некоего Петра Апостола записано в 1725 году: «В польском праве... исключаются из судебной должности: отлученные от церкви, схизматики, евреи, бесчестные люди и незаконнорожденные, так как неприлично облекать каким-либо достоинством человека, чем-либо запятнанного».

2

Духовенство тех времен искало виновников бедствий, которые потрясли Польшу в середине семнадцатого века. В первую очередь обвинили иноверцев, на которых свалили вину за смуты, неурядицы, эпидемии и военные поражения. В 1672 году Турция захватила Подолию, и евреев сразу же обвинили в сношениях с неприятелем, хотя турки грабили их наравне с остальным населением и угоняли в плен. Многие годы после этого евреи Европы собирали деньги на выкуп пленников той войны.

Борьба в Польше велась между неравными. Духовенство било противника, ослабевшего после страшных лет хмельничины, и когда какой-либо сейм вводил ограничительные законы, причина приводилась одна и та же: «Дабы вероломство и своеволие жидовское не брали верх». Поляк с малых лет проникался презрением к евреям, которые жили обособленно, при своем платье, по подозрительным законам и обычаям. Воспитанники иезуитских школ по-прежнему нападали на еврейские кварталы и грабили их; это были уже не проказы подростков, но организованные нападения на беззащитных людей. Общины давали подарки начальству школ и учащимся, чтобы избежать погромов; известен случай, когда в Перемышле кагал предотвратил нападение, подарив каждому из преподавателей – «почтенным панам философам» – по паре желтых сапог из хорошей кожи, а учащимся выставил бочонок меду. Но и подарки не всегда помогали.

В 1664 году ученики церковных школ Львова решили устроить погром. Узнав об их намерениях, евреи стали «вооружаться кто чем мог: пиками, топорами, секирами, саблями, пищалями, складывать камни во дворах и на крышах». Отряд самообороны разбил первые ряды наступавших, но городская милиция присоединилась к погромщикам, и они ворвались в еврейский квартал. Убили двух сыновей раввина, убили кантора в синагоге, изорвали свитки Торы – итог этого погрома. Через два месяца, в день католического празд-

ника, погром повторился; в запертый еврейский квартал толпа пробралась по крышам домов с соседних улиц, убила 75 человек.

До начала двадцатого века на еврейском кладбище Львова сохранялись могилы жертв того года, на одной из них было написано: «Шмуэль-кантор стоял в молитве с помыслами, обращенными к Богу, когда проклятая пронзила его чистое сердце своим мечом; им она проколола и молитвенник, так что молящийся и молитвенник соединились». Эта женщина – «проклятая» – возможно, из предводителей погрома – упоминалась в надписях на шестнадцати могильных камнях, в том числе на могиле столетнего главы иешивы и на могиле юноши: «Проклятая сломила молодой росток могучего кедра, потушила светильник жизни, стремившийся к небу, закрыла уста, источавшие живые струи Торы; уже в пятнадцатилетнем возрасте он обладал мудростью старца». Даты тех погромов были многие годы днями поста и траура в львовской общине.

Но изредка случалось иначе. В Познани в 1687 году сотни учеников и ремесленников пошли на штурм еврейского квартала, но его жители трое суток держали оборону. «Случилось небывалое, – писал еврейский летописец. – Бог дал нам силу противостоять врагу три дня и три ночи. Каждый раз, когда они с обнаженными мечами врывались на наши улицы, наши побеждали их и гнали до рынка, ибо те были трусливы». Это событие в Познани отмечали затем ежегодной благодарственной молитвой.

В семнадцатом веке в Польше было около шестисот монастырей, влияние духовенства, особенно иезуитов, чрезвычайно возросло. На своих соборах церковь подтверждала старые и издавала новые ограничительные законы против евреев; снова провозгласили, как в Средние века: евреев нужно терпеть лишь для того, «чтобы они напоминали нам о муках Христа, своим рабским положением являли пример справедливой кары Божией над неверными». Не разрешали строить новые синагоги и ремонтировать старые; запрещали освещать синагоги ночью, устраивать кладбища возле города, совершать обряд еврейских похорон в дневные часы.

В 1670 году сейм постановил: «Во время публичных процессий они (евреи) должны оставаться в своих домах, не расхаживая по улицам, а когда священник идет со святыми дарами, они должны свернуть в сторону – в противном случае будут подвергнуты наказанию». Евреям Гродно приказали замуровать окна домов, выходивших на костёл, «чтобы не богохульствовали, когда священник с процессией несет гостию или с причащением идет к больному». Приходили одни короли и ужесточали ограничения, приходили другие – делали послабления, но политика церкви оставалась бескомпромиссной. На сеймах депутаты даже жаловались на духовенство, что оно «изыскивает всякие предлоги, чтобы подвергать евреев преследованиям и изгонять их из городов, нанося этим страшный вред торговле».

В тогдашнем польском обществе господствовали суеверия. Верили в колдовство и в злых духов, за «сношения» с нечистой силой привлекали к суду, предавая мучительным казням. Евреям приписывали вину в появлении «чар» и таинственных знаков на домах, а в Новогрудском воеводстве сожгли без суда двух евреек, обвинив их в колдовстве. Христианское население практически ничего не знало о своих соседях-евреях и верило всевозможным небылицам. Самый нелепый слух можно было соединить с еврейским именем, и этому тут же начинали верить: ведь еврей был чужаком, с незнакомой религией, со странными обычаями, а это вызывало опасения. Некий игумен Орест в своих записях зафиксировал без всяких сомнений следующий «факт»: еврейка Шейна, дочь Вульфа, жена Айзика Габриловича, в Могилеве, на Шкловской улице, за валом, родила дитя, «неподобное на человека, но похожее на медведя косматого с когтями», и дитя это было похоронено живым.

Не только в народной массе, но и в образованном обществе ходили нелепые рассказы о евреях. Верили, например, если еврей – потомок Реувена притронется к неспелому плоду, то этот плод завянет, что посеы у потомков Реувена не дают всходов, а на их могилах не растет

трава. Верили, что у потомков Шимона раз в году бывает кровотечение из пальцев рук и ног; потомки Дана месяц в году испускают нестерпимое зловоние и потому должны смазывать себя христианской кровью для устранения этого запаха; что у каждого еврея из колена Гада имеется на голове пятнадцать язв, у евреев из колена Ашера одна рука короче другой, у потомков Дана свиные уши, у потомков Йосефа и Биньямина рот кишит червями, – и тому подобные небылицы, которые «подтвердил» некий Франциск, выкрест из евреев. И потому – на фоне полного незнания, непонимания и вражды – особенно удивительны случаи перехода христиан в иудейство.

В 1716 году вдова Марина Сыровайцова, дочь попа из Витебска, показала на следствии, что задумала перейти в иудаизм без чьих-либо уговоров, так как от отца слышала – вера иудейская лучше веры христианской. Она не пожелала вернуться в христианство даже под жестокой пыткой, потому что готова погибнуть еврейкой «за живого Бога». Суд приговорил вдову Марину к терзанию тела клещами и сожжению живой на костре.

Тот же суд рассматривал дело девицы Марины Войцеховой, которая приняла иудаизм, обвенчалась с евреем и была арестована на свадьбе. Она не соглашалась вернуться в христианство после трех пыток, и только на четвертой, особенно жестокой, сказала: «Теперь я гнушаюсь еврейской веры и как прежде верила в распятого Христа, так и сейчас готова за него страдать и умирать». Вместе с ней арестовали на свадьбе ее жениха и несколько евреев, которые уверяли судей, что они не подозревали, будто она христианка. Суд приговорил девицу Марину после ее раскаяния к обезглавливанию и сожжению тела, а каждый из евреев получил по сто ударов возле позорного столба.

3

В Польше выходили в свет всевозможные сочинения, в которых обвиняли евреев в совершении ритуальных убийств, и суеверная толпа верила тому, что было написано. «Как шляхетская вольность невозможна без права «вето», – писал один из обличителей, – так и еврейская маца невозможна без крови христианской». Церковь объявляла святыми мучеников, якобы убитых евреями, и на поклонение «святым мощам» приходили толпы верующих. Неудивительно поэтому, что в семнадцатом и восемнадцатом веках прошли ритуальные процессы во многих городах Польши – как правило, по одному и тому же сценарию.

В 1696 году в лесу возле Познани нашли тело воспитанника иезуитской школы. Родные убитого и местная шляхта обвинили евреев, и вся община во главе с рабби Нафтали Коэном целыми днями не выходила из синагоги, молитвами и постом готовясь к мученической смерти. Нашлись подготовленные лжесвидетели, назревал судебный процесс, но неожиданно на рынке поймали польскую крестьянку, которая принесла для продажи одежду убитого ученика. Убийцей оказался ее сын. Его пытались уговорить, чтобы всю вину свалил на евреев, будто бы подкупивших его, но правда обнаружилась, и «тогда, – записал еврейский летописец, – почернели лица наших врагов, ибо замысел их не осуществился».

Через сорок лет в той же Познани начался новый ритуальный процесс, который тянулся четыре года. Обвиняемых пытали, но они не признали себя виновными, и двое из них скончались от пыток. В конце концов, с общины сняли обвинение, но, тем не менее, король Август II издал декрет, запрещающий всякие сношения евреев с христианами. В этом декрете был такой пункт: если еврей станет ласково обращаться с христианским ребенком на улице или заговаривать с ним, а тот потом исчезнет, на этого еврея падёт подозрение в убийстве ребенка.

В 1698 году, перед еврейской Пасхой, в галицийском городе Сандомире некая христианка подбросила к церкви труп незаконно прижитого ребенка. Осмотр тела показал, что ребенок умер естественной смертью, что подтвердила под присягой его мать. Но в дело

вмешалось духовенство, женщину пытали и вырвали у нее подсказанное палачами признание, будто она передала тело еврейскому старшине Береку, а затем получила его обратно искалеченным. Однако на очной ставке с Береком женщина сказала: «Еврей неповинен; я сама от боли не знаю, что говорю». Ее снова пытали, и снова она повторила то, что подсказывали ей палачи.

Берека подвергали страшным пыткам, жгли тело раскаленным железом, но он отрицал вину и кричал с дыбы: «Клянусь Богом живым, я ни в чем не виновен!» Такую поразительную стойкость во время пыток объясняли тем, что у Берека была особая мазь с «сильными чарами», охранявшими его от боли. А патер Жуховский, инициатор этого обвинения, писал: «Достойные уважения люди говорили, что необходимо пытать не только тело, растянутое на дыбе, но жечь свечами и тень, падающую от тела, потому что может случиться, что дьявол переносит тело пытаемого на то место, где тень, а в дыбу подкладывает что-либо другое». И хотя подсудимый ни в чем не сознался, ему отрубили голову, рассекли тело на четыре части и развесили на перекрестках дорог.

На этом дело не закончилось, потому что мещанство Сандомира хотело получить королевский декрет о поголовном изгнании евреев. В 1710 году всю общину обвинили в убийстве мальчика-сироты; прямых улик не оказалось, а потому прибегли к испытанному способу – к показаниям крещеного еврея, который подтвердил, что ритуальные убийства предписываются тайными еврейскими законами. Некий выкрест Ян Серафинович, душевнобольной человек, дал письменные показания, которые напоминали бред безумца. Он сообщил, что евреи нуждаются в христианской крови, чтобы «творить свои чары»: новобрачным якобы при венчании дается яйцо с примесью христианской крови; этой же кровью мажут глаза умирающим, а на Пасху ее примешивают к тесту, из которого пекут мацу. Серафинович добавил к этому: когда он был «главным раввином Литвы», то сам замучил двух христианских детей, и подробно описал способ получения крови, вплоть до того, что ребенка катают в бочке, набитой гвоздями, а затем распинают на кресте.

Раввины вызвали клеветника на диспут, но он не явился, – возможно, те, что стояли за его спиной, не решились выставить на диспут сумасшедшего. На основании показаний Серафиновича суд приговорил к смерти трех руководителей общины города Сандомира. Патер Жуховский, инициатор и этого процесса, убедил Августа II изгнать евреев из города; в королевском декрете было указано, что «нечестивые и неверные иудеи тайными и возмутительными способами проливают кровь христианских младенцев, которая вопиет к Божьему правосудию».

В 1747 году в городе Заславле на Волыни в дни Пасхи обнаружили под снегом мертвое тело. Собравшаяся толпа стала кричать, что евреи убили христианина; обвиняемых пытали, один из них не выдержал мук и признал обвинение, но остальные держались. В конце концов, был вынесен чудовищный по жестокости приговор – не в порыве безумия пьяной от крови толпы, а при обстоятельном размышлении «жрецов правосудия»: «Палач должен посадить осужденного на кол живым и оставить его там, пока тело его не будет съедено птицами и не распадутся его бесчестные кости»; с другого осужденного велено было «содрать с живого четыре полосы кожи, вынуть из груди сердце, разрезать на четыре части и прибить каждую к столбам по городу». В заупокойной молитве, написанной по этому поводу, взывала к небесам вся община Заславля: «Земля, не закрывай их кровь, и пусть не умолкнет их вопль, пока не увидит Господь с небес!»

В 1753 году в Житомире был инсценирован новый ритуальный процесс. 13 обвиняемых приговорили к смерти: им обмотали руки паклей и подожгли, затем провели через весь город к месту казни, четвертовали, обезглавили, головы развесили на кольях. Трое обвиняемых согласились креститься под угрозой мучительной казни; их обезглавили и в торжественной процессии в честь новообращенных привезли в гробах в костел – «при громадном

стечении панов, обывателей и военных». Теперь уже евреи Житомира взывали к небесам в зауспокойной молитве: «Доколе будешь молчать, Господи, и прощать проливающим невинную кровь праведников?..»

Затем возникло новое ритуальное обвинение, и евреи послали в Рим особого уполномоченного, который просил папу «оказать его несчастным иноверцам милость, защитить их от притеснений, тюремных заточений, пыток и смертных казней». Кардинал Лоренцо Ганганелли составил особую записку в защиту евреев и напомнил, что те же самые обвинения выдвигали некогда язычники против первых христиан. Папа римский предостерег польское духовенство от подобных обвинений, однако в 1790 году в Гродно осудили раввина Эльзара за то, что он якобы убил христианскую девушку. Его приговорили к четвертованию, но король Станислав Август не утвердил приговор. «Я не допущу, – сказал он, – подобной бойни в моем государстве». Когда же ему заявили, что казнь всё равно состоится, король уехал из города за день до этого.

Несчастливого казнили на городской площади в присутствии тысяч зрителей и нескольких евреев, которые пришли специально, чтобы произнести «аминь» на последнюю молитву мученика. Его тело разрезали на четыре части, развесили по городу в назидание другим, а на следующий день евреи с плачем похоронили его. На могильном камне написали: «Здесь покоится прах выдающегося ученого и знатного человека рабби Эльзара Святого, сына Шломо Вербловера. Он пролил свою кровь, публично освятив имя Господа. Да будет душа его вплетена в узел жизни!»

4

В 1700 году началась двадцатилетняя Северная война, сопровождавшаяся гражданской войной в Польше. Русские армии Петра I в союзе с войсками польского короля Августа III воевали против шведского короля Карла XII и поддерживавших его сторонников Станислава Лещинского. Это была долгая война, и велики были страдания еврейского населения, оказавшегося между двух огней. И та и другая сторона облагали их чрезвычайными налогами и контрибуциями; пострадала во время осады община Познани, пострадала община Львова; солдаты и казаки грабили еврейское население в городах и местечках.

В то время Украина была разделена на две части: Малороссия, или левобережная Украина, принадлежала России, а правобережная Украина оставалась за Польшей. Православное крестьянское население правобережной части, закабаленное католической шляхтой, видело в еврее-арендаторе чужака-нехристя, ставленника панов, и потому повторилось то же самое, что было прежде, во времена народных восстаний. По Украине бродили казацкие и крестьянские отряды – гайдамаки, к которым присоединялись мещане, шляхта, «других наций беспокойные люди», даже крещеные евреи; все вместе они нападали на помещичьи усадьбы, еврейские корчмы и местечки. В 1702 году атаманы Самусь и Палей захватили Богуслав, Корсунь, Лысянку, Белую Церковь, где перебили поляков и евреев; подобное происходило в Баре, Немирове, Полонном, Заславле и в других местах.

В 1734 году на Украину вступили русские войска, чтобы поддержать вновь избранного польского короля Августа III против его соперника Станислава Лещинского. Призыв русских действовать против шляхетской партии Лещинского был подхвачен на Украине, и с лозунгом «Дана воля грабить жидов и убивать ляхов» гайдамацкие отряды снова поднялись против панов и евреев. Запорожская Сечь не выступала на стороне гайдамаков, временами боролась с ними, но она дала немало участников этого движения. Атаман Верлан совершал набеги на Подолию и Волынь якобы от имени русской императрицы Анны Иоанновны, и от его отрядов особенно пострадали общины Шаргорода, Меджибожа, Хмельника и Полонного.

Когда Август III утвердился на престоле, польская шляхта с помощью русских солдат попыталась усмирить гайдамаков, но волнения продолжались. Атаманы Грива, Медведь, Харек, Игнат Голый со своими отрядами совершали налеты на Корсунь, Погребище, Павлочь, Рашков и другие города. Путешествовавший через те края иностранец записал в дневнике: «Эта страна плодородна и приятна, но малолюдна, будучи подвержена набегам татар и гайдамаков, которые приносят величайшие разорения... Знающие довольно этих разбойников... уверяли меня, что это – скопище бродяг, состоящее из множества дурных людей разных народов, которые убегают из своих мест, чтобы спастись от руки правосудия».

В 1740 году поднял бунт атаман Вошило. К его отрядам примкнули крестьяне, мелкие шляхтичи, стали грабить города и местечки в районе Быхова, Кричева, Мстиславля. Васько Вошило, называвший себя «великим атаманом» и «внуком Богдана Хмельницкого», указывал в своих воззваниях, что цель его восстания – не бунт против правительства и шляхты, а «истребление жидовского народа и оборона христианства». Появились и другие атаманы, которые со своими отрядами убивали и грабили на проезжих дорогах панов и евреев, разоряли местечки, с награбленной добычей уходили на русскую сторону, за Днепр. Порой по требованию польских властей русские выдавали гайдамаков, но чаще всего они ускользали от наказания. Эти отряды разорили Винницу, Гранов, Фастов, Умань, Радомысль, Летичев, Мошны.

Известны показания взятых в плен гайдамаков. Казак Андрей Суляк сообщал: в тех местах, где он побывал со своим отрядом, «уже не оказалось ни одного еврея, так как здесь раньше побывали запорожские казаки... Жалованья же никакого казаки не получают, но им позволено грабить евреев и ляхов и убивать первых». Казак Петр Демьянович показал: в Замехове они нашли возле реки, в тростниках, двух спрятавшихся евреек, которых и убили. Казаки удивлялись небрежности своих предшественников, говоря: «Что это за казаки, по уходе которых еще оказываются ляхи, жида и ксендзы; после нас ничего уже не останется, всех перебьем».

На старом еврейском кладбище города Луцка долгое время сохранялся памятник мученику, которого четвертовали за отказ креститься. На камне была надпись: «Памятник над могилой святого, который принял ужасные муки и прославил великое и могучее имя Всевышнего. Ученый по имени Иегуда Зеэв Вольф, сын рабби Товии, вознесся на небо в день субботний и принял свой приговор с горечью. 28 таммуза 522 года (июль 1762 года)».

В 1768 году руководители общины Могилева-Подольского писали в своем обращении к евреям: «Одна беда следует за другой... Мы идем ощупью, как слепцы в потемках, мы беднеем изо дня на день, нас ведут, как овец, на заклание; мы стали притчей между народами, на нас кидают жребий, как на брошенную вещь в пустыне... Бог да воззрит на страдание наше, да скажет Он нашим бедствиям: довольно! Да поведет Он нас поскорее в землю нашу и через глашатая мира возвестит мир в наших пределах!»

5

В 1764 году польским королем был избран Станислав Август Понятовский, один из фаворитов российской императрицы Екатерины II. Россия потребовала, чтобы православным подданным Польши были предоставлены религиозная свобода и политические права, и русский посол угрозами вынудил сейм принять закон о равноправии православных граждан Польши. Часть шляхты и духовенства воспротивились этому и образовали Барскую конфедерацию для защиты католической веры и древних шляхетских свобод. Дов Бер из Болехова сообщал: «Вышли многие дворяне и говорили один другому: народ польский, свободные люди, шляхта от века, не соучастники мы Понятовскому... И была эта смута во всем госу-

дарстве Польском в течение пяти лет, без суда и правды во всех землях Польши, а только кто силен, тот и прав».

Соединенные русско-польские войска выступили против конфедератов, и в журнале военных действий русского отряда записаны сведения о еврее-лазутчике по имени Буня. 18 февраля: «Еврея Буню послали в Хотин, добыли через него сведения и уплатили за это пятьдесят рублей». 14 апреля: «Возвратился из Хотина жид Буня и объявил, что всё спокойно». 15 апреля: «Отправлен Буня обратно в Хотин». 20 августа: «Конфедерат Потоцкий арестовал Буню». Пойманных лазутчиков обыкновенно вешали, да и обычному населению приходилось несладко. В дневнике офицера-поляка записано: «Солдат привел в главную квартиру жидка без пейсов и переодетого кучером. Его поймали, когда он переходил за черту лагеря, куда жидам строго воспрещалось входить. Его обыскали и нашли письмо, вложенное между подошвами сапога. Собрали военный совет, жид сразу же признался, кому он нёс письмо, и его немедленно повесили». И там же: «В Райгородке казаки почти до смерти засекли нагайками «кагальных» евреев. Наказаны были жида за то, что не доставили овса и сена».

Отряды конфедератов были разгромлены, но в 1768 году вспыхнуло на Украине восстание гайдамаков и православного крестьянства, которое на этом этапе известно под названием Колиивщины. Некий еврей писал в том году: «Бунт изменников, известный под именем гайдаматчины, начался в селе Жаботине, где жил рабби Авремель, известный вам. В том селе умерщвлено было семьдесят человек, в том числе и жена рабби. Распорол живот, а плод вынули живым... Горе глазам видящим и ушам слышащим это! Мы бежали в субботу и нарушили почти все субботние постановления. Мы бежали и потеряли всякие вести один о другом... Стыдно сознаться, до чего мы дошли: многие умирали от голода и жажды. Несколько тысяч не были даже погребены, а сделались добычей свиней и собак. Избави нас, о Господи! От великого горя не могу писать вам...»

Во главе Колиивщины встал запорожец Железняк, а идейным вдохновителем был православный монах Мельхиседек Значко-Яворский. Он побывал в Петербурге и якобы получил «золотую грамоту» от императрицы Екатерины II на право избивать поляков и евреев. В грамоте было сказано: «Так как мы ясно видим, с каким презрением и бесстыдством поступают поляки и жида с нами и с нашей православной религией... то даем приказ и повелеваем Максиму Железняку... вступить в пределы Польши... вырезать и уничтожить с помощью Божьей всех поляков и жидов, хулителей нашей святой религии... Дано в С.-Петербурге. Екатерина».

И хотя императрица объявила впоследствии, что грамота была подложной, всюду, где появлялись гайдамаки, они зачитывали эту грамоту и поднимали народ на войну. С лозунгом истребления всех поляков, а также евреев «от Нухима до Боруха» гайдамаки напали на Жаботин, Черкассы, Смелу, Корсунь, Канев. Затем подошла очередь Тетиева, Рашкова, Липовцов, Тульчина. Везде грабили и убивали, не пропуская ни одного. Очевидец писал: «В Лысянке мы нашли на одной виселице трупы ксендза, шляхтича, еврея и собаки с надписью: «всё одна вера»...»

Особенно привлекал гайдамаков город Умань, принадлежавший графу Потоцкому. Надеясь на крепостные стены, многие беглецы сбежали в Умань в страхе перед гайдамаками, переполнили город, массами расположились за его стенами. Губернатором был поляк Младонович, а отрядом казацкой милиции, что защищала город, командовал сотник Гонта. Когда Железняк подошел к Умани, Гонта с казаками перешел на его сторону и перебил всех беглецов за стенами города. После этого Железняк и Гонта напали на Умань. В первый день штурма поляки и евреи дружно оборонялись на городских стенах под командой землемера поляка Шафранского. Дочь губернатора вспоминала впоследствии: «Шафранский выбивался из сил, стараясь везде поспеть. Он раздал ружья евреям, чтобы они через

палисад отбивались от крестьян... Помню, я видела жидов с опаленными бородами и пейсами, охотно стреляющими и защищающимися. Могу сказать, что только одни жида и защищались».

Гайдамаки убедили губернатора, что поляков они не тронут, вошли в город и напали на евреев. Началась резня, которая продолжалась трое суток. Жестокость гайдамаков поставила Уманскую резню наравне с самыми ужасными проявлениями массовых преступлений. По приказу Гонты трупы было запрещено хоронить, их бросали в колодцы, отдавали на съедение собакам. Покончив с евреями, гайдамаки принялись за поляков. Губернатор Младонович перед смертью напомнил Гонте, что тот клялся пощадить ему жизнь, но Гонта на это ответил: «Ты тоже изменил своему слову, данному евреям, не выдавать их мне». Всего в Умани погибло около 20 000 поляков и евреев. Затем гайдамаки вышли из города, устроили на поле табор и, поделив между собой богатую добычу, пьянствовали непрерывно в течение двух недель.

В еврейском свидетельстве об Уманской резне сказано: «Все евреи заперлись внутри синагоги... и начали защищаться. Один из них, называвшийся Лейбой, выхватил меч у одного разбойника и убил 20 врагов; другой, некто Мозес Мокер, защищаясь отчаянно, убил их 30. Наконец, разбойники... привезли пушку и ядрами стреляли по синагоге. Тысячи евреев лишились там жизни, но они сделались мучениками за веру. Одна женщина именем Брейла, боясь, чтобы после ее смерти дети не были обращены в другую веру, утопила их в реке... Убийцы топтали младенцев на глазах их матерей, живых детей вбивали на острия пик и с торжеством носили по улицам, как бы праздную победу...»

Другой еврейский летописец писал: «Разложив на полу свиток Торы, они (гайдамаки) стали топтать его ногами и резать на нем евреев. Резня была так велика и ужасна, что кровь зарезанных стояла в синагоге выше порога. Потом гайдамаки вынесли из синагоги свитки Торы, разложили их по улицам и верхом проезжали по ним». А в актах Уманского Базилианского монастыря сказано так: «Страшно было видеть их (евреев), плавающих в собственной крови, без рук, без ушей, обнаженных, которых добивали собравшиеся из ближайших сел поселяне... Тут даже женщины, ожесточенные примером мужей, дубинами, ножами, лопами, серпами резали и убивали, даже детей своих к этим жестокостям принуждали».

Покончив с Уманью, гайдамаки отправились в Балту, куда бежали уманские евреи, и убили их там. Затем они пошли в Бендеры, где тоже грабили и убивали. Но это уже были последние их дни. Гайдамаков усмирила Россия, которая опасалась, как бы восстание не перекинулось на левобережную Украину. Железняк, русского подданного, сослали в Сибирь; 700 гайдамаков повесили на пути от Умани до Львова; Гонту подвергли ужасным пыткам перед казнью, и на этом гайдаматчина закончилась.

В память о резне в Умани установили особую молитву, которую читали ежегодно в уманских синагогах в пятый день месяца таммуз, – в тот день гайдамаки напали на Умань. После страшных событий были составлены «кинот» – плачи; в одном из них под названием «Плач на бедствия украинские» описывались несчастья того периода:

Отче небесный! Как мог Ты взирать,
Чтобы евреи украинские претерпели такие бедствия?..
Да предстанут пред Тобой злодеяния гайдамаков.
Владыка мира,
Помоги и спаси тех, кто за нас заступился, – аминь!

6

Сохранилась еврейская рукопись восемнадцатого века, в которой рассказывается о графе Валентине Потоцком и пане Зарембе.

«В 479 году шестой тысячи лет (1719 год) жил великий пан Потоцкий в земле Польской и имел мудрого сына. Мальчик вырос, и отец послал его в королевский город Париж, город короля французского, полный мудрецов и писателей, где для каждой мудрости есть особенная школа, в которой учатся молодые люди.

В то же время жил на земле Жмудской другой пан, не из важных, по имени Заремба. И родился у него сын, мальчик вырос, сделался великим мудрецом, любознательным ко всему, что глаза его увидели. Отец послал его в Вильну, учиться, где юноша вскоре изучил все науки, знал их в десять раз лучше своих сверстников; добрая слава его распространялась между всеми панами, дали они юноше много денег и послали его в город Париж, столицу земли французов, учиться там. Прибыл юноша в Париж, приняли его с большими почестями, и стал он товарищем сына великого пана Польского, по фамилии Потоцкий...»

Граф Валентин Потоцкий и пан Заремба жили в Париже, совершенствовались в науках, однажды во время прогулки увидели старого еврея, который читал какую-то книгу. Сказано в рукописи:

«Стали товарищи расспрашивать старца: что в этой книге, что это за письмена и что за язык книги, которую он читал? Ответил им старец: «Язык этот – язык священный, язык еврейский». Попросили они его рассказать им, что написано в книге, и он перевел с толковым объяснением несколько слов. Показались им эти слова хорошими, и спросили они его, всё ли правда, что написано в этой книге? И старец отвечал: «Это всё истинно верно»...

Товарищи стали умолять того старца, чтобы он поучил их, сын магната даже обещал хорошо заплатить ему, и старец согласился наконец поучить их, назначил по часу три раза в неделю. В полгода выучили они всё Пятикнижие, и вошли в их сердца слова Закона, стали точно другие люди... Сказал сын магната своему товарищу: «Дал я себе слово в душе – убежать отсюда в Амстердам, принять там веру евреев». Отвечал ему его товарищ: «Как ты, так и я»...

Граф Валентин Потоцкий поступил затем в духовную академию в Риме, а его друг пан Заремба вернулся в Польшу, женился на дочери гетмана Тышкевича и забыл про прежнее свое обещание. Когда же распространились слухи о таинственном исчезновении Потоцкого, Заремба вспомнил про их уговор, вместе с женой и сыном поехал в Амстердам.

«Утром второго дня, – сказано в рукописи, – пошел пан Заремба к раввину города и объявил ему, что желает перейти в веру еврейскую. Отвели ему особый дом и обрезами его и сына его, которому было пять лет. А жена его выглядывала, когда уже муж придет, вечером пошла со слугою отыскивать мужа и сына. А он послал ей навстречу сказать, чтобы не искала, ибо перешел он в веру еврейскую. Как услышала она это, так и упала на землю без чувств. Поставили ее люди на ноги и спросили: что с тобой? А она кричала громким голосом: мой муж стал евреем!.. И пошла она, и пришла в дом, где находился ее муж, а он закричал громко, чтобы не подходила к нему: потому что я жид, человек низкий, а ты великая боярыня, дочь гетманская. Заплакала она, стала умолять его и сказала: приму же и я еврейскую веру... И стала она еврейкой...»

После этого пан Заремба с женой и сыном уехали в Иерусалим, стали там жить. А его друг – граф Валентин Потоцкий – принял иудаизм в Амстердаме, вернулся затем в Литву, поселился в местечке возле Вильно, и называли его Авраам сын Авраама. За отпадение от христианской веры он был сожжен всенародно; евреи выкупили у палачей немного пепла и похоронили его на еврейском кладбище. На могиле не было памятника, лишь росло

старое искривленное дерево, и многие годы туда приходили евреи, чтобы помолиться. День его гибели отмечали в виленской синагоге ежегодно, на второй день праздника Шавуот; в еврейской памяти он сохранился под именем Гер Цедек, что в переводе с иврита означает – «праведный прозелит».

Рукопись заканчивается такими словами:

«А второго дня праздника Шавуот вышел приговор, чтобы сжечь его; сильно просили его перед сожжением, чтобы возвратился он в их веру, а он над ними смеялся. Тогда приказали они палачу вырезать ему язык и вырвать его из затылка. Когда же мучили его, он громко и радостно превозносил Всевышнего, говоря: «Благословен Ты, Господи, освящающий имя Свое всенародно!..» И жил в те дни на Руси человек, который повествовал, что был Гер Цедек в городе Вильно, принял там мученичество всенародно...»

В жалобе польского дворянина за 1708 год говорится, что мещанин Григорий Пашенко грабил и бесчинствовал; среди прочего – напал на корчму, связал еврея, бил его, топтал ногами, прикладывал саблю к шее, грозя отрубить голову, если тот не укажет, где у него хранятся деньги. Затем он погнался за другим евреем, но тот успел броситься в пруд, и пули из пистолета в него не попали. Пашенко отправился в замок грабить пана, а еврей, выбравшись из пруда, уговорил мужиков пойти с ним спасать пана. Вскоре толпа мужиков, наломав в лесу дубин, во главе с евреем двинулась к замку. А Григорий Пашенко отправился в корчму, набрал ведро водки и предался пьянству.

После гайдамацких погромов евреи бесприютно бродили по польской Украине в поисках пропитания, а десять вооруженных евреев под предводительством Майорки Шимановича грабили местное население. В судебном акте сказано, как однажды они пришли в дом помещика под видом странствующих купцов. Не застав хозяина, они поспешили в соседнее местечко, потому что наступала суббота, а грабители собирались провести ее так, как полагается благочестивым евреям. В ночь на воскресенье они вернулись, убили помещика, ранили его жену и ограбили дом.

Путешественник восемнадцатого века отметил в своих записях: «Большая часть жителей города (Белая Церковь) – поляки; между ними находится много жидов, которые содержат шинки и умножают откупами государственные доходы. Мало имеется деревень, в которых бы не было жидов, а это великое счастье для чужестранцев, которые без них не знали бы, где приютиться».

Другой путешественник сообщал: «Больше всего (в Минске) жидов с их синагогами. Внося аккуратно магнатам огромные подати и будучи через это весьма полезны, они обладают и немалой свободой... На границе Литвы с Московией... торгуют всё больше жида. Скупая дешево меха из соседней

Московии, они продают их в Польше с огромным барышом. Тут крайний предел их торговой деятельности: в Московию они и показаться не смеют».

Из хасидских историй.

Евреи местечка собрались в доме молитвы – мужчины, женщины, дети. Прибежал человек с известием, что приближаются гайдамаки, и тогда рабби Аарон Великий вышел из синагоги, сел у входа. Когда гайдамаки приблизились, он грозно произнес начало псалма: «Почему волнуются народы и племена замышляют тщетное?..» Тут же предводителя гайдамаков поразило безумие, он принялся избивать своих людей, и гайдамаки убежали из местечка.

Очерк пятнадцатый

Единичные появления евреев на территории Российского государства. Смутные времена. Царствование Алексея Михайловича. Петр I и евреи. Дело Возницына. Врач Антониу Рибейро Саншес

*«Ее Императорское Величество полагает, что было бы против
ее совести иметь в своей Академии такого человека, который покинул
знамя Иисуса Христа и решился действовать под знаменем Моисея
и ветхозаветных пророков. Вот, милостивый государь, истинная
причина вашей опалы».*

1

Рассказывая о жизни евреев в Польше, Литве, Украине и Белоруссии, следует упомянуть и тех, кто от случая к случаю попадал на территорию Российского государства. Евреи приезжали торговать в Россию, попадали в плен во время войн с Польшей и Литвой, временно поселялись в русских городах, изгонялись, возвращались, поселялись заново, работали в России и для России.

В начале семнадцатого века, в Смутные времена, в Москве воцарился Лжедмитрий I, выдававший себя за царевича Дмитрия, погибшего сына Ивана Грозного. Историк Н. Карамзин: «Русские обедали в старину часу в одиннадцатом утра и тотчас ложились отдыхать, как знатные, так и простые люди. В сие время нельзя было идти в гости ни к купцу, ни к боярину; даже сидельцы запирали лавки свои и в летнее время спали на земле перед ними. Дмитрий-самозванец никогда не отдыхал после обеда и не ходил в баню; жители московские заключали из того, что он не русский».

Лжедмитрий I отменил ограничения на въезд в страну и переезды внутри нее, сделал торговлю свободной для иностранцев, и в Россию понаехали купцы из разных стран. В «Сказании» тех времен, повествующем «о прелести злопроклятого еретика Гришки Отрепьева», сообщается, что «наполнил он, окаянный, Российское царство погаными иноверцами, еретиками, Литвою, и Поляками, и Жидами». После убийства Лжедмитрия среди погибших в Москве оказались евреи; ненависть к полякам распространилась и на них, даже если они были обычными купцами.

Затем объявился самозванец Лжедмитрий II, «Тушинский вор». В Тушино, под Москвой, собрались вокруг него не только поляки, но и русские бояре, недовольные тогдашним царем Василием Шуйским. Из Тушино вели переговоры с Польшей о приглашении на московский престол польского королевича Владислава; в проект договора между тушинцами и польским правительством внесли особый пункт: «а жидам в Московском государстве с торгом и другими делами бывать не позволят». Договор так и остался на бумаге, но поляки еще несколько лет находились на территории России.

В казачьем отряде польской армии служил еврей Берах, погибший в сражении под Москвой в 1611 году. Когда его вдова собралась повторно выйти замуж, потребовалось свидетельство евреев о том, что Берах действительно погиб, – иначе по еврейским законам его жена не могла снова вступить в брак. Такой свидетель нашелся. Звали его Йосеф бен Моше, он служил в том же отряде, и вот его сообщение: «Нас было одиннадцать хозяев (евреев), служивших в войске. Еврей же Берах, сын святого Аарона из Тышовец, выскакал

два-три раза к московскому войску, как это обычно на войне. Но москвитяне одолели, еврей отскочил назад, и из леса стреляли ему вслед. Я видел, как патрон воткнулся ему в спину, как он пал на седло... а лошадь понесла его по дороге... И многие казаки говорили: о, Боже! как жалко, что рыцарь еврей Берах так плачевно погиб».

В 1613 году российским царем стал Михаил Федорович Романов. В его царствование посетил Москву иностранец Олеарий и отметил в своих записках, что русские «крайне неохотно видят и слушают папистов (католиков) и иудеев». Однако в еврейских документах первой половины семнадцатого века есть упоминания о евреях, побывавших в России: «после того, как я сам был в Москве», «я прибыл в Москву», «одно лицо, прибывшее из страны Московской», – и другие сведения.

В 1632 году началась война с Польшей. Некоторые польские города сдались русским, и тамошние евреи, попавшие в плен, были отосланы вместе с другими пленниками в отдаленные российские края: кто в Пермь Великую, а кто в далекую Сибирь – «в службу» и «на пашню». Одни из них принадлежали государю, а другие, захваченные частными лицами, принадлежали этим людям или тем, кому их затем продавали. В Москве пленников не оставляли, так как опасались, что после заключения мира они вернуться домой и расскажут обо всем, что делается в российской столице, – это считалось опасным в военном отношении.

В семнадцатом веке российские правители неохотно впускали в страну иноземцев – «бусурман, а наипаче жидов некрещеных»; их опасались как возможных шпионов и проповедников безбожных обычаев. Иностранцев купцов допускали в Москву с особого дозволения, а по окончании ярмарки заставляли немедленно уехать. Иноземцев обязывали жить в особых частях города, носить свои одежды, отличавшиеся от русских одежд, чтобы выделяться в толпе; посещать иностранцев местному населению категорически запрещалось. Даже послам не разрешали свободно передвигаться по Москве; выходить на улицу они могли только по уважительной причине, в сопровождении приставленных к ним служителей. Еврей-купец был иностранцем на улицах Москвы и тоже не мог рассчитывать на особое гостеприимство.

Царь Алексей Михайлович, второй царь из династии Романовых, в 1649 году издал указ, который предписывал: «А буде кого бусурман какими ни будь мерами насильственно или обманом русского человека к своей бусурманской вере принудит и по своей бусурманской вере обрежет... того бусурмана по сыску казнить, сжечь огнем без всякого милосердия». Через три года после этого Алексей Михайлович повелел, чтобы иностранцы могли селиться в Москве только в пределах слободы Кукуй при реке Яузе – в так называемой Немецкой слободе. Им запрещали оставаться на ночь в Москве, даже появилась особая поговорка, при помощи которой иностранцев гоняли на закате, как кур гоняют на насест: «Фрыга, шиш на Кокуй!» – то есть фряг, фрязин, чужеземец, пошел в свою слободу Кукуй.

В 1659 году в Немецкой слободе провели облаву; среди прочего недозволенного элемента, который без разрешения жил в Москве, оказались и евреи. Некие Ганка и Рыся – дочери Мееровы, с детьми – заявили, что их взял в плен подполковник Михайло Вестов в городе Мстиславле и привез в Москву. Его брат Самойло Вестов вывез из того же города девушку Эстерку, дочь Юдину. Был там и некий Ооска Александров с женой, который «кормился черною работою»; Марко Яковлев с женой Дворкою торговал ветошью; Якубка Израилев, старик, бобыль, второй год жил в Москве и пёк «на торг хлебы», а Моска Марков торговал мясом.

Трое евреев приняли лютеранство; остальные, пойманные на облаве, остались при своей вере, и их сослали с женами и детьми в Сибирь, на вечное житие. В Москве могли жить только крещенные евреи, но кое-кто из них тайно исповедовал прежнюю веру.

2

В царствование Алексея Михайловича снова была война с Польшей; из архивов известно, что из Шклова отправили в Казань – через Брянск, Калугу, Нижний Новгород – около 130 пленных «жидов с женами и с детьми». Вскоре по тому же пути послали в Казань еще 90 пленников-евреев. Известно также, что пятерых детей отняли у родителей, окрестили и передали в Теремный дворец московского Кремля, в услужение жены царя. Это были Малка Бернкова, Симко Селиванов, а также Якубко, Рахилка и Сарка Исаевы.

В Москве на Ивановской площади всю торговали пленниками, некоторые из них стали крепостными у помещиков. После Андрусовского перемирия 1667 года бывшие пленные поляки, литовцы и евреи, оставшиеся в России, основали в Москве Мещанскую слободу. Это случилось в 1670 году: «по указу великого государя велено за Сретенскими воротами строить мещанам новую слободу». Слово «мещане» – иноземного происхождения, в те времена оно прилагалось лишь к выходцам из Польши.

Первая перепись Мещанской слободы упоминает крещеных евреев, что жили там своими дворами. Один из них «Матюшка Григорьев, еврей; у него сын Петрунька, да у него же брат его родной Федка Григорьев». Матюшка Григорьев родом из Мстиславля, попав в плен, жил в Мещанской слободе, торговал в овощном ряду. Через восемь лет после переписи Матюшка был уже в мещанских старостах, попав в высшую группу московского купечества. Его сын Яков носил фамилию Евреинов, стал основателем шелковой фабрики в Москве, при Петре I служил консулом в Кадиксе (Испания), дипломатическим агентом в Голландии, был вице-президентом, а затем президентом Коммерц-коллегии – от него пошла фамилия Евреиновы.

В первой переписи Мещанской слободы упомянуты также Андрюшка Лукьянов, Яков Самойлов, Степан Копьев и Лучка Григорьев «еврейской породы», «бездворный подсоседник». Монах Иван Башмаков, крещенный насильно в детские годы, участвовал в росписи Грановитой палаты Московского Кремля; Василий Познанский писал иконы; Арсений Грек, монах еврейского происхождения, основал в Москве первую в России школу, где начали обучать греческому языку и латыни.

Опальный патриарх Никон жаловался царю в 1671 году: «Да у меня же в Воскресенском монастыре были два жида крещеных, и, оставя православную веру, начали они старую жидовскую держать и молодых чернецов совращать. Я, сыскав об этом подлинно, велел жида Демьяна помирить и сослать в Иверский монастырь, а Демьян другому жида, Мишке, сказал: «Не пробывать и тебе без беды. Беги в Москву и скажи за собою государево слово»; тот так и сделал... А в это время молодые чернецы, бывшие в жидовской ереси, покрали у меня деньги, платье и тем жидам помогли, да им же помогал архимандрит Чудовский».

По словам иностранного врача Коллинса, который жил при царском дворе, в Москве образовалась небольшая еврейская колония. «В последнее время, – писал этот врач, – к русскому двору пробралось много жидов чрез покровительство одного лекаря-жида, который принял лютеранскую веру». Этот лекарь неоднократно упоминался в документах под разными именами: Данило Евлевич, Данило Ильин, Данило Жидовинов, Данило Фунгаданов, «Данило, а в крещение Степан Фунгаданов», «дохтур Стенька Фонгадин», Стефан Фунгаданов и, наконец, «Данило фон Гаден, жид».

Это был еврей из Силезии, из города Бреслау; приехав в Москву в 1657 году, он стал сначала фельдшером, а затем врачом царя Алексея Михайловича и сына его Федора. Царь выдал ему грамоту, в которой было сказано: «Сею грамотою свидетельствуется, что он в докторском и во всяком лекарственном учении достаточно навычен, докторской чести достоин и

во всем человек potrzebный». Гаден принял поочередно лютеранство, католичество и православие, но оставался, скорее всего, тайным евреем, а из Подолии к нему приезжали в Москву члены его семьи – правоверные евреи. Он был популярным врачом при московском дворе; царь одарял его всяческими милостями и даже позволил съездить к матери в Польшу, что редко разрешалось иностранцам. В семидесятых годах семнадцатого века к Гадену переселились его родные, и благодаря этому, как писали тогда, «значительно увеличилось число евреев в Москве».

Гаден погиб во время восстания стрельцов в 1682 году, обвиненный в отравлении царя Федора. Он пытался спрятаться, переоделся для этого в нищенское платье и лапти, но его опознали на улице и притащили на Красную площадь. Царица Марфа и царевны уверяли стрельцов в его невиновности: Гаден прежде отведывал лекарства, которые затем подавали царю, но это не помогло. «Он чернокнижник! – кричали стрельцы. – Мы в его доме нашли сушеных змей, и поэтому его надобно казнить смертью!»

Несчастливого поволокли в застенки и пытали. Там, не выдержав боли, он наговорил на себя и попросил дать три дня срока, после чего он укажет на тех, кто более его достоин смерти за убийство царя. Повидимому, он хотел выиграть время, но стрельцы на это не согласились. «Долго ждать!» – закричали они, разорвали записку с пыточными показаниями, снова потащили Гадена на Красную площадь, подняли там на копы, а затем изрубили на куски. Вместе с ним был убит и его сын. В документе того времени, при перечислении жертв стрелецкого бунта, сказано среди прочих: «а именно убиты насмерть... Данило фон Гаден, жид».

Еврейский свидетель тех событий сообщал: «Я приехал в Москву через три или четыре дня после погрома и пошел на похороны с другими анусим (тайными евреями), ибо дан был приказ от царя похоронить убитых. Даниил (Гаден) был изрублен на куски: отрублены были одна нога и одна рука, тело проколото копьем, а голова разрезана топором. Я и другие анусим похоронили Даниила и его сына Цви в поле».

В конце семнадцатого века заезжий иностранец отметил: «Иудеев не терпят в Московии иначе как крещеных».

3

Реформы Петра I открыли двери в Россию для иностранцев. Однако его резиденты, подыскивая в Европе деловых, знающих людей, жаловались, что европейцы опасаются ехать в Россию, «на край света», в страну, которая «с Индиями граничит».

Рассказывали: когда Петр жил в Голландии и приглашал в Россию мастеров, купцов, фабрикантов, амстердамские евреи тоже попросили права переселиться, обещали от этого громадные выгоды казне, на первых порах предлагали преподнести государю 100 000 гульденов. На это Петр I будто бы ответил посреднику в переговорах: «Вы знаете евреев, их характер и нравы, знаете также русских. Я тоже знаю тех и других, и поверьте мне: не настало еще время соединить обе народности. Передайте евреям, что я признателен за их предложение и понимаю, как выгодно было бы им воспользоваться, но мне пришлось бы пожалеть их, если бы они поселились среди русских».

Историк С. Соловьев отметил в «Истории России» иное отношение царя к евреям: «Призывая отовсюду искусных иностранцев, Петр только для одного народа делал постоянное исключение, для жидов. «Я хочу, – говорил он, – видеть у себя лучше народов магометанской и языческой веры, нежели жидов. Они плуты и обманщики... Не будет для них в России ни жилища, ни торговли, сколько о том ни стараются и как ближних ко мне ни подкупают»...» О том же сообщал историк В. Ключевский: «Кроме Русских, в Москве жило

очень много Греков, Персиян, Немцев, Турок и Татар, но Жидов не было вовсе, ибо их не терпели не только в столице, но и в пределах государства».

Петербург во времена Петра оставался закрытым для евреев. Купцы могли приезжать туда только по делам, непродолжительное время там находились финансовый агент царя Израиль Гирш, поставщик серебра на монетный двор Зундель Гирш, прусский банкир Либман. Среди противников реформ в России ходили слухи, будто Петр I – антихрист, который соберет всех жидов, приведет в Иерусалим и будет царствовать над ними. Еще говорили, что истинный Петр умер за границей во время путешествия, а вместо него приехал в Россию «жидовин из колена Дана, – быть может, это в какой-то мере повлияло на решение Петра не пускать евреев в Россию? В манифесте за 1702 год о приглашении в Россию «искусных» иностранцев Петр I сделал оговорку: кроме евреев.

Во время Северной войны русские войска продвигались по Польше, и тамошнее еврейское население страдало от грабежей и поборов. В 1708 году в городе Мстиславле солдаты русской армии начали грабить население, но царь немедленно прекратил погром и строго наказал зачинщиков. В кагальной книге Мстиславля это событие записали «на память грядущим поколениям»: «28 элула 5468 года пришел Кесарь, называемый царь Московский, по имени Петр сын Алексея, со всей ратью своей – огромным, несметным войском. И напали на нас из его народа грабители и разбойники без его ведома, и едва не дошло до кровопролития. И если бы Господь Бог не внушил царю, чтобы он самолично зашел в нашу синагогу, то наверное пролилась бы кровь. Только с помощью Божией спас нас царь и отомстил за нас, приказал повесить немедленно тринадцать человек из них, и успокоилась земля».

Известен случай, когда Петр I побывал в Могилеве, «евреи могилевские пришли встретить его с хлебом и живого осетра в чане принесли государю; но государь на них и не взглянул, только хлеб велел от них принять».

При Петре I в Петербурге свободно жили лишь крещеные евреи, некоторые из них занимали там высокие государственные должности. Петр Павлович Шафиров был пожалован Петром I в действительные тайные советники, произведен в вице-канцлеры, первым в России получил баронское достоинство. В 1711 году во время неудачного похода, когда Петр вместе с малочисленной русской армией был окружен турками, Шафирова послали на переговоры. Чтобы избежать унизительного плена, царь был согласен на значительные территориальные уступки, но Шафиров сумел обмануть турецких представителей, и Россия отдала лишь Азов.

«Тучный Шафиров проявил присущую ему ловкость», – писали тогда, но во исполнение договора он был оставлен заложником в Стамбуле. В плену пробыл два с половиной года, откуда сообщал царю: «Держат нас в такой крепости, что от вони и духа в несколько дней вынуждены будем умереть». Ему удалось заключить выгодный для России мир, и по возвращении в Петербург Петр I наградил Шафирова высшим отличием Российской империи – орденом Андрея Первозванного. Шафиров был хорошо образован, знал несколько европейских языков, по поручению царя написал книгу «Рассуждения о причинах войны со Швецией»; в ней он разяснял причины, по которым Россия начала Северную войну. Послесловие к книге принадлежит Петру I; ее переиздавали несколько раз при жизни Шафирова, она стала первой из русских книг, переведенных на английский язык.

Петр Павлович Шафиров был генерал-почтмейстером, вице-президентом Коллегии иностранных дел, среди прочих подписал «Духовный регламент», упразднивший в России патриаршество, принимал участие в суде над царевичем Алексеем. Впоследствии обер-прокурор Сената обвинил его в нарушении закона и в утаивании еврейского происхождения, а особая комиссия, назначенная царем, признала его виновным в казнокрадстве, приговорив к смертной казни. Как сообщали впоследствии, Шафиров вел себя мужественно, по русскому обычаю обратился лицом к церкви и перекрестился, после чего встал на колени, положил

голову на плаху. Палач взмахнул топором и вонзил его рядом с головой осужденного, а затем был прочитан царский приказ о замене смертной казни ссылкой в Сибирь. При Екатерине I Шафиров возвратился в Петербург, вновь был назначен президентом Коммерц-коллегии и сенатором, вел дипломатические переговоры с Персией и Турцией.

Шафиров был женат на Анне Степановне (Самойловне) Копьевой из семьи крещеных евреев. Датский посол записал в дневнике: «Государственный вице-канцлер Шафиров мужчина толстый и низкого роста. Предки его были евреями, но отец его и он перекрещены. Действительно, как сам он, (так) и его дети очень похожи на жидов. Некоторые уверяют даже, что втайне он остался евреем... Вообще же (Шафиров) человек умный: по-немецки говорит как на родном языке; в переговорах с ним легко приходишь к соглашению, да и в иностранной политике он довольно сведущ». И в том же дневнике: «Мне много раз случилось заметить, что у меня за столом сын Шафирова не прикасался к свинине; а однажды на мой вопрос, почему он ее не ест, отвечал, что ее не едят ни родители его, ни сестры, ибо считают это грехом».

Дочери Шафирова вышли замуж за представителей старинных аристократических фамилий Рюриковичей-Гедиминовичей. Среди потомков барона Шафирова – государственные деятели России, военные, богословы, писатели, публицисты, археологи. Назовем некоторых из них: музыканты братья Матвей и Михаил Виельгорские, председатель Совета министров Сергей Юльевич Витте, русский поэт Петр Андреевич Вяземский, семья славянофилов Самариных, теософ Елена Блаватская, философ князь Сергей Трубецкой, писатель Алексей Николаевич Толстой.

4

Из воспоминаний того времени: «Камердинер Петра Великого, Петр Вульф, жидовского происхождения, быв гвардии офицером, пожалован в тайные советники». В первые годы восемнадцатого века по указу Петра открыли в Москве восемь аптек по западному образцу; одна из них – аптека Авраама Рута в Замоскворечье, за Старым Каменным мостом.

Антониу Мануэл Виэйра – Антон Мануйлович Дивьер, сын португальского еврея из Амстердама – служил юнгой в голландском флоте; его заметил Петр I и в 1697 году взял с собой в Россию. Был исполнитель, хорошо образован, знал несколько языков, отличался веселым характером; в звании генерал-адъютанта Дивьер стал первым генерал-полицмейстером Санкт-Петербурга. Он руководил строительством новой столицы, следил за тем, чтобы торговцы не повышали цены на съестные припасы; при нем появились в городе пожарные части, ночные караулы с трещотками и первые уличные фонари, в которые заливали конопляное масло.

Дивьер женился на сестре А. Меншикова, хоть тот сопротивлялся этому, но царь настоял – и свадьба состоялась. После смерти Петра Дивьер был возведен в графское достоинство, назначен сенатором, однако Меншиков обвинил его в государственной измене, добился того, чтобы Дивьера лишили графского титула, чинов и имущества, после публичного наказания кнутом сослали вместе с семьей в Якутию, где умерли трое его детей.

В ссылке Дивьер стал командиром порта в городе Охотске, выстроил верфь, оборудовал пристань, участвовал в снаряжении экспедиции В. Беринга, обнаружившей пролив между Азией и Америкой, основал навигационную школу, которая «просуществовала сто лет и была рассадником просвещения для всего Северо-Восточного края Сибири». При императрице Елизавете Дивьера возвратили из ссылки с «отпущением вины», восстановили в графском достоинстве, и он вновь занял должность петербургского генерал-полицмейстера.

Родоначальником семьи Веселовских был еврей из польского местечка Веселово, оказавший важные услуги московскому правительству при осаде Смоленска в 1654 году. Его внуки, родственники П. Шафирова, занимали высокие посты при Петре I. Абрам Веселовский был личным секретарем Петра, во время Полтавского боя состоял адъютантом при императоре, в 1715 году занял пост русского резидента в Вене. Замешанный в дело о побеге царевича Алексея Петровича, бежал в Лондон, спасаясь от гнева царя. Его брат Исаак Веселовский был дипломатом, преподавал русский язык наследнику престола Петру III. Федор Веселовский заведовал в Лондоне посольскими делами и не возвратился в Россию после увольнения. Петр I приказал его арестовать, но британское правительство отказалось выдать; впоследствии он вернулся в Россию, стал куратором Московского университета. (Среди потомков Веселовских – три действительных члена Российской и советской Академии наук.)

Следует упомянуть про одну удивительную личность при дворе Петра I. Это был Жуан да Коста – в России его звали Лакоста, потомок евреев-маранов, бежавших из Португалии от преследований инквизиции. Лакоста познакомился в Европе с Петром I и приехал в Россию. Это был веселый, остроумный человек, и Петр назначил его на должность «придворного философа», другими словами – придворного шута. Его происхождение не являлось тайной: отмечали его «еврейский нос», и при дворе он был известен как «португальский жид Лакоста». За усердную шутовскую службу царь пожаловал Лакосте титул «Самоедского короля» и подарил четыре острова в Финском заливе. Рассказы о Лакосте сохранились в фольклоре финнов этих островов, называвших его «черноголовый испанец». Дом «Самоедского короля» располагался на острове Лавансаари; когда он впервые приплыл туда, девушки убежали в лес, чтобы спастись от рук «черноголового испанца».

Лакоста говорил на нескольких языках, превосходно знал Библию, и Петр любил вести с ним богословские беседы. Придворный вспоминал такой случай: «Лакоста говорил, что в Святом Писании сказано – «многие придут от востока и запада и возлягут с Авраамом, Исааком и Иаковом»; царь опровергал его и спрашивал, где это сказано? Тот отвечал – в Библии. Государь сам тотчас побежал за Библией и вскоре возвратился с огромною книгою, требуя, чтобы Лакоста отыскал ему это место; шут отозвался, что не знает, где именно находятся эти слова. «Всё вздор, там этого нет», – отвечал государь...».

Лакоста служил четырем российским царям; его называли человеком «свойств живых и забавных», известны анекдоты, приписываемые ему, и вот один из них. Однажды глупый придворный спросил шута, почему он разыгрывает из себя дурака. «Конечно, по разным с вами причинам, – ответил Лакоста. – Ибо у меня недостаток в деньгах, а у вас – недостаток в уме». В дореволюционной Еврейской энциклопедии сказано: «Старинная гравюра сохранила портрет Лакосты – умное лицо гордого сефарда в костюме восемнадцатого века, с париком на голове, мало похожее на ту «смешную фигуру», которую приписывают Лакосте любители анекдотов».

Жуан да Коста скончался в 1740 году в Петербурге; придворный врач написал о нем: «Некоторые говорят, что он умер... без религии; другие, что он умер евреем, и очень немногие, что он умер христианином...»

5

После смерти Петра I императрица Екатерина I повелела выслать евреев из тех мест, где они жили оседло: из Малороссии, Смоленщины и недавно присоединенной Лифляндии. «Жидов, как мужеска, так и женска пола... всех выслать вон из России за рубеж немедленно и впредь их... не впускать». Остаться в России можно было после принятия христианства; исключение сделали для Зунделя Гирша, который поставлял серебро на монет-

ный двор. Чтобы казна не понесла убытков, ему разрешили временно находиться в Петербурге, «а как по контракту то серебро поставит сполна», то и его «выслать из России за рубеж немедленно».

Исполнение приказа Екатерины I начали с Малороссии, изгоняли евреев-арендаторов, шинкарей и торговцев; на границе – согласно повелению императрицы – их золотые и серебряные монеты меняли на медные. Вскоре в Малороссии не оказалось нужных товаров, всё вздорожало, население стало роптать; указом Петра II евреям позволили приезжать лишь для оптовой торговли, а по окончании ярмарки немедленно уезжать. Через несколько лет императрица Анна Иоанновна разрешила им и розничную торговлю «в знак милости» к местному христианскому населению, – но находиться постоянно в России евреи уже не могли.

Вскоре, однако, выяснилось, что они жили незаконно в Малороссии, в имениях местных помещиков и влиятельных чиновников, которые нуждались в арендаторах, корчмарях и ремесленниках. Последовало распоряжение Сената о немедленном их выселении, но исполнение приостановили из-за войны с Турцией, «чтоб через ту их ныне высылку не воследовало какого шпионства». В 1739 году провели перепись евреев в Малороссии, и выяснилось, что там находились в 130 дворах 292 мужчины и 281 женщина, не считая тех, кто ускользнул от регистрации. Эти люди пришли из местечек Польши, откуда гнала нужда, избыточность еврейского населения, и поселились без разрешения на левобережной Украине, где со времен Хмельницкого не оставалось практически ни одного еврея. Они жили «не своими домами», не имели «никаких грунтов, заводов и других промыслов», а арендовали шинки для торговли напитками.

Эту горсть евреев, из-за которых возникла оживленная административно-законодательная деятельность, решили выслать по окончании войны с Турцией. Резолюция Анны Иоанновны гласила: «Вышеобъявленных жидов, по силе прежних указов, из Малой России выслать за границу». На такое категорическое ее решение повлияло, возможно, событие, память о котором сохранилась в русских архивах под названием «Дело о сожжении отставного морского флота капитан-поручика Александра Возницына за отпадание в еврейскую веру и Бороха Лейбова за совращение его».

Имя Бороха Лейбова встречается в русских документах еще в 1722 году. Смоленские мещане обратились тогда в Святейший Синод с жалобой на евреев, которые «чинят в простом народе смуту и прельщение», развращая христиан. В этой жалобе они упомянули имя откупщика таможенных и питейных сборов Бороха Лейбова, который в селе Зверовичи под Смоленском устроил «жидовскую школу» (синагогу) возле церкви Николая Чудотворца, где «басурманскую свою веру отправляет», продавал христианам «мертвечину или мясо издохших коров», «бесчеловечно мучил» и до смерти избил священника того села Авраамия, который «чинил ему, жиду, всякие противности в строении школы».

И хотя Борох Лейбов утверждал, что священник умер от пьянства, а не от побоев, Синод приказал «противную христианской церкви жидовского учения школу разорить до основания», а «прелестного их учения книги и прочее, собрав, сжечь без остатку». Это было немедленно исполнено: молельню разрушили, книги сожгли, а через несколько лет после этого всех евреев села Зверовичи вместе с Борохом Лейбовым выслали из России – на основании указа Екатерины I.

Борох приезжал в Россию по делам, встретился в Москве с отставным капитан-лейтенантом русского флота Александром Возницыным и «совратил» его. Возницын был образованным человеком, знал иностранные языки, читал богословские книги, занимался религиозными исканиями и еще до встречи с Борохом проникся иконоборческими идеями, разрушил часовню в своей деревне и утопил иконы. Они беседовали на темы Священного

Писания, сличали тексты на русском и древнееврейском языках, толковали о летосчислении – иудейском и христианском.

Решив принять иудейство, Возницын поехал в пограничное белорусское село Дубровно, где жил Борох Лейбов, и подвергся там обряду обрезания. В 1737 году его жена подала донос, в котором сообщила, что ее муж, «оставя святую православную веру, имеет веру жидовскую и субботствует, и никаких праздников не почитает... молитву имеет по жидовскому закону, оборотясь к стене... а дружбу он имел с жидом Борох Лейбовым».

Как только донос был подан, дело приняли к рассмотрению в Москве, а затем этим занималась Канцелярия тайных розыскных дел в Петербурге, где Бороха Лейбова допрашивали без пыток, а Возницына подвергли мучительным истязаниям. Свидетели показали, что обвиняемый «жидовский шабес держал... взяв курицу русскую, резал ее так, как видел у жидов, и ту курицу варил он, Возницын, в пятницу до захождения солнца, а в субботу ее ел»; во время иудейской Пасхи ел «пресные лепешки», которые велел испечь жене и «натыкать» гребенкой. Выявились и другие факты, которые подтверждали его вину, но самым главным было обрезание.

Сказано в протоколе допроса: «Об обрезании Возницын показал, что он не был обрезан, а тайный уд у него хоть и поврежден, но от бывшей у него прежде французской болезни, от которой лечил его и резал ему тот тайный уд лекарь, который уже умер». Но дворовые люди опровергли его заявление. Они показали, что до отъезда в Польшу Возницын брал их с собой в баню, и никакого повреждения они у него не видели. После «подъема на дыбу» Возницын изменил показания и сообщил комиссии, что по пути в Польшу он ознобил указанное место, однако следователи отметили в протоколе допроса: при самом жестоком морозе «подлежало быть озноблену какому иному члену, а наипаче лицу, рукам и ногам, а не тайному уду». Жена Возницына также показала, что до отъезда мужа в Польшу никакого повреждения у него не видела, а по приезде его из Польши – повреждение усмотрела.

Следствие по этому делу производилось с чрезвычайной быстротой по требованию императрицы Анны Иоанновны. И хотя Юстиц-коллегия настаивала на дополнительном расследовании, по указанию императрицы Сенат постановил предать виновных смертной казни, и Анна Иоанновна собственноручно начертала резолюцию: «Дабы далее сие богопротивное дело не продолжилось... обоих казнить смертию – сжечь».

Экзекуцию провели на Адмиралтейском острове в Петербурге 15 июля 1738 года. В специальном объявлении было указано, чтобы «всякого чина люди для смотра этой экзекуции сходились к тому месту означенного числа, по утру с восьмого часа». И в назначенный час отставной капитан-поручик Александр Возницын и Борох Лейбов были сожжены. После казни последовала резолюция императрицы, чтобы вдове Возницына выделили часть из оставшегося после него имущества «и о прибавке ей, сверх того, ста душ за учиненный донос на мужа».

В том же году был сожжен вероотступник – крещеный башкир Тойгильда, вернувшийся в мусульманскую веру.

6

Анна Иоанновна правила страной десять лет и пользовалась услугами евреев, когда этого требовали финансовые или иные интересы. Леви Липман занимался казенными откупам и поставками, именовался в документах «обер-гофкомиссаром Либманом», был агентом курляндского герцога Э. Бирона, фаворита императрицы; даже утверждали, что Бирон принимал решения только тогда, «когда они одобрены евреем Липманом, придворным банкиром... Этот еврей, единственный хранитель тайн герцога, его господина, присутствует

обыкновенно при всех совещаниях с кем бы то ни было, – одним словом, можно сказать, что Липман управляет империей».

Вряд ли так происходило на самом деле, потому что после смерти Анны Иоанновны новая императрица Елизавета Петровна отправила Бирона в ссылку, но Липман продолжал оставаться при царском дворе. По этому поводу даже появилось официальное сообщение в «Санкт-Петербургских ведомостях»: «Упомянутый обер-комиссар господин Липман коммерцию свою по-прежнему продолжает и при всех публичных случаях у здешнего Императорского двора бывает».

Кенигсбергский раввин Лейб Эпштейн написал особое сочинение о том, что евреям нельзя находиться в российской столице. «Провидением указано, чтобы евреи не жили в С.-Петербурге, так как в летние месяцы ночи там нет и невозможно определять время утренней и вечерней молитвы». Но у Елизаветы Петровны были иные доводы на этот счет. Она нетерпимо относилась ко всем иноверцам, и, возможно, в ее царствование евреи не только не жили в Петербурге, но даже не приезжали туда по делам. На это повлияло и дело Александра Возницына: отпадение в еврейскую веру офицера и дворянина насторожило ревнителей православной веры, воскресив в их памяти ересь жидовствующих.

2 декабря 1742 года императрица издала строжайший указ: «Из всей нашей империи, как из Великороссийских, так и Малороссийских городов, сел и деревень всех жидов немедленно выслать за границу и впредь оных ни под каким видом не впускать», – нарушителям указа угрожал «высочайший гнев и тягчайшие истязания». Началось выселение евреев, «какого бы звания и достоинства ни были»; изгнание вновь сопровождалось изъятием золотых и серебряных денег, заменой их на медные монеты.

Вскоре из Малороссии сообщили, что 140 человек высланы за границу, а запрещение евреям привозить товары уменьшает государственные доходы и разоряет коренных жителей. Этот же указ вызвал переполох в Риге, куда евреи привозили товары и брали задаток у местных купцов. Рижский магистрат сообщал в столицу, что торговля с Польшей ведется при посредничестве евреев, за ними числится огромная сумма денег рижского мещанства, и если закрыть им дорогу в Ригу, то они повезут свои товары в другие города. Сенат тоже рекомендовал впускать евреев в Малороссию и Ригу хотя бы временно, для торговых дел, но Елизавета Петровна была непоколебима и на докладе Сената начертала категорическую резолюцию: «От врагов Христовых не желаю интересной прибыли».

Нетерпимость императрицы проявлялась даже к отдельным лицам, и пострадал от этого врач Антониу Рибейру Саншес. Он родился в Португалии, в семье крещеных евреев, учился медицине в университетах Европы, в 1731 году приехал в Россию, обучал фельдшеров, повитух и фармацевтов, а также «немалое время находился при войсках, с которыми неоднократно бывал в походах». Затем он прославился в Петербурге как искусный медик, лечил правительницу Анну Леопольдовну и юного императора Иоанна Антоновича. Анна Леопольдовна так верила в Саншеса, что даже из Риги присылала ему на просмотр рецепты, которые ей прописывали местные врачи.

Саншес лечил также императрицу Елизавету Петровну, он же вылечил от опасной болезни пятнадцатилетнюю невесту Петра Федоровича, будущую Екатерину Великую. Она назвала его «один португалец по имени Санхец» и отметила в дневнике: «Я пробыла двадцать семь дней между жизнью и смертью... после шестнадцати кровопусканий нарыв, который был у меня на теле, прорвался... и я выздоровела».

В 1747 году Саншес заболел, подал в отставку, и его отпустили из России с большими почестями после семнадцатилетней службы. Елизавета Петровна подписала на прощание похвальный аттестат, Академия наук избрала его зарубежным членом-корреспондентом и назначила пенсию – 200 рублей в год. Однако вскоре императрица распорядилась, «чтобы из почетных членов Академии Рибера Санхеца выключить и пенсии ему не производить».

Саншес предположил, что его обвинили в политической неблагонадежности, но ему разъяснили: «причиною, по которой он лишился места своего, было его иудейство, а вовсе не какие-либо политические обстоятельства».

Президент Российской Академии наук написал Саншесу: «Ее Императорское Величество полагает, что было бы против ее совести иметь в своей Академии такого человека, который покинул знамя Иисуса Христа и решился действовать под знаменем Моисея и ветхозаветных пророков. Вот, милостивый государь, истинная причина вашей опалы». Знаменитый математик Эйлер писал в Россию: «Я сильно сомневаюсь, чтобы подобные удивительные поступки могли способствовать славе Академии наук».

Антониу Рибейру Саншес жил в Париже, написал книгу о происхождении и лечении сифилиса, которую перевели на другие языки, и даже через много лет она не утратила научного значения. После смерти Елизаветы Петровны президент Академии наук попросил восстановить Саншеса в правах, и Екатерина II, едва вступив на престол, назначила ему пенсию – за то, что «он меня, за помощью Божией, от смерти спас».

Через некоторое время Саншес прислал в Россию для перевода на русский язык вторую свою книгу. В русском издании она озаглавлена так: «О парных российских банях, поелику споспешествуют они укреплению, сохранению и восстановлению здоровья. Сочинение господина Санхеца, бывшего при дворе ее Императорского Величества славного медика». Как писали в России, книга эта «много способствовала ознакомлению Западной Европы с нашей баней».

После смерти Саншеса в его архиве обнаружили рукописи по медицине, педагогике, истории и философии, а также работу о причинах преследования евреев и «Размышления об инквизиции». Его французский биограф отметил: «Он питал глубокое отвращение к инквизиции, жертвами которой сделались некоторые из его родных и друзей». В двадцатом веке в Португалии выпустили книгу с описанием жизни Саншеса и поставили ему памятник – в городе, где он родился.

7

Сохранилась память о молодом человеке по имени Гирш Лейб, который жил в городе Липовец неподалеку от Винницы. Он и его отец, искусные портные, работали однажды во дворце польского графа, и там Гирш Лейб, юноша редкой красоты, обратил на себя внимание дочери графа, тоже молодой, красивой девушки, которая в него влюбилась.

Графская дочь не могла скрыть любви к юноше, она оказывала ему знаки внимания, но он оставался равнодушным. По окончании работы портные – отец и сын – уехали из дворца домой. Это так сильно подействовало на девушку, что от любви и тоски она заболела. Пригласили самых лучших врачей, но они не смогли ее вылечить, и только после долгих и настойчивых уговоров девушка открыла родителям свою тайну.

Тут же послали в местечко графскую карету, и юношу снова повезли во дворец. Там ему оказали самый радужный прием и объявили торжественно о желании графской дочери, чтобы он немедленно перешел в католичество, а затем женился на ней. Гирш Лейб отказался, и тогда начались уговоры в более настойчивой форме: юноше сулили богатство, знатность, грозили мучительной смертью, однако ни обещания, ни угрозы не подействовали. «Умру, – твердил он, – но религии своих предков не изменю».

Убедившись в бесполезности уговоров и напуганные состоянием дочери, родители решили воздействовать на юношу более естественным образом. Его нарядили в богатые одежды, ввели в спальню графской дочери и оставили наедине с ней – при весьма искушающей обстановке. Увидев любимого, бедная девушка бросилась к нему в объятия, но он

отвернулся, закрыл глаза и заплакал... Через несколько часов дочь графа умерла от горя, а юношу – по графскому приказу – живьем закопали в землю.

Спустя некоторое время евреям города удалось умиловить графа, и он разрешил перенести прах мученика на еврейское кладбище. Еще в начале двадцатого века на старом еврейском кладбище города Липовец стоял памятник, на котором было написано: «Гирш Лейб. Простой человек, поборовший искушение».

Про Лжедмитрия II сказано в исторических актах: «И после того Жигимонт король и паны... на Московское государство послали другого вора, родом жидовина». Однако русские историки прошлых времен упоминают несколько версий происхождения этого человека, и по одной из них – будто он был крещеный еврей, найденыш Богданко, который служил у царевича Дмитрия.

Историк С. Соловьев: «Ходили разные слухи: одни говорили, что это был попов сын, Матвей Веревкин, родом из Северной страны; другие – что попович Дмитрий из Москвы, от церкви Знаменья на Арбате... иные разглашали, что это был сын князя Курбского, иные – царский дьяк, иные – школьный учитель по имени Иван из города Сокола, иные – жид, иные – сын стародубского служилого человека».

Историк Н. Костомаров: «По одним известиям он назывался Богданом и был литвин, по другим – крещеный, по третьим – некрещеный еврей, по четвертым – сын Курбского, по пятым – его отыскал в Киеве путивльский поп Воробей, по шестым – его выслала в Московское государство жена Мнишка, по седьмым – он был родом стародубец и учил детей сначала в Шклове, а потом в Могилеве».

В 1672 году царь Алексей Михайлович повелел «иноземцу магистру Ягану Готфриду учинити комедию, а на комедии действовать из Библии «Книгу Есфирь», и для того действа устроить хоромину...» Так появился в Москве первый театр на Руси, для которого построили «хоромину» – деревянное здание. Пьесу в стихах «Артаксерксово действо» на темы Книги Эстер поставил немецкий пастор И. Г. Грегори. Первое представление состоялось в октябре 1672 года; «царю до того понравилась игра, что он смотрел ее в продолжение десяти часов, не вставая с места». Спектакль исполняли три года, а затем решили поставить пьесу о Давиде и Голиафе.

Русский монах Димитрий сочинил «Есфирь и Агасфер», драму духовного содержания, которую в восемнадцатом веке представили в придворном театре императрицы Елизаветы Петровны (Агасфер – искаженное имя царя Ахашвероша из Книги Эстер).

Смоленские мещане в жалобе на Бороха Лейбова добавили к своим обвинениям еще одно, самое, быть может, угрожающее. Будто Борох и его жена связали руки и ноги крестьянской девке Матрене Емельяновой,

служившей у них, подвесили ее на брус, держали в таком положении «с вечера до утреннего звона и, завесивши ей голову, булавками и иглами испущали из нея руду», то есть кровь.

В девятнадцатом веке, в городке Могилевской губернии, старая еврейка рассказывала, что ее предка Бороха, по прозвищу «не торопись», сожгли вместе с офицером, который при его содействии перешел в еврейство. По преданию в ее семье это прозвище объяснялось тем, что на пути к месту казни офицер старался приободрить Бороха, говорил то и дело: «Борох, не торопись! Борох, не торопись!» То есть: «Не волнуйся, Борох, крепись!»

В 1770 году, во время войны с Турцией, запорожские казаки захватили в плен более ста евреев с женами и детьми. Выбрали среди пленников шесть человек, у которых оставались в плену «жены и дети, родственники или отцы», и отпустили их в польскую Украину, чтобы собрали среди евреев выкуп – 8000 рублей. Деньги следовало заплатить в течение пяти месяцев, иначе «оставшиеся жида и всё их родство» будут насильно окрещены «или самой смерти преданы без всякого пощадения, непременно».

Целый год посланцы ходили из местечка в местечко, но сумели собрать лишь 600 рублей. За них заступился командующий русской армией генерал-фельдмаршал П. Румянцев, попросил казаков пожалеть обнищавших от войн и болезней польских евреев. Кончилось тем, что пленников отпустили на свободу в обмен на 600 рублей и сорок аршин тонкого сукна, а из Умани они прислали казакам благодарственное письмо и восемь голов сахара.

Часть вторая (1772–1881 годы)

Очерк шестнадцатый Евреи Центральной и Западной Европы в середине восемнадцатого века. Разделы Польши. Правление Екатерины II и введение черты оседлости

Когда Екатерина II проезжала через Могилев, «евреи воздвигли посреди площади возвышение с надписью: «Торжествуем, как во времена Соломона», где играли на разных инструментах попеременно, днем и ночью».

1

В середине восемнадцатого века жили в Европе более полутора миллиона евреев. Условия их существования диктовали правительства, землевладельцы и магистраты городов; это были отношения между хозяевами и пришельцами, даже если пришельцы жили в этой стране уже много веков. Им отводили места для жилья и разрешали заниматься определенными промыслами при ограничительных условиях, чтобы их конкуренция не вредила коренному населению. Юридически евреи были временными жильцами повсюду, на любой земле, можно сказать – вечными иностранцами, но если прочих иностранцев защищали договоры между странами, то у евреев не было своего государства на земном шаре, ни один международный договор на них не распространялся.

За право жительства евреи платили особый подушный налог, как его называли – налог «за покровительство», налог «за терпимость», а также прочие специальные налоги: это была как бы повышенная квартирная плата с бездомных и безответных жильцов. В некоторых странах закон даже ограничивал прирост еврейского населения, определяя максимальное число браков в каждой семье. В Моравии, например, по особому «семейному закону» только старший сын в еврейской семье мог вступать в брак, «чтобы число семейств не увеличилось», – этот закон существовал там до середины девятнадцатого века.

Во всех германских государствах было тогда около 200 000 евреев, и каждое из государств устанавливало преграды на своих границах. Переезжая из страны в страну, даже из города в город в пределах одной страны, еврей должен был платить особую пошлину. И у ворот каждого города, на границе каждого германского государства повторялась одна и та же унижительная процедура: с каждого еврея брали такую же поголовную пошлину, какая была установлена для ввоза скота.

«Есть государства (в составе Германии), – писал в 1781 году прусский экономист, историк и дипломат Христиан Вильгельм Дом, – где жительство евреям совершенно запрещено, где только путешественникам разрешается за определенную плату пользоваться покровительством местной власти, иногда на одну ночь... Если еврейский отец имеет нескольких сыновей, то лишь одному из них имеет он право оставить льготу на проживание в стране, а прочих вынужден отсылать в другие страны, где им приходится преодолевать такие же затруднения... Земледелие еврею запрещено, почти нигде ему не разрешается

непосредственно владеть недвижимым имуществом. Всякий ремесленный цех считал бы бесчестьем для себя, если бы обрезанный был принят в число его членов... а народная масса не может – даже ради выдающихся качеств ума и сердца – простить таким людям вину их принадлежности к еврейству... Каждый рождающийся ребенок увеличивает налог, которым шаг еврея обложен данью».

Другой свидетель отметил: «Отношение к еврею и христианину можно сравнить с отношением к двум выючным животным: оба тянут воз, а когда доходит до кормления, одно получает овес, а другому предоставляется право подбирать сорную траву на обочине». Во Франкфурте-на-Майне была одна из самых крупных еврейских общин Германии. «Представьте себе, – сообщал житель города, – длинную улицу, застроенную домами в пять и шесть этажей, к которым сзади примыкают еще дома и пристройки, так что узенький двор едва пропускает дневной свет. Все уголки в этих домах до крыши, все комнаты и каморки битком набиты тысячами человек, которые считают себя счастливыми, когда они выходят из этих нор, чтобы подышать свежим воздухом своей грязной и сырой улицы».

Из еврейского квартала Франкфурта-на-Майне жителей выпускали только по делам и в определенные часы; в городе им запрещали ходить по тротуарам, приближаться к зданию ратуши или гулять по бульварам; к вечеру стража запирала ворота в еврейский квартал, и никто не мог выйти наружу до утра. Даже в коронационные дни евреи сидели взаперти в своем квартале, только немногие счастливицы милостиво получали особые пропуска, на которых было написано: «Предъявитель сего может быть отпущен из еврейского квартала в город в предстоящий день коронации, но при условии, чтобы он смотрел на торжество из окон какого-нибудь дома или с подмостков, но отнюдь не на улице».

«Евреи Франкфурта-на-Майне... были предметом нежнейших забот со стороны своих правителей, – с иронией писал один из жителей еврейского квартала. – По воскресным дням им не позволяли выходить со своей улицы, чтобы их не избili пьяные. До двадцатипятилетнего возраста им не разрешали жениться, – конечно же, для того, чтобы обеспечить им крепкое и здоровое потомство. В праздничные дни им разрешалось выходить за ворота лишь около шести вечера, чтобы предохранить от палящих лучей солнца... По некоторым улицам города евреям вообще запрещали ходить: вероятно, потому, что там была плохая мостовая».

В бывших германских областях Эльзаса и Лотарингии, перешедших к Франции, было около 30 000 евреев. Их заставляли покупать право на передвижение, право на работу и на жительство, которое не распространялось на их детей. Когда евреи пожаловались на это в Высший Совет Эльзаса, то получили такой ответ: «Еврей не имеет определенного местожительства; он осужден на вечное скитание. Этот рок за ним следует повсюду и говорит ему, что он не может себе позволить постоянную оседлость. Поэтому возмутительно, что представитель этой осужденной нации хочет заставить землевладельца дать ему покровительство на том лишь основании, что... этот еврей там родился».

Страсбург, столица Эльзаса, был закрыт для евреев; их пускали только по делам, на несколько дней и под надзором полиции. В Париже позволяли жить лишь небольшой группе южнофранцузских евреев. Всякий иной еврей, оказавшись в столице Франции, попадал под надзор особой «инспекции для бродяг и евреев». Полицейские комиссары устраивали ночные облавы и тащили в тюрьму тех, у кого не оказывалось документа на жительство.

Покоя не было нигде. В Пруссии, к примеру, власти решили изгнать неимущих евреев из страны, и многие из них скитались на границе с Польшей, потому что польские власти тоже не желали их принимать. В немецкой части Швейцарии – с ее республиканским правлением – евреям разрешили жить только в двух городках, но запретили покупать там землю, заниматься цеховыми ремеслами, снимать комнаты в одном доме с христианами и чересчур размножаться. В Швецию их не впускали ни под каким видом – «для предохранения чистой евангельской веры», а когда король разрешил еврею-ювелиру поселиться в Сток-

гольме, это вызвало всеобщее возмущение против монарха, который посмел «осквернить страну». В Англии в 1753 году приняли билль о натурализации евреев, но этот закон, касавшийся нескольких тысяч человек, вызвал в стране такую бурю протестов, что парламент отменил его.

Вильгельм Дом призывал всякое государство в Европе – для собственного блага – уравнять евреев в гражданских правах, чтобы получить «верных и благодарных подданных». «Евреи нравственны, прилежны, преданы делу, – писал он. – Домашняя жизнь их отличается большой простотой. Они, по большей части, хорошие мужья и добрые отцы семейств. Брачная жизнь их чиста, и преступления против целомудрия встречаются среди них гораздо реже, чем у других народов. Их бедные не являются тягостью для государства, так как община поддерживает их своими средствами. Они повсюду преданы государству и в минуты опасности обнаруживают такое рвение, какого даже невозможно ожидать от столь мало благоприятствуемых членов общества».

Казалось бы, что может быть лучше? Но примерно в то же время папа Пий VI обнародовал «Эдикт о евреях», в который вошли ограничительные законы прежних времен. Евреям в Риме запрещали жить вне гетто, даже оставаться в городе на одну ночь – под страхом телесного наказания и штрафа. Их обязали носить повсюду – «для отличия от других» – кусок желтой материи, пришитый к шляпе. Еврей не мог продавать христианам мясо и молоко, нанимать их в слуги и кормилицы, приглашать акушерку из христиан, есть, пить, даже беседовать с христианами в домах, трактирах и на улицах. Любую еврейскую книгу, купленную или полученную в подарок, следовало отдавать в особую цензуру, за непослушание полагалось наказание – семь лет тюрьмы. Не разрешали хоронить евреев с церемониями – чтением псалмов и зажженными свечами, ставить на могилах памятники с надписями. Запрещали строить новые синагоги и ремонтировать старые, а в дни христианских праздников жители гетто должны были работать в своих домах при закрытых дверях.

Этот эдикт расклеили на улицах и площадях Рима, толпы собирались возле плакатов, и вскоре уличные нападения на евреев стали обычным явлением. Французский писатель отметил тогда, что в Риме евреям живется хуже, чем где бы то ни было в Европе. «Спрашивают, – писал он, – когда же евреи обратятся в христианство? Я же спрашиваю: когда христиане обратятся к терпимости?»

2

Императрица Елизавета Петровна умерла в конце декабря 1761 года; на престол вступил Петр III, сын ее старшей сестры Анны, внук Петра I. Он царствовал лишь полгода, был свергнут в результате дворцового переворота и вскоре умер при невыясненных обстоятельствах. Говорили о том, что его отравили или удушили, но в официальном документе указано иное: Петр III, страдая «геморроидическими» припадками, «впал в прежестокую колику» и умер. В июле 1762 года на престол взошла Екатерина II и сразу же столкнулась с еврейским вопросом.

Она отметила в «Записках», упоминая себя в третьем лице: «На пятый или шестой день по восшествии своем на престол Екатерина II прибыла в Сенат... Случилось так, что на этом заседании подошла очередь обсуждать вопрос о допущении евреев в Россию. Все единогласно признали полезным это допущение. Но Екатерина, по тогдашним обстоятельствам, затруднялась изъяснить свое согласие... Не прошло еще недели, как Екатерина II вступила на престол; она возведена была на него, чтобы защитить православную веру... Умы были сильно возбуждены, как это всегда бывает после столь важного события; начать цар-

ствование таким проектом не могло быть средством для успокоения; признать проект вредным – было невозможно».

Екатерина потребовала, чтобы «дело это было отложено до другого раза», и записала в дневнике: «И вот как часто недостаточно быть просвещенным, иметь лучшие намерения и даже власть, чтобы привести их в исполнение». Этим же соображением Екатерина руководствовалась в своем манифесте от 4 декабря 1762 года, который разрешал любому иностранцу беспрепятственно селиться на территории Российской империи. В нем было одно только ограничение – «кроме жидов».

В то время Екатерина II стремилась заселить недавно завоеванные степи Новороссии, к северу от Черного моря; для развития пустующего края она решила привлечь и евреев. Императрица не могла действовать открыто, а потому изыскивала пути в обход собственного закона. Она обязала генерал-губернатора Риги выдать паспорта нескольким евреям из Митавы, «не упоминая их вероисповедания», чтобы они на время приехали в Петербург. Письмо генерал-губернатору было написано завуалированно, и Екатерина сделала к нему приписку: «Если вы меня не поймете, то я не буду виновата... Держите всё в тайне».

Вскоре в столицу приехали евреи из Митавы: раввин Исраэль Хаим с помощником, трое купцов, резник и слуга. Из Петербурга они рассылали письма в еврейские общины других стран, приглашая селиться в Новороссии, и вскоре приехали в Ригу «двадцать человек из польского города Полоцка». В их документах не было указано вероисповедание, но так как их не впустили в город в ожидании решения генерал-губернатора, можно предположить, что это были – как писали для конспирации – лица «известной нации». Даже у духовника императрицы жили в Петербурге несколько евреев, которых терпели в столице, «делая вид, что не знают об их пребывании». «Впрочем, – писала Екатерина, – впуск евреев в Россию мог бы принести большой убыток нашим мелким торговцам, так как эти люди всё притягивают к себе, и может статься, что при их возвращении было бы больше жалоб, чем пользы».

В то время евреи острова Менорка в Средиземном море попросили права поселиться в Херсоне и его окрестностях, обязываясь за свой счет привезти в Россию торговцев, ремесленников, земледельцев, шелководов и мастеров для изготовления цветных стекол. Русский консул в Италии поддержал их просьбу и добавил от себя, что город Ливорно обязан поселившимся там евреям «цветущим своим состоянием». В ответ ему сообщили решение императрицы ограничиться лишь переселением в Россию греков, корсиканцев «и примыкающих к ним», но не евреев.

Прошло еще несколько лет, и исторические обстоятельства прекратили всякие споры на эту тему – впускать или не впускать евреев на территорию Российской империи.

3

В 1772 году Екатерина II, прусский король Фридрих II и наследник австрийского престола Иосиф II пришли к соглашению о разделе окраинных земель Польши. По этому договору к России отошла восточная часть Белоруссии – Могилевская и Полоцкая (впоследствии Витебская) губернии, к Австрии – Галиция, а к Пруссии – Померания и часть Познанской провинции. Таким образом на территории России оказались десятки тысяч евреев Белоруссии, которые неожиданно стали российскими подданными и вызывали удивление пришлых чиновников, впервые столкнувшихся с незнакомым народом. «Вся Белоруссия кишит ими», – отметила Екатерина в письме к французскому философу Д. Дидро, но не было уже никакой возможности изгнать евреев из России на основании прежних законов. Слишком велика была их роль в хозяйственной жизни, и выселение евреев подорвало бы экономику присоединенного края.

Царский манифест о присоединении Белоруссии к России торжественно зачитывали в церквах и заносили в городские книги. Он провозглашал, что все жители, «какого бы рода и звания ни были», переходят в русское подданство и наравне с прежними подданными пользуются «всеми правами, вольностями и преимуществами... по всему пространству Империи Российской». Тот же манифест особо упомянул евреев, впервые в официальном документе применив наименование «еврейский» взамен «жидовский». За ними сохранялись прежние права, которыми евреи пользовались в Польше: свобода вероисповедания и право на собственность, «ибо человеколюбие Ея Императорского Величества не позволяет их одних исключить из общей всем милости и будущего благосостояния под благословенною Ея державою».

Прежде всего власти позаботились о взимании налогов с новых подданных. Три группы населения подлежали подушному сбору податей: крестьяне, купцы и евреи. С крестьян брали по семь гривен, с купцов – рубль двадцать копеек, а с «жидов, – гласило распоряжение, – сбор положить также поголовный, по одному рублю с каждой души, и приписать их к кагалам». По примеру поляков русское правительство воспользовалось уже существовавшей формой еврейского общинного самоуправления, чтобы обеспечить бесперебойное поступление налогов. Кагал собирал деньги со всех членов общины и вносил их в «провинциальную канцелярию». Никто не мог уклониться от уплаты своей доли: кагал выдавал членам общины особые паспорта, и переменить место жительства или отлучиться по делу нельзя было без разрешения кагала.

Для поощрения торговли и промышленности Екатерина II ввела разделение купцов, ремесленников и лиц прочих профессий на два разряда: владевшие капиталом до 500 рублей считались теперь мещанами, а обладавшие большей суммой назывались купцами первой, второй или третьей гильдии в зависимости от размера капитала. Почти все евреи стали мещанами, только малая их часть вошла в купеческое сословие. Купцы платили в магистраты и ратуши по одному проценту с «объявленного ими по совести капитала»; еврей-мещане по-прежнему выплачивали подати кагалам «с каждой души», а в дополнение к этому каждый еврей-налогоплательщик вносил в казну по 12 копеек почтового сбора.

Попав в купеческое или мещанское сословие, евреи получили право избирать и быть избранными – совместно с прочими купцами и мещанами – в органы городского самоуправления. Россия оказалась среди первых государств в Европе, разрешив евреям участвовать в муниципальных выборах, однако это вызвало недовольство христианского населения и местных властей. В некоторых городах евреев не допустили к выборам в магистраты, а в других – при помощи всевозможных ухищрений – их избирали не в пропорциональных количествах. Кончилось тем, что им разрешили составлять в выборных органах не более одной трети от христиан, независимо от результатов голосования.

В городах с преобладающим еврейским населением членами магистратов становились порой случайные люди, которые решали за евреев их коммерческие дела, не имея о том никакого понятия. Эти же самые люди большинством голосов проводили несправедливую раскладку городского налога, и евреи были бессильны что-либо изменить, потому что «не имели почти голоса в магистратах». Позднее литовские христиане убедили власти, что евреев нельзя допускать в общественные помещения, где развешаны иконы, над которыми они «будут только посмеиваться»; их участие в выборных органах подорвет доверие народа к городскому самоуправлению, «послушание черни обратится в поругание» – и евреев Литвы лишили избирательных прав.

В последние годы царствования Екатерины II еврейские купцы из Белоруссии появились в Смоленске и Москве, записываясь там в купечество. Они торговали товарами германских фабрик, разносили их по домам, продавали по более низким ценам, чем местные торговцы. В 1790 году московские купцы пожаловались властям – в «интересах торговли», а

«отнюдь не из какого-либо к ним (евреям), в рассуждении их религии, отвращения или ненависти». Купцы напомнили про старые порядки, когда евреев не впускали в Российское государство; дешевизну товаров объясняли тем, что это, скорее всего, контрабанда, «утайка пошлин», и предупреждали, что от конкуренции с ними торговле будет причинен «весьма чувствительный вред и помешательство», а московские купцы разорятся, «оставя бедных жен и детей без всякого пропитания».

В марте 1790 года, по данным полиции, еврейское население Москвы составляли 8 женщин, 12 детей и 49 мужчин, среди которых были купцы Михайла Мендель, Есель Янкевич, Хаим Файбешевич, Израиль Гиршевич и Лейба Масеевич. Несмотря на столь малое их количество, жалобу московских купцов рассматривал Государственный Совет и определил, что «не усматривается никакой пользы от допущения» еврейских купцов во внутренние губернии России. Решение Совета утвердила Екатерина II указом от 23 декабря 1791 года: «Евреи не имеют никакого права записываться в купечество во внутренние Российския города и порты, а только по указам Нашим дозволено им пользоваться правом гражданства и мещанства в Белоруссии», – а также в Новороссийском крае и в Таврической области (Крым и часть побережья Черного и Азовского морей), которые нуждались в заселении и освоении.

Этот указ впервые узаконил для евреев право постоянного жительства и право на промыслы лишь на ограниченных территориях Российской империи. С этого момента ведет начало печально известная «черта постоянной еврейской оседлости», хотя это выражение тогда еще не употреблялось.

4

После первого раздела Польское королевство продолжало существовать в уменьшенных размерах. Комиссия установила, что в Польше и Литве проживало тогда около 800 000 евреев – восьмая часть населения страны. Евреи держали в торговле три четверти вывоза всех товаров и одну десятую часть ввоза. Купец-еврей был менее требователен, чем купец-христианин, тратил на свое содержание вдвое меньше, а потому мог продавать дешевле поляков, довольствуясь меньшей прибылью. Один из купцов даже определил «причины» этого: «Неудивительно, что евреи разоряют торговое сословие; правда, они при этом и сами разоряются, ведь нельзя отрицать, что евреи бедны несмотря на свой товарооборот. Объясняется это тем, что еврей, в злом стремлении разорить торговое сословие, разоряет и сам себя, так как отдает товар почти задаром... но покупатель поддерживает евреев, а кредиторы их защищают».

Половину ремесленников в провинции составляли евреи: сапожники, портные, скорняки, золотых дел мастера, плотники, каменщики, цирюльники. Каждый двенадцатый еврей в Польше не имел определенных занятий, каждый шестидесятый – был нищим. В польских, литовских и украинских городах и местечках евреи жили скученно, в деревянных домах, крытых чаще всего соломой. Если прежде можно было встретить садик или огород возле еврейского дома, то к концу восемнадцатого века места для садов и огородов уже не хватало. Теснота в еврейских кварталах всё возрастала, дома ставили вплотную, бок о бок, узкой стороной к улице, пристраивая помещения в глубину участка, а в больших городах появились двух- и трехэтажные дома, в которых жило по несколько семей.

При каждом «зимнем помещении» была кухня с большой печью, которая примыкала к жилой комнате. В кухне держали домашнюю птицу. Кровати в комнате огораживались занавесками, на них спали женщины; мужчины ночевали на лавках. Во многих домах пол был земляным, потолок держался на балках; посреди комнаты вкапывали в землю четыре пня, укладывали на них доску, и получался стол, за которым ели и работали. Вечерами комнаты освещали масляными лампами из глины, а в бедных домах – лучинами. Скученность

была велика, способствуя заболеваниям, дети вырастали слабосильными, неподготовленными к той жизни, которая их ожидала; детская смертность у евреев была в полтора раза выше, чем у христиан.

Евреям запрещали жить в Варшаве, но, тем не менее, они там селились, вызывая неприязнь конкурентов. В мае 1790 года произошла стычка, ремесленники начали громить еврейские дома. Порядок восстановили солдаты, а для успокоения народа арестовали, высекли и изгнали из города евреев-разносчиков и ремесленников. Вскоре после этого польский сейм высказался категорически: в число горожан допускаются только лица христианского вероисповедания. Конституция 1791 года обошла молчанием еврейский вопрос, но дни Польского королевства были уже сочтены, постановления сейма не имели практического значения.

В 1793 году произошел второй раздел Польши, в ответ на это началось восстание под предводительством Тадеуша Костюшки. Горстка евреев примкнула к польскому освободительному движению, чтобы доказать, что и они являются истинными патриотами Польши. Особенно это проявилось в дни защиты Варшавы, той самой Варшавы, где евреям не разрешали жить и откуда их незадолго до этого изгнали с таким унижением. В 1794 году при осаде Варшавы войсками А. Суворова евреи защищали город бок о бок с поляками. «Заодно с ремесленниками, мещанами и панами, – писал повстанец, – спешили они длинными веренищами насыпать укрепления, распевая вместе со всеми народную Марсельезу. На окопах работали они в полном единении с монахами и шляхтой, с величайшим напряжением сил. Стоя под огнем картечи, теряя сотни убитых и раненых, они не утрачивали присутствия духа, но кидались на врага и даже отбили у него несколько пушек». В польских газетах писали: «Там, где речь идет о пользе человечества, евреи не щадят жизни».

В те дни из рядов варшавских евреев выдвинулся Берек Иоселевич. Он с первых дней примкнул к восстанию, своей отвагой приобрел популярность и призывал евреев бороться за освобождение Польши, чтобы «добыть свободу, обещанную нам так же твердо, как и другим людям». «Хоть дети наши, – писал он в воззвании, – будут жить спокойно и свободно, не скитаясь как дикие звери». Берек предложил составить из евреев отряд легкой кавалерии, и Костюшко ответил на это: «Хваля таковое усердие, даю разрешение вербовать участников указанного корпуса, снабдить его оружием и всем потребным, чтобы как можно скорее могли они явиться на службу Речи Посполитой, как можно лучше боролась с врагом». Тем же указом он возвел Берека Иоселевича в чин полковника еврейского отряда.

Первого октября 1794 года Берек обратился к евреям Польши с пламенным призывом: «Слушайте, сыны племени израильского! Бог всесильный с вами, а я – ваш вождь!» Воззвание было подписано – «Берек Иоселевич, полковник». На призыв откликнулись 500 человек, которых наскоро обмундировали, обучили военному делу и поставили защищать предместье Варшавы. Полк был плохо оснащен, терпел лишения, но поражал всех строгой дисциплиной.

4 ноября русские войска начали штурм Варшавы при непрерывном обстреле артиллерией. А. Суворов сообщал в Петербург, что убитых среди поляков было 12 000 человек, утонули в Висле – 2000. Почти весь еврейский полк погиб в тот день, в живых остались несколько человек. Как писали потом: «Предместье Варшавы, которое защищал еврейский полк, было взято штурмом; всё погибло под ударом меча. На другой день нашли весь полк покоящимся в вечном сне на фортификациях; ни один солдат не уклонился перед призывом смерти».

Богатый еврей Шмуэль Збитковер поставил у себя во дворе бочку с золотыми дукатами и бочку с серебряными рублями и объявил, что всякий, кто принесет с поля боя раненого еврея – получит дукат, а кто похоронит мертвого – получит рубль. Так были спасены все раненые и похоронены мертвые евреи.

5

После второго раздела Польши к России отошли территории, на которых были образованы Волынская, Подольская и Минская губернии. Новый указ включил и эти земли с обширным еврейским населением в черту оседлости, добавив Малороссийские губернии с городом Киевом. Ограничивая евреев в свободе передвижения, этот же указ установил для них повышенное налоговое обложение – «вдвое противу положенных с мещан и купцов христианского закона». Еврейский купец платил теперь два процента со своего капитала, еврей-мещанин – двойную подать; кто же хотел покинуть Россию, обязан был внести в казну двойную подать за три года.

В 1795 году произошел третий раздел Польши, который прекратил ее самостоятельное существование. К России отошла большая часть Литвы, Курляндия и западная Белоруссия, также вошедшие в черту оседлости. Если до этого российская граница проходила неподалеку от Смоленска, то после присоединения польских земель она отодвинулась далеко на запад, от Балтийского до Черного моря, по линии Мемель – Ковно – Гродно – Брест-Литовск – Каменец-Подольск. По приблизительным подсчетам в Российской империи – после трех разделов Польши – оказалось примерно 800 000 евреев, около двух процентов всего населения. Ни в одной стране не было такого количества евреев; теперь уже России пришлось законодательными и административными мерами организовывать их жизнь.

Екатерина II увлекалась в молодости идеями французских просветителей. Ее «Наказ» российским депутатам по составлению проекта нового законодательства включал гуманные принципы, опередившие ту эпоху: веротерпимость, равноправие подданных, отмену пыток, право каждого человека на жизнь и на труд, право свободного высказывания мнений. Этот «Наказ» содержал такие идеи, которые и сегодня сделали бы честь любой просвещенной власти: «Равенство граждан состоит в том, чтобы все подвержены были тем же законам»; «Гонение человеческие умы раздражает, а дозволение верить по своему закону умягчает и самые жестоковейные сердца и отводит их от заматерелого упорства...»; «Хотите ли предупредить преступления? Сделайте, чтобы... люди боялись законов и никого бы, кроме них, не боялись»; и наконец: «Законоположение должно применять к народному умствованию, ибо мы ничего лучше не делаем, как то, что делаем вольно, следуя природной нашей склонности».

Но «наказы» императрицы не соответствовали «умствованию» тогдашнего общества; несмотря на провозглашенные гуманные принципы, евреев выделили со временем в отдельную группу населения с особым ограничительным законодательством. Да и могли ли они рассчитывать на исключительное к ним благоволение, когда в стране жили миллионы закабаленных крестьян, которых продавали поодиночке и целыми деревнями, наказывали плетью и батогами по прихоти их владельцев, и на которых гуманные принципы вообще не распространялись?

В годы своего правления Екатерина II нередко высказывала благие пожелания, но одновременно вводила строгие ограничения. И тем не менее, в первый период ее царствования у евреев появились надежды на улучшение бедственного состояния. Самое главное, власти почти не вмешивались в их внутреннюю жизнь; еврейские общины располагали полной автономией, у них были собственные суды, синагоги со школами, они собирали необходимые средства на нужды общины. Когда императрица проезжала через Могилев, «евреи воздвигли посреди площади возвышение с надписью: «Торжествуем, как во времена Соломона», где играли на разных инструментах попеременно, днем и ночью».

6

В восемнадцатом веке жил в Бердичеве Элизер Либер, проповедник общины, или – как его называли – Либер Великий. Это был очень высокий человек с бородой до пояса; у него были густые брови, которые почти закрывали глаза, и когда Либер смотрел на кого-нибудь, то поднимал брови руками. Он уединялся от людей, всё время посвящал занятиям кабалой, в которой приобрел большие познания, и евреи Бердичева смотрели на него, как на святого праведника, которому Всевышний открыл Свои пути. Баал Шем Тов говорил о нем: «Бывают праведники, которые получают откровение от пророка Элиягу. С Либером происходит обратное: пророк Элиягу получает откровения от Либера».

Однажды князь, владелец города, увидел в лесу еврея, молившегося под деревом, подозвал его к себе, но Либер не тронулся с места. Князь рассердился, велел бить его кнутом, но он будто не чувствовал боли и продолжал молиться с таким же воодушевлением. Князь был поражен этим и, возвратившись домой, послал за Либером, чтобы извиниться перед ним. Тот заявил, что простит при одном условии: если князь подарит еврейской общине это место, на котором он, Либер, молился, чтобы построить там синагогу. Князь согласился, и там построили большую синагогу, которая так и называлась – синагога Либера.

Жители Бердичева рассказывали, что прадед Либера, великий кабалист Натан Шапиро, являлся каждую ночь с того света, чтобы учить своего потомка. Однажды прадед перестрал являться к Либеру, и он отправил своего сына в Краков, на могилу Шапиро, выяснить причину немилости. Там его сын получил такой ответ: после кончины Баал Шем Това на тридцать дней закрылась в знак траура «Верховная академия», откуда Натан Шапиро приносил свои наставления.

Существует легенда о смерти Либера Великого, и вот она.

В 1771 году в Бердичеве началась эпидемия, которая уносила одного за другим. Жителям города грозило вымирание, и тогда Либер заявил во всеуслышание, что станет искупительной жертвой за всех. В ту же ночь он скончался, а эпидемия к утру прекратилась. В начале двадцатого века на старом еврейском кладбище Бердичева стояла могильная плита, на ней можно было прочесть: «Памятник на могиле умершего во время эпидемии... скромного человека, великого раввина, нашего учителя Элизера Либера, сына Авраама блаженной памяти».

В 1776 году купец Яков Гирш подал прошение на имя Екатерины II, предлагая завести «своим коштом», без казенной помощи, овечьи заводы, «коих овец шерсть... ничем уступать не будет самой лучшей европейской шерсти». По Высочайшему указу Гиршу выделили в аренду земли в Могилевской губернии и приписали к овечьему заводу несколько сот ревизских душ из белорусских деревень. Там начали разводить овец, из их шерсти ткали сукно, одеяла, лошадиные попоны, и Гирш получил золотую медаль с надписью «За труды воздаяние». Он умер в 1788 году, после чего Сенат постановил: на содержание овечьего завода «потребна ежегодно немалая сумма», а потому следуют продать завод «с публичного торгу. Находящихся же тамо людей обратить в первобытное их состояние, из которого они к заводу взяты».

При Екатерине II приезжали в Россию евреи, которые получали медицинское образование в Европе, проходили экзамен в Петербурге при медико-хирургической академии, назначались врачами или занимались частной практикой. Мендель Лев стал доктором Морского кадетского корпуса. Гавриил Бер получил право на практику в белорусских губерниях, «где живет народ еврейский». Элиас Аккорд служил на Украине в разных полках, а Авраам Бернгард был главным врачом всех литовских госпиталей.

В 1784 году некая Фейгель Байнитович с мужем Мошкой приехала в Курск и представила рекомендательные письма об успешном лечении глазных болезней. Фейгель сообщила, что не знакома с анатомией глаза, врачевать научилась у своего отца и попросила устроить ей экзамен. В присутствии губернатора Курска и местного доктора она провела удачную операцию по снятию катаракта у инвалида, потерявшего зрение за семнадцать лет до этого. В отчете было указано: она сделала это «безо всякого приготовления и без кровопускания... не долее, как в две минуты», и он «прозрел». Затем ее экзаменовали в Москве, там она тоже «удалила из глаз катаракт имеющимся у нее инструментом». Медицинская коллегия позволила ей делать глазные операции, но непременно в присутствии врача.

С 1757 года крещеный еврей Самойло Юдин работал гравером на монетном дворе Петербурга, а затем в течение двадцати лет был главным медальером Санкт-Петербургского монетного двора. Он выгравировал на лицевой стороне рубля портреты императрицы Елизаветы Петровны и Петра III; гравировал медали «В память учреждения ордена Св. Андрея Первозванного», «В память основания Петербурга», «В честь победы под Полтавой», «В память военных успехов России» и другие.

Тайный советник Карл Габлиц, крещеный еврей из Германии, составил первое географическое и историческое описание Крыма после его присоединения к России, в 1788 году был назначен вице-губернатором Таврической области. Сенатор Габлиц стал затем главным директором лесного департамента, основателем первых лесных школ в России, почетным членом Российской Академии наук; в его честь ботаники называли одно из растений – *HABLITZIA* (внук Карла Габлица Александр Серов – известный русский композитор, правнук Валентин Серов – не менее известный художник).

Очерк семнадцатый **«Мнение» сенатора Г. Державина. Еврейский** **комитет при Александре I. Выселение из деревень.** **Еврейские сельскохозяйственные колонии**

*«Я не для того вещаю, чтобы вывести себя в пышности на сцену.
Может ли тщеславие иметь место в сердце унылом и сокрушенном?
Нет, я изливаю токмо ту горесть, которою чрез меру наполнена душа
моя!..»*

1

Екатерина II правила страной до 1796 года, а затем российский престол занял ее сын Павел I. В 1798 году евреи из белорусского местечка Шклов пожаловались императору на владельца местечка отставного генерала С. Зорича, в прошлом – одного из фаворитов Екатерины II. Когда императрица охладела к Зоричу, она пожаловала ему шкловское поместье, где он построил замок и жил «в пышной надменности»: содержал за свой счет театр, военное училище на 300 дворянских детей, «всякий день» устраивал балы, маскарады, фейерверки и грандиозные охоты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.